

Вопросы элитологии
Issues in Elitology

2020, Volume 1, Issue 4

ISSN: 2712-8415

18+

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Научный электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 1, №4

2020

ISSN: 2712-8415

18+

ISSUES IN ELITOLOGY

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol 1, No 4

2020

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

ISSUES IN ELITOLOGY

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Сетевое издание предоставляет свою площадку для открытой научной дискуссии, не делая при этом никакого различия ни для именитых

учёных, ни для начинающих молодых авторов. Главный критерий отбора материала – рукописи должны быть высокого научного качества и отвечать духу конструктивного профессионального сотрудничества.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- ISSN: 2712-8415
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional

communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

- ISSN: 2712-8415
- Materials are intended for persons over 18 years old

EDITOR-IN-CHIEF	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Pavel L. Karabuschenko Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
JOURNAL MANAGER	МЕНЕДЖЕР СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
Yuriy D. Goncharenko e-journal "Issue in Elitology". Astrakhan, Russia	Юрий Дмитриевич Гончаренко сетевое издание "Вопросы элитологии". Астрахань, Россия
EDITORIAL TEAM	РЕДАКЦИЯ
Leonid Ya. Podvoisky (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
Maria M. Bicharova PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia	Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия
Irena V. Lebedeva PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
EDITORIAL BOARD	РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Arushan A. Vartumyan Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia	Арушан Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия
Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia	Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт- Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia	Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия
Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia	Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия
Evgeny N. Moschelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Larissa I. Nikovskaya Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPА. Moscow, Russia	Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия
Alexander V. Ponedelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА). Rostov-on-Don, Russia	Александр Васильевич Понеделков д. полит. наук, профессор, Южно- Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия
Ravil G. Rezakov Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia	Равиль Гарифович Резаков д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия
Maria M. Fedorova Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia	Мария Михайловна Федорова д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия
Alexander N. Chumakov Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Александр Николаевич Чумаков д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Elena V. Khlyshcheva Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Владиславовна Хлыщева д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор:
Павел Леонидович Карабущенко
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev[at]gmail.com

**Мнение редколлегии журнала может
не совпадать с мнением авторов**

CONTACT:

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief:
Pavel L. Karabuschenko
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

CEO:
Rastyam T. Aliev
Email: rastaliev[at]gmail.com

**The opinion of the editorial board
may not coincide with the opinion of the authors**

ИСТОРИЯ ЭЛИТОЛОГИИ И ЭЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Ляпин Д. А.**
«Ростки свободы» в «Православном Ханстве»:
русская политическая элита и царская власть в XVII в. 13
- Ильин А. А.**
Научная элита Московского университета:
П.И. Новгородцев и И.А. Ильин 31

ЭЛИТОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Приорова И. В.**
Духовная преемственность в русской культуре и современная
образовательная парадигма Китая: от интеллигенции к элите 49

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТОЛОГИЯ

- Гришин Н. В.**
Участие граждан в управлении выборами: процесс делимитации
избирательных округов 66
- Гукасов А. В., Косов Г. В.**
Технологии формирования нового мирового порядка в период
«interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и тер-
риторий распада (кейс Большого Средиземноморья) 82
- Маковская Д. В., Гарас Л. Н.**
Этнонациональная виктимизация украинского общества в дискурсе
научной элиты Украины: тенденции и содержание 104
- Усова Ю. В.**
Административно-политические элиты современной России в
региональном измерении 122
- Карабущенко П. Л.**
Карнавальная политическая культура: политические элиты в поисках
утраченной идентичности 138

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

- Шашкин Д. А.**
Современная политическая элита Ирана - Рецензия на книгу Асефа Боята:
«Иран : зеленая волна для свободы и жизни»(Тегеран, 2009) 166
- Ведров О. С.**
Образ политических лидеров России в глазах Барака Обамы - рецензия на
книгу Б. Обамы «Земля Обетованная» (2020) 175

HISTORY OF ELITE STUDIES AND ELITE STUDIES OF HISTORY

- Denis A. Lyapin**
"Growth of Freedom" in the "Orthodox Khansta":
Russian Political Elite and the Tsar in the XVII Century 12
- Aleksey A. Ilin**
The Scientific Elite of Moscow University:
P. I. Novgorodtsev and I. A. Ilyin 31

ELITOLOGY OF EDUCATION

- Irina V. Priorova**
Spiritual Continuity in Russian Culture and the Modern Educational Paradigm of
China: From Intelligentsia To Elite 49

POLITICAL ELITE STUDIES

- Nikolai V. Grishin**
Citizens' Participation in Electoral Governance: A Redistricting Process 66
- Arsen V. Gukasov & Gennady V. Kosov**
Technologies for the Formation of a New World Order During the "Interregnum"
Period: on the Issue of the Formation of New Elite Zones and Territories of
Disintegration (The Case Of The Greater Mediterranean) 82
- Daria V. Makovskaya & Lyudmila N. Garas**
Ethno-national Victimization of Ukrainian Society in the Discourse of the
Scientific Elite of Ukraine: Trends and Content 104
- Yulia V. Usova**
Administrative and Political Elites of Modern Russia in the Regional Dimension 122
- Paul L. Karabushenko**
Carnival Political Culture: Political Elites in Search of a Lost Identity 138

CRITICISM AND REVIEWS

- Dmitrii A. Shashkin**
Modern Iranian Political Elite - Review of Asef Boyat's book: «Iran: A Green
Wave for Freedom and Life» (Tehran, 2009) 166
- Oleg S. Vedrov**
The Image of Russians Political Leaders in the Eyes of Barack Obama: Review
on the Book «A Promised Land» (2020) 175

**История элитологии
и элитология истории**

**History of Elite Studies and
Elite Studies of History**

“GROWTH OF FREEDOM” IN THE “ORTHODOX KHANSTA”: RUSSIAN POLITICAL ELITE AND THE TSAR IN THE 17th CENTURY

Denis A. Lyapin (a)

(a) Bunin Yelets State University. Yelets, Russia. Email: lyapin-denis[at]yandex.ru
ORCID 0000-0002-2078-2404

Abstract

Russian historian and philosopher Georgy Fedotov in work "Russia and Freedom" investigated the peculiarities of the country's development from the time of Kievan Rus-sia. He created a concept for the development of Russian statehood. In the context of the ideas expressed by Fedotov, the author of the article examines the events of the political history of Russia in the 17th century. This time is described as an important period when it was possible to limit the power of the Tsar. For the first time this idea appeared after the reign of Ivan the Terrible, but could not be realized in practice. The period of the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645) was the time of preparation for this political coup. In 1642 in Moscow, it was decided to marry Princess Irina to a foreign prince and probably put him on the tsar's throne, or use him as a counterweight to Tsarevich Alexei. All this was done to limit the power of the Tsar in Russia. However, the attempt was unsuccessful. Then, in 1648, in the wake of a political crisis, the aristocracy again tried to take power into their own hands, but popular unrest did not allow this. It was the people who spoke out in support of a strong royal power. As a result, the author comes to the conclusion that the outcome of the tsar's struggle with the elite was predetermined: The Russian people would not allow the aristocracy to gain political freedom and control over the supreme power.

Keywords

Georgy Fedotov; Tsar; elite; boyars; aristocracy; riots; mutinies; liberalism; Russian statehood

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«РОСТКИ СВОБОДЫ» В «ПРАВОСЛАВНОМ ХАНСТВЕ»: РУССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ В XVII В.

Ляпин Денис Александрович (а)

(а) Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, Россия, lyapin-denis[at]yandex.ru
ORCID 0000-0002-2078-2404

Аннотация

Русский мыслитель, историк и философ Г.П. Федотов в работе «Россия и свобода» представил свою концепцию политического развития страны со времен Древней Руси до 1940-х годов как борьбу элиты с неограниченной властью. В контексте идей Г.П. Федотова автор статьи предпринял попытку показать события политической истории России XVII века – периода, когда аристократическая элита имела шансы взять власть и закрепить свое положение, освободившись от потенциально опасной и неограниченной законом воли московского самодержца. Автор отмечает, что впервые идея ограничения русской монархии возникла еще после правления Ивана Грозного, но не смогла тогда реализоваться на практике. Период царствования Михаила Федоровича (1613–1645) стал временем фактического правления придворной аристократии. Но только с 1640 г. начинаются реальные шаги в сторону того, чтобы закрепить свободу высшей знати юридически. В 1642 г. в Москве было решено выдать замуж царевну Ирину на датском принце Вальдемаре и, вероятно, посадить его на царский трон или использовать в качестве противовеса царевичу Алексею на готовящихся выборах нового правителя России. Очевидно элита стремилась ограничить власть царя. Однако эта попытка оказалась безуспешной. Ирину не удалось выдать замуж, а Алексей Михайлович в конечном итоге занял московский престол. Затем в 1648 г. на волне нового политического кризиса аристократия вновь пыталась взять власть в свои руки, но на этот раз массовые народные волнения не позволили этого сделать. Русское общество высказалось в поддержку сильной царской власти. В итоге автор приходит к выводу, что исход борьбы царя и элиты был предопределен: русский народ не позволил бы аристократии получить политическую свободу и контроль над высшей властью.

Ключевые слова

Г.П. Федотов; царская власть; элита; бояре; аристократия; бунты; мятежи; либерализм; Российская государственность.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

*«Потому что за большевиками мужички тучей...
А я им всем, что могу противопоставить?..
Народ не с нами. Народ против нас».*
М.А. Булгаков. Дни Турбиных. Действие четвертое.

ВВЕДЕНИЕ

«Православным ханством» назвал Московскую Русь мыслитель и историк Георгий Петрович Федотов (1886–1951) в своей статье «Россия и свобода» (Федотов, 1992, стр. 282). Рассуждая о формировании единого Русского государства в XIV - XV вв., он утверждал, что зарождавшийся средневековый московский деспотизм, был весьма активно поддержан народом и именно поэтому превратился со временем в самодержавную систему управления. Однако аристократическая элита периодически боролась за политическую свободу, хотя каждый раз оказывалась побежденной. Важным этапом развития московской деспотической системы и попыток борьбы с ней стал XVII в. Г.П. Федотов не стал подробно останавливаться на этом историческом периоде, оставив только несколько общих замечаний. В данной статье мы ставим своей целью показать политическую борьбу аристократической элиты и царя XVII в., исходя из исторической концепции русского мыслителя.

Нельзя сказать, что мы однозначно разделяем взгляды Г.П. Федотова на русскую историю. Его рассуждения не во всем согласуются с фактами, кажутся чересчур прямолинейными и не учитывающими многих нюансов исторического пути России. И все же следует признать их интересными и заслуживающими внимания. Отметим также, что статья о свободе в России была написана ученым в 1940-е годы и опубликована в десятом номере «Нового журнала» за 1945 г. Это издание русской эмиграции начало выходить в Нью-Йорке с 1942 г. в качестве продолжения парижских «Современных записок» (Крейд, 2002).

Г.П. Федотов начинает с того утверждения, что во времена Древней Руси имели место все предпосылки для полноценного политического развития, из которых и на «Западе в те времена всходили первые побеги свободы», ведь русская церковь была еще независима от государства, а «государство децентрализовано, так же лишено суверенитета, как и в Европе» (Федотов, 1992, стр. 278-279). Греческий византизм, по мнению ученого, был злом для всякой свободы: он не ограничивал власть монарха и полностью подчинял ему церковь. Но византийские политические традиции не могли развиваться в древнерусском обществе, несмотря на то, что православие было заимствова-

но у греков. Дело в том, что русская церковь подчинялась Константинополю, тогда как светская власть была от него свободна, а значит, оба института были независимы (Федотов, 1992, стр. 279). Очень часто священнослужители обличали светских властителей, боролись с ними в деле сохранения правды и справедливости. Русская церковь не была национальной и, следовательно, была относительно свободной от местной власти. В свою очередь, древнерусский князь не был воплощением полноты власти, так как делил ее с боярством и дружиной, а также с народным собранием – вече. Он, конечно, не мог считать себя полноценным хозяином русской земли.

Государственные институты Древней Руси были даже слишком свободными, а потому и слабыми, что привело к политическому кризису XIII в., и, в конечном итоге, к подчинению монголо-татарам (Федотов, 1992, стр. 281). Однако «двухвековое татарское иго еще не было концом русской свободы. Свобода погибла после освобождения от татар», – полагал Г.П. Федотов. Кто же лишил русские земли свободы и превратил этот обширный регион Европейского мира в царство восточной тирании? Ответ на этот вопрос дается ученым довольно четко: это сделали сами русские люди. Случилось это, по мнению исследователя, следующим образом.

Когда в XIV в. наступило, наконец, время кризиса Орды, русские земли начали борьбу за полную независимость. Среди прочих выступила на историческую сцену и Москва. Но московские князья в начавшейся борьбе за власть стали проводить предательскую «татарофильскую» политику. Именно так, отказавшись от общерусских интересов в угоду своим амбициям, московские князья добились мира и безопасности для своих земель, привлекали под свое покровительство массу народа, а главное – стремительно разбогатели. Одновременно в Москве начинает зарождаться национальная церковь, и складываются деспотические традиции управления; московский князь очень скоро объявляется богоизбранным защитником святой Руси. Таким образом, по вине Москвы «не извне, а изнутри татарская стихия овладела душой Руси, проникла в плоть и кровь» (Федотов, 1992, стр. 282).

По мнению Г.П. Федотова, само собирание уделов совершалось московскими князьями «восточными методами, не похожими на одновременный процесс ликвидации западного феодализма», а именно – уничтожалась сама память о местных обычаях и героях, память о местном прошлом. Лучшие люди переселялись на новые места и навсегда забывали свою удельную историю. В итоге «Русь становится сплошной Московией, однообразной территорией централизованной

власти: естественная предпосылка для деспотизма» (Федотов, 1992, стр. 282).

При этом, приняв монгольские восточные традиции управления, московский князь вобрал в себя и крайний имперский византизм, с его обожествлением высшего правителя и подчинением ему национальной церкви. Помпезные константинопольские традиции, объединявшие светскую и религиозную власть в руках монарха, как священной фигуры помазанника Божьего, органически вошли в политические нормы Московской Руси уже в конце XV в.

Так на востоке Европы образовалось «православное ханство». Все жители здесь были подчинены государству службой или тяглом, а человек свободной профессии стал явлением немыслимым, «только крайним и всеобщим напряжением, железной дисциплиной, страшными жертвами могло существовать это нищее, варварское, бесконечно разрастающееся государство», – считает Г.П. Федотов (Федотов, 1992, стр. 284). Виноватым же в произошедшем, как мы уже говорили, было население, поддержавшее политику Москвы: «Сознательно или бессознательно, он (народ – *Д.Л.*) сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой. Поэтому он несет ответственность за свою судьбу» (Федотов, 1992, стр. 284).

Рассуждения Г.П. Федотова, кстати, можно дополнить выводами, к которым пришел советский историк А.А. Зимин. Изучая события «феодальной войны» 1425-1453 гг., когда против самодержавного властителя Василия Темного восстали его родственники, ученый пришел к выводу о том, что решающую поддержку властолюбивому московскому князю оказали огромные массы мелких служилых людей, провинциальная знать, получавшая поместья (земли и крестьян), заинтересованная в едином правителе, способном раздаривать новые владения своим верным холопам. Именно такой неограниченный властитель был им нужен (Федотов, 1992, стр. 210). По мнению А.А. Зимина, победа верных московских «холопов» Василия Темного над свободным промышленным и торговым населением Северо-Востока Руси была связана также с «безумным молчанием» народа, впрочем, «пройдет еще немного времени, и ярмо крепостного права будет достойной наградой» за эту пассивность (Федотов, 1992, стр. 210).

Значит, народ собственно виноват только в том, что допустил развитие московской деспотии, не помешал сторонникам московской тирании направить развитие страны по этому пути. Однако известно, что молчание по своей сути – та же поддержка, только пассивная, и, следовательно, мысль Г.П. Федотова о роли народа в установлении самодержавной власти можно считать в какой-то мере согласующейся

с выводами А.А. Зимина. С горечью и иронией советский историк сетовал на потерянную свободу, отобранную Москвой у русских земель после того, как она окончательно стала центром объединения: «И плата ведь, которую весь народ (и господа и слуги) заплатил за царство благоденствия, невелика – всего только утеряна свобода...» (Зимин, 1991, стр. 211)¹.

Хотя последнее время ученые указывают на то, что традиции жесткой централизованной власти зародились в Северо-Восточной Руси еще во время правления Андрея Боголюбского, но этот известный своими властными амбициями князь был, скорее, исключением из общих правил своего времени. Нам уже доводилось писать, что именно в Москве появилась та система управления, которая потом стала общерусским явлением (Ляпин, 2010). Однако и в «православном ханстве» периодически появлялись ростки свободы².

ЭЛИТА ПРОТИВ ЦАРЯ

Начнем с того, что правление Ивана Грозного, обернувшееся жутким террором и массовыми репрессиями, со всей очевидностью поставило вопрос перед аристократией об ограничении власти верховного самодержца. Однако сделать подобное ограничение законом было не так-то просто. Тогда влияние и власть аристократии удалось спрятать за декорациями самодержавной власти. Уже при Федоре Ивановиче, наследнике грозного самодержца, политической линией России во многом руководил его родственник – Борис Годунов, при котором активную роль в управлении играла высшая элита (Павлов, 1992).

В 1598 г. Борис Годунов стал новым царем, и роль аристократии в управлении страной значительно выросла. Казалось бы, настало подходящее время для принятия юридических норм, ограничивавших высшую власть. Но народ очень скоро показал свое недовольство происходящим в Кремле. Новый царь Борис, несмотря на все свои таланты и способности, сразу лишился общественной поддержки и симпатий. О его непопулярности в широких кругах общества хорошо известно (Буганов, 1676, стр. 26; Платонов, 1910, стр. 43; Солодкин, 2013, стр. 94). Никакие личные заслуги и способности не сделали бывшего боярина настоящим монархом в глазах населения. Несмотря

¹ Книга А.А. Зимина, написанная в 1979-80-е годы, была опубликована только в 1991 г.

² Существует масса научной литературы, описывающей специфику московской политической традиции XV-XVII вв., где не могло быть места любой политической самостоятельности (См., например: Топоров, 1993; Keenan, 1986; Kollmann, 1987; Crummeу, 1989; Kivelson, 1996).

на то, что Борис Годунов был выбран вполне законно и русские люди давали ему клятву верности, закон и присяга не смогли сделать аристократа на троне по-настоящему легитимным. В итоге, с появлением человека, выдававшего себя за чудом спасшегося царевича Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия), младшего сына Ивана Грозного, значительная часть населения быстро перешла под его знамена. Так началось Смутное время: гражданская война, поставившая страну на край пропасти.

Во время бурной политической борьбы этих лет идея ограничения царской власти часто возникала в умах и настроениях московской элиты. Так, в 1606 г. взошедший на трон Василий Шуйский клялся не решать никаких важных вопросов без одобрения Боярской думы (Козляков, 2007, стр. 100-102). Но его правление оказалось недолгим, а в 1610 г. лидеры влиятельных кланов Ф.И. Шереметев, Ф.Н. Романов, И.Н. Романов, Ф.И. Мстиславский и А.В. Голицын выступили с инициативой: выбрать на русский трон Владислава, сына польского короля Сигизмунда III, на условиях ограничения его властных полномочий аристократией (Костомаров, 1994, стр. 209; Козляков, 2007, стр. 230). Однако этим планам не суждено было сбыться, поскольку Сигизмунд рассчитывал без всяких условий подчинить Москву, и над страной нависла угроза потери национальной независимости.

Но силами народного ополчения страна была спасена. В 1613 г. на Земском соборе на престол был избран 16-летний Михаил Федорович Романов. Его власть сразу была признана законной в глазах народа, ведь он не искал престола, не добивался его и не был в числе приближенных к трону аристократов. Его избрание – не иначе, как воля Бога, везение, которое наглядно демонстрирует провидение Всевышнего. Важно и то, что Михаил был родственником старой династии.

Официально избранный царь признавался неограниченным самодержцем, правящим единолично согласно старой традиции (Беляев, 2004, стр. 89, 143; Дмитрина, 2016, стр. 20-23). Русский народ был уверен, что страной правит подлинный самодержец, ведь никаких юридических ограничений его власти не было. Но на деле большую роль при новом монархе играли «сильные люди», влиятельные представители правящей аристократии. «Михайло Федорович хотя и "самодержцем" писался, однако без боярского совету не мог делати ничего», — сообщает младший современник царя Г.К. Котошихин (Котошихин, 2000, стр. 112). В итоге, в первое время правления Михаила вновь создаются декорации самодержавной власти (Davies, 2004, p. 4-7; Kollmann, 1987, p. 7-8), хотя реально в Кремле распоряжалась высшая элита.

Правление слабого и болезненного Михаила Федоровича создало вполне благоприятную почву для появления ростков свободы.

Наследником престола должен был стать царевич Алексей (единственный сын Михаила), воспитанник амбициозного Б.И. Морозова, никогда не занимавшего высоких постов. Передача власти по наследству сама по себе указывала на то, что самодержавные традиции продолжают сохраняться и последствия этого акта могли привести только к дальнейшему укреплению монархии. В таких условиях в 1640-1641 гг. к власти пришли новые аристократы – сын родного дяди царя Никита Иванович Романов и его отдаленный родственник – Я.К. Черкасский. Они были активны, богаты и имели много сторонников при Дворе. Допустить к трону Алексея, бойкого и активного подростка, преданного своему воспитателю, значило поставить свою власть под угрозу. Пришло время действовать.

Было решено выдать царевну Ирину Михайловну замуж за иностранного принца. В качестве кандидата в мужа царевне был выбран граф, сын датского короля Христиана IV Вальдемар, которого в России называли «королевичем». Изучая эти события, советский историк П.П. Смирнов выдвинул идею о том, что правящая аристократия планировала посадить на московский трон именно Вальдемара в обход царевича Алексея. С этой точкой зрения согласилась современная исследовательница Е.И. Филина (Смирнов, 1948, стр. 7-13; Филина, 2011; См. также: Ляпин, 2015). Хотя мы, конечно, не знаем реальных планов аристократии, но очевидно, что все это задумывалось не просто так, а имело далеко идущие цели. Может быть, московская элита хотела создать политический противовес Алексею и устроить выборы царя, сделав это политическое действие традицией (по примеру Речи Посполитой), которая могла бы стать правилом и закрепилась юридически.

В 1642 г. русские послы отправились в Копенгаген, чтобы предложить королю Христиану IV брак его сына Вальдемара и Ирины (Вернадский, 1997, стр. 348-351). Переговоры прошли успешно, датский король предъявил несколько требований, и все они были приняты. В 1644 г. Вальдемар был отправлен отцом в Россию с целью женитьбы на царевне. Однако не все члены правящей элиты были рады видеть в Кремле «заморского» принца. Совершенно очевидно, что воспитатель Алексея, боярин Б.И. Морозов, уже успевший получить влияние и мечтавший о большем, стал главным противником задуманного брака.

Неизвестно, насколько велики были шансы Б.И. Морозова, но случай оказался на его стороне: в декабре 1644 г. Швеция напала на

Данию. Как только нога Вальдемара ступила на русскую землю, шведский король уже оккупировал все владения его отца (Поездка в Россию Вальдемара Христиана Гинденлеве... 1867; Frost, 2000). Король Дании был изгнан из Копенгагена и плывал по морю, не зная, где найти помощь. Принц, отличавшийся воинственностью и отвагой, немедленно пожелал вернуться назад, но ему было, конечно, отказано. Царь Михаил много болел и с задуманным браком надо было спешить. По предварительному договору Вальдемар не мог покинуть Россию.

Тогда королевич решил добиться того, чтобы русские сами отказались от свадьбы и стал вести себя крайне неподобающим образом. Б.И. Морозов немедленно ухватился за это обстоятельство и стал требовать, чтобы Вальдемар принял православие, а тот принялся критиковать все русские обычаи и религию. Поведение Вальдемара вызвало резонанс в стране, и начались дискуссии по поводу того, возможен ли его брак с Ириной или нет.

Воспользовавшись этим, Вальдемар попытался бежать из России в мае 1645 г., но был схвачен и заключен под стражу. Теперь он не знал, что происходит с его отцом и какова судьба Дании. Единственное, что он мог сделать: продолжать отказываться от свадьбы. В апреле 1645 г. здоровье Михаила Федоровича стало резко ухудшаться, а 13 июля царь скорострительно скончался в возрасте 49 лет. Ровно через месяц, 13 августа 1645 г., между Данией и Швецией был подписан мир, констатировавший полное поражение Копенгагена, хотя король Христиан IV сохранил свою власть в стране. Он все еще полагал возможным брак своего сына с русской царевной, но тот был поспешно отправлен из Москвы, и отношения двух стран оказались испорчены (Соловьев, 2001, стр. 605).

Теперь Алексей становился единственным реальным претендентом на трон. Однако аристократия не сдавалась и рассчитывала собрать Земский Собор, на котором было бы возможно выбрать монарха, как это было сделано в 1613 г. Возможно, что выборы дали бы шанс ограничить власть Алексея. Развернувшаяся летом 1645 г. политическая борьба вокруг созыва Земского собора получила должное освещение в науке, и мы не будем подробно останавливаться на этих событиях (Филина, 2011; Светова, 2013; Смирнов, 1947). Все закончилось победой молодого царя и его воспитателя Б.И. Морозова к концу 1645 г. Воцарение Алексея Михайловича без решения Земского собора означало, что Россия следует курсу укрепления самодержавной власти. Специалист в области политической истории России XVII в. О.Е. Кошелева отмечала по этому поводу: «Сегодня с сожалением

можно говорить о том, что зернышко „демократизма“, начавшее прорастать на русской почве в Смутное время, так и не сумело пустить крепкий корень и с восшествием на престол Алексея Михайловича погибло. Но то, что у нас теперь вызывает справедливую досаду, совсем иначе расценивалось большинством современников. Они благодарили Бога за то, что он даровал прямого и законного наследника и нет споров и раздоров по поводу его избрания, ибо то совершается Божьим произволением, а не людским желанием» (Кошелева, 1999, с. 167).

Однако старая аристократия оставалась еще сильна и рассчитывала вернуть утраченные позиции, чтобы добиться политической свободы.

Нестабильное экономическое положение России вынудило новое правительство, во главе которого стал Б.И. Морозов, пойти на крайние меры. В 1646–1648 гг. в стране проводилась жесткая финансовая политика, которая в итоге позволила пополнить казну и провести важные военные и финансовые реформы, а также принять шаги по защите южных рубежей, колонизации Сибири и Поволжья. Финансовая политика Б. И. Морозова вызвала бурю негодования во всех слоях общества. Народ возмущали размер налоговых выплат, методы их сбора и та бесцеремонность, с которой власть действовала в отношении населения. Люди были очень недовольны и засыпали Приказы просьбами о льготах, жалобами на чиновников и доказательствами непосильности выплат. Однако правительство в ответ на это не придумало ничего лучше, как не отвечать на просьбы отказом или согласием, создав грандиозную бюрократическую волокиту и прекрасную почву для коррупции, достигшей грандиозных размеров.

В итоге к 1648 г. народное недовольство оказалось на грани взрыва. Такой ситуацией не могли воспользоваться противники Б.И. Морозова — представители старой аристократии Я.К. Черкасский и Н.И. Романов. Они развернули кампанию по дискредитации правительства, всячески очерняли боярина, якобы отнявшего власть у молодого царя. Между тем в народном сознании на фоне борьбы вокруг трона все больше формировался единый образ бояр, стремящихся захватить власть и отстранить царя, «коварных злодеев», враждующих между собой ради влияния и новых богатств.

В таких условиях в мае 1648 г. население стало съезжаться в Москву, надеясь на то, что их жалобы будут услышаны лично царем. Слухи о сказочных богатствах членов правительства и злодействах боярина Б.И. Морозова подогревали обстановку. Мятеж не заставил себя ждать.

НАРОД ПРОТИВ ЭЛИТЫ

2-3 июня 1648 г. произошли волнения, которых в столице не было со времен Смуты. На несколько дней толпа захватила власть и диктовала самому царю и его окружению свои требования. В результате правительство Б.И. Морозова было вынуждено уйти в отставку, некоторые его члены были казнены или убиты толпой, а сам влиятельный боярин срочно покинул столицу (Ляпин, 2018, стр. 77-105). В июне 1648 г. у власти оказались аристократы, мечтавшие ограничить самодержавие, Я.К. Черкасский и Н.И. Романов. Они набрали для управления страной новых людей, провели ряд популярных реформ, а главное – инициировали создание нового свода законов – Соборного Уложения. Зная политический контекст происходящего, нетрудно догадаться, чего хотели Я.К. Черкасский и Н.И. Романов. Новый свод законов, по-видимому, было решено создать не только для наведения необходимого порядка в законодательстве и успокоения народа, но и с целью давно задуманного ограничения власти монарха. Составление Уложения обсуждалось на специальном Земском Соборе летом 1648 г. Здесь было решено создать специальную комиссию, которая изучила бы все старые законы на предмет актуальности и ввела бы новые. Какие именно новые законы должны были появиться, не уточнялось (Ляпин, 2018, стр. 100–105). Главой комиссии стал князь Н.И. Одоевский, доверенное лицо Я.К. Черкасского (Андреев, 2006, стр. 117).

Так, летом 1648 г. Россия получила реальный шанс для того, чтобы ограничить самодержавие, но все снова пошло не так, как хотели искатели политической свободы. Летом 1648 г. в провинции вдруг стали вспыхивать бунты и происходить волнения. Довольно крупные выступления случились в Козлове и Челнавском остроге, затем – в Соли Вычегодской, потом – в Воронеже, Сокольске, Курске и Устюге (Ляпин, 2018, стр. 106-139). Везде люди выступали против любых ограничений царской власти, не без оснований полагая, что «коварные бояре» хотят отнять власть у Алексея Михайловича. Народ «побивал камнями» воевод и приказных людей, арестовывал чиновников и купцов, полагая, что действует по воле монарха.

Сам же Алексей Михайлович, убедившись в столь широкой поддержке населения, начал борьбу с захватившими власть придворными. Он быстро нашел сторонников в лице своего тестя И.Д. Милославского, игумена Новоспасского монастыря Никона и карьериста князя Ю.А. Долгорукого, родственника Б.М. Морозова по женской линии (Правящая элита..., 2018, стр. 359). В ноябре 1648 г. победа царя была уже очевидной: Б.И. Морозова удалось вернуть в столицу, а прави-

тельство Я.К. Черкасского - Н.И. Романова ушло в отставку. Начались опалы и ссылки их сторонников (Ляпин, 2018, стр. 140-148).

Важнейшие Приказы перешли теперь в ведение И.Д. Милославского, который не имел никакой реальной самостоятельности, а полностью подчинялся царю (Кошелева, 2003, стр. 262). Как безропотного исполнителя воли царя описывает царского тестя австрийский дипломат Августин Мейерберг: «Выбравшись из грязи самого бедного люда и самого низшего дворянства... он получил у царя весьма большую силу в качестве его тестя... Алексей и, еще важнее, сама дочь его, царица, в разговоре с ним зовут его всегда Ильей, а не тестем, не батюшкой. Да он и не пользуется какою-нибудь милостью у зятя и не один раз отведал его тряски за волосы на голове и бороду и кулачных тузов» (Мейерберг, 1997, стр. 152-153).

11 марта 1649 г. вне всяких церковных правил принял сан митрополита Новгородского и Великолуцкого Никон (его посвятил Иерусалимский патриарх Паисий, бывший в тот момент в Москве.), а Ю.А. Долгорукий, минуя чин окольничего, сразу получил боярство, чтобы было само по себе необычным явлением (Правящая элита...2018, стр. 319).

Главное же заключалось в том, что Алексей Михайлович взял под полный контроль составление Соборного Уложения. Он сумел поставить князя Н.И. Одоевского в подчиненное положение, лично вмешиваясь в его работу, возглавив еще одну комиссию, которая отбирала и проверяла все законы, поступавшие для Н.И. Одоевского. В итоге, работа комиссии в том виде, в каком она задумывалась на Земском Соборе летом 1648 г., была лишена всякого смысла. Алексей Михайлович принимал те законы, которые были выгодны ему и его сторонникам.

В результате, Соборное уложение было написано в угоду самодержавию и даже более того, стараниями царя стало настоящим апофеозом единоличной власти. Неслучайно под этим памятником законодательства отказались поставить подписи 18 бояр, среди них, конечно, Я.К. Черкасский и Н.И. Романов, а также их сторонники — влиятельные представители столичной элиты М.М. Салтыков, А.В. Хилков, В.П. Шереметев, Ф.С. Куракин, И.И. Салтыков и Б.П. Шереметев (Румянцева, 2013, стр. 24–27).

В январе 1649 г. Я.К. Черкасский попытался поднять мятеж, но это уже походило на жест отчаяния. Народ был целиком за своего монарха, потому из этого ничего не вышло, а на оппозиционеров обрушились очередные гонения и репрессии. Зато январский политический кризис способствовал распространению самых разных толков и

слухов. Говорили даже, что Алексей Михайлович бежал с верными людьми в Польшу или к казакам на Дон (Ляпин, 2010). В ответ на это в 1650 г. в Пскове, а затем и в Новгороде вспыхнули новые бунты в поддержку царя (Ляпин, 2010). Их участники искренне считали, что царя в Москве нет, а всем заправляет придворная аристократия, которой они категорически отказывались подчиниться. В Пскове события разворачивались особенно показательно. Мятежники захватили власть на несколько месяцев и даже пошли на военный конфликт с приехавшим для их усмирения отрядом И.Н. Хованского. В итоге несколько человек погибло и множество было ранено. Все это наглядно показывает, чем закончился бы приход к власти в Москве аристократии в середине XVII в., если бы он действительно состоялся.

Таким образом, на волне широкой народной поддержки началось укрепление самодержавной системы. Алексей Михайлович стал вполне независимым государем, а все надежды высшей элиты получить долгожданную свободу остались в прошлом.

Изменившиеся политические условия способствовали формированию новой идеологии, отражающей развивающиеся самодержавные тенденции. Постепенно с 1645 по 1650 г. под пером московских книжников созрела идея о скором наступлении под скипетром праведного православного царя особой эпохи справедливости, в которой никакие «сильные люди» не будут иметь власть и влияние, все будут равны перед справедливым царским судом (Чистов, 1967, стр. 71).

Волнения 1648 и 1650 гг. ясно показали большие симпатии народа к неограниченной монархии. Люди не хотели видеть у руля России высшую аристократическую элиту, только царь был для них единственным легитимным источником власти.

Столь сильные симпатии народа к неограниченной монархии породили довольно интересный феномен русского самозванства. Если народ по каким-либо причинам уверял себя, что Россией правят аристократы, немедленно появлялся «подлинный царь» – независимый православный государь, любящий простой народ и ненавидящий элиту. Уже появление Лжедмитрия I было спровоцировано представлениями о Борисе Годунове как аристократе, узурпировавшем власть при Федоре Ивановиче и коварно занявшем царский трон. Многочисленные самозванцы Смутного времени, возникающие в народной среде, выступали против коварных московских бояр.

Самым ярким примером народного движения против правящей элиты стал бунт Степана Разина 1670-1671 гг. Знаменем этого движения был самозванец, выдававший себя за царевича Алексея Алексеевича, внезапно умершего наследника престола. Эта странная смерть

породила в народе много слухов и была подхвачена сторонниками весьма популярного на Волге атамана Степана Разина, человека склонного к риску и авантюре. Затем к самозваному Алексею присоединился еще и лжепатриарх Никон, отставка которого (явление до этого неизвестное) также породила большое недоумение в простых людях. Доблестный народный герой, атаман Степан Разин выступал как защитник интересов народа, царя и православия, провозгласив, что подлинный наследник престола и истинный патриарх находятся под его личной защитой и покровительством, а в Москве захватили власть злодеи-бояре (Khodorkovsky, 1994).

Здесь опять уместно вспомнить рассуждения Г.П. Федотова. «Есть одно поразительное явление в Москве XVII века. Народ обожает царя», – пишет он в своей работе, – «Нет и намека на политическую оппозицию ему, на стремление участвовать во власти или избавиться от власти царя...» (Федотов, 1992, стр. 286). Интересны и рассуждения философа о том, чтобы было бы, если бы, к примеру, победило движение С. Разина: «Старое боярство и дворянство было бы истреблено; новая казачья опричнина заняла бы его место... Положение крепостного права ничуть не изменилось бы, как не изменилось бы и положение нового царя...» (Федотов, 1992, стр. 287). Победа народного бунта, революции, обернулась бы только усилением деспотизма, приходом нового Ивана Грозного и его верных палачей.

ВЫВОД

В заключение следует отметить, что вторая половина XVII в. была временем укрепления самодержавия и полного подчинения монарху правящей элиты, вновь низведенной на положение послушных рабов. Родственные связи, подковёрная борьба кланов, личные симпатии государя и его характер по традиции определяли положение дел в Кремле. Конечно, та свобода, за которую боролась высшая аристократия в XVII в., пытаясь ограничить власть монарха, была лишь свободой для нее самой – относительно небольшой группы лиц. Но именно с этих первых ростков и начинается развитие демократических институтов в государстве для того, чтобы потом дать большие всходы и плоды в виде гражданского общества и правового государства. Разумеется, это долгий и непростой исторический путь, но через него прошли многие страны Европы, и вполне понятно, что на этом пути не могло не возникнуть противоречий и борьбы (См.: Голдстоун, 2014).

Список литературы

- Crummey, R. O. (1989). "Constitutional" Reform during the Time of Troubles. In R. O. Crummey (Ed.), *Reform in Russia and USSR*, (pp. 28–44). Chicago: University of Illinois Press.
- Davies, L. B. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635—1649*. New York: Routledge.
- Frost, R. I. (2000). *The Northern Wars, 1558-1721*. Harlow: Pearson Education Limited.
- Keenan, E. L. (1986). Muscovite political folkways. *Russian Review*, 45(2), 115-181. doi: 10.2307/130423
- Khodorkovsky, M. (1994). The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 42(1), 1–19.
- Kivelson, V. A. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kollmann, N. Sh. (1987). *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547*. Stanford : Stanford University Press.
- Андреев, А. Л. (2006). *Алексей Михайлович*. Москва: Молодая гвардия.
- Беляев, И. Д. (2004). *Земский строй на Руси*. Санкт-Петербург: Наука.
- Буганов, В. И. (1976). *Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.* Москва: Наука.
- Вернадский, Г. В. (1997). *Московское царство. Часть I*. Москва–Тверь: АГРАФ.
- Голдстоун, Дж. (2014). *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500 - 1850*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Дмитрина, С. Г. (2016). Избрание Михаила Федоровича Романова на царство как историографическая проблема *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, (16), 20–23. doi: 10.14529/ssh160203
- Зимин, А.А. (1991). *Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в.* Москва: Мысль.
- Крейд, В. (2002). "Новый журнал" (Нью-Йорк, осн. в 1942 г.). *Новый исторический вестник*, (7), 141-149.
- Козляков, В. Н. (2007). *Василий Шуйский*. Москва: Молодая гвардия.
- Костомаров, Н. И. (1994). *Смутное время Московского государства в начале XVII столетия (1594-1613)*. Москва: Чарли.
- Котошихин, Г. К. (2000). О России в царствование Алексея Михайловича. В Либерман А., & С. Шокарев (Ред.), *Московия и Европа*. Москва: Фонд С. Дубова.
- Кошелева, О. Е. (2006). Государевы пожалования в думные чины при первых Романовых: «новые люди» и «родовитые бояре». В *Государев двор в истории*

- России XV-XVII столетий: Материалы международной научно-практической конференции 30.X. 2003–01.XI.2003.* Владимир: Издатель А. Вохмин.
- Кошелева, О. Е. (1999). Лето 1645 года: смена лиц на российском престоле. *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*, (2), 148-170.
- Ляпин, Д. А. (2010). Народные волнения в России в середине XVII в. *Вопросы истории*, (4), 15–28.
- Ляпин, Д. А. (2015). Причины восстания в Москве в 1648 г. *Вопросы истории*, (1), 90–98.
- Ляпин, Д. А. (2008). Рецензия на книгу Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М.: Инлайт, 2008. - 276 с. *Вестник РГНФ*, (3), 224-227.
- Ляпин, Д.А. (2018). *Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Мейерберг, А. (1997). Путешествие в Московию. В А. Либерман (Ред.), *Утверждение династии.* Москва: Рита Принт.
- Павлов, А. П. (1992). *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.).* Санкт-Петербург: Наука.
- Платонов, С. Ф. (1910). *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.* Москва: Типография М.А. Александрова.
- Поездка в Россию Вальдемара Христиана Гинденлеве. (1867). *Чтения Общества истории и древностей Российских*, (4), 1–72.
- Павлов, А. П. (Ред.). (2006). *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории.* Санкт-Петербург.: Дмитрий Буланин.
- Румянцева, В. С. (2013). Соборное Уложение 1649 г. и государственный статус крепостного права. *Вопросы истории*, (7), 24–37.
- Светова, Е. А. (2013). *Двор Алексея Михайловича в контексте абсолютизации царской власти.* Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Смирнов, П. П. (1947). *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.* (Т. 1). Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР.
- Соловьев, С. М. (2001). *История России с древнейших времен.* (Кн. V. Т. 10). Москва: Эксмо.
- Солодкин, Я. Г. (2013). *Московское государство накануне Смуты: спорные проблемы политической истории рубежа XVI—XVII вв.* Нижневартовск.
- Топоров, В. Н. (1993). Московские люди XVII в. (к злобе дня) В *Philologia slavica: К 70-летию академика Н. И. Толстого*, (стр. 191—218). Москва: Наука.
- Федотов, Г.П. (1991). Россия и свобода. В *Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры.* (Т. 2). (стр. 276–305). Санкт-Петербург: София.

- Филина, Е. И. (2011). «В поисках альтернативы...»: придворные партии в политической борьбе в России в 1630—1650 гг. Москва: Московский пед. гос. ун-т.
- Чистов, К. В. (1967). *Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.* Москва: Наука.

References

- A trip to Russia by Waldemar Christian Hindenlevé (1867). *The Readings of the Society of Russian History and Antiquities* (4), 1–72. (In Russian).
- Andreev, A. L. (2006). *Alexey Mikhailovich. 2nd ed.* Moscow: Young Guard. (In Russian).
- Belyaev, I. D. (2004). *Zemsky system in Russia.* St. Petersburg: Science. (In Russian).
- Buganov, V. I. (1976). *Peasant Wars in Russia in the 17th –18th centuries.* Moscow: Science. (In Russian).
- Chistov, K. V. (1967). *Russian folk socio-utopian legends of the 17th-19th centuries.* Moscow: Science. (In Russian).
- Craid, V. (2002). The New Review (New York, founded 1942). *The New Historical Gazette*, (2), 141-149 (In Russian).
- Crummey, R. O. (1989). “Constitutional” Reform during the Time of Troubles. In R. O. Crummey (Ed.), *Reform in Russia and USSR*, (pp. 28–44). Chicago: University of Illinois Press.
- Davies, L. B. (2004). *State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635—1649.* New York: Routledge.
- Dmitrina, S. G. (2016). The election of Mikhail Fedorovich Romanov to the kingdom as a historiographic problem In *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, (16), 20–23. doi: 10.14529/ssh160203 (In Russian).
- Fedotov, G. P. (1991). *Russia and freedom The fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture.* (Vol. 2), (pp. 276– 305). St. Petersburg: Sofia. (In Russian).
- Filina, E. I. (2011). *"In Search of an Alternative ...": Court Parties in the Political Struggle in Russia in 1630-1650.* Moscow: Moscow ped. state un-t. (In Russian).
- Frost, R. I. (2000). *The Northern Wars, 1558-1721.* Harlow: Pearson Education Limited.
- Goldstone, J. (2014). *Why Europe? The Rise of the West in World History, 1500-1850.* Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
- Keenan, E. L. (1986). Muscovite political folkways. *Russian Review*, 45(2), 115-181. doi: 10.2307/130423

- Khodorkovsky, M. (1994). The Stepan Razin Uprising: Was It a "Peasant War"? *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 42(1), 1–19.
- Kivelson, V. A. (1996). *Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century*. Stanford: Stanford University Press.
- Kollmann, N. Sh. (1987). *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547*. Stanford : Stanford University Press.
- Kosheleva, O. E. (1999). Summer of 1645: change of faces on the Russian Throne *Kazus. Individual and unique in history*, (2), 148-170. (In Russian).
- Kosheleva, O. E. (2006). Sovereigns awards to the Duma ranks under the first Romanovs: "new people" and "well-born boyars" In *the Sovereign Court in the history of Russia in the 15th-17th centuries: Proceedings of the international scientific-practical conference 30. X. 2003–01.XI.2003*. Vladimir: Publisher A. Vokhmin. (In Russian).
- Kostomarov, N. I. (1994). *The Time of Troubles of the Moscow State at the beginning of the 17th century (1594-1613)*. Moscow: Charlie (In Russian).
- Kotoshikhin, G. K. (2000). About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich. In Lieberman A., & S. Shokarev, *Muscovy and Europe*. Moscow: S. Dubov Foundation. (In Russian).
- Kozlyakov, V. N. (2007). *Vasily Shuisky*. Moscow: Young Guard. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2008). Book review Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. The Russian destiny of the era of the creation of a single state: the Serpukhov reign in the middle of the XIV - the first half of the XV century. M. : Inlayt, 2008 .- 276 p. *The Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, (3), 224-227. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2010). Popular unrest in Russia in the middle of the 17th century. *Questions of History*, (4), 15–28. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2015). The reasons for the uprising in Moscow in 1648. *Questions of History*, (1), 90–98. (In Russian).
- Lyapin, D. A. (2018). *The Tsar's Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Middle of the 17th Century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. (In Russian).
- Meyerberg, A. (1997). Travel to Muscovy. In A. Lieberman (Ed.), *The Approval of the Dynasty*. Moscow: Rita Print. (In Russian).
- Pavlov, A. P. (1992). *The Tsar's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584-1605)*. St. Petersburg: Science. (In Russian).
- Pavlov, A. P. (Ed.). (2006). *The ruling elite of the Russian state in the 9th - early 18th centuries: Essays on history*. St. Petersburg.: Dmitry Bulanin. (In Russian).
- Platonov, S. F. (1910). *Essays on the history of the Troubles in the Muscovite State of the 16th — 17th centuries*. Moscow: Printing house of M. A. Alexandrov. (In Russian).

- Rumyantseva, V. S. (2013). Cathedral Code of 1649 and the state status of serfdom. *Questions of History*, (7), 24–37. (In Russian).
- Smirnov, P. P. (1947). *Posad people and their class struggle until the middle of the 17th century*. (T. 1). Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. (In Russian).
- Solodkin, Ya. G. (2013). *Moscow State on the Eve of the Troubles: Controversial Problems of Political History at the Turn of the 16th-17th Centuries*. Nizhnevartovsk. (In Russian).
- Soloviev, S.M. (2001). *History of Russia since ancient times*. (Book V, Vol. 10). Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Svetova, E. A. (2013). *The court of Alexei Mikhailovich in the context of the absolutization of the royal power*. Moscow: Publishing house of Moscow State University M. V. Lomonosov. (In Russian).
- Toporov, V. N. (1993). Moscow people of the 17th century (to the spite of the day). In *Philologia slavica. To the 70th anniversary of Academician N.I. Tolstoy*, (pp. 191-218). (In Russian)
- Vernadsky, G. V. (1997). *Muscovy. Part 1*. Moscow–Tver: AGRAF. (In Russian).
- Zimin, A. A. (1991). *A Knight at a Crossroads. Feudal war in Russia in the 15th century*. Moscow: Thought. (In Russian).

THE SCIENTIFIC ELITE OF MOSCOW UNIVERSITY: P. I. NOVGORODTSEV AND I. A. ILYIN

Aleksey A. Ilin (a)

(a) Moscow state University, Moscow, Russia. E-mail: korablevrr[at]mail.ru
ORCID 0000-0001-7002-4057

Abstract

P. I. Novgorodtsev and I. A. Ilyin are prominent representatives of the scientific school of Moscow University, who showed their leadership qualities at a crucial moment in the history of Russia. The entire political biography of these thinkers confirms this fact. It is especially important that the ideas of Novgorodtsev and Ilyin are still relevant to this day, and this is of great scientific interest for the study of their philosophy. The main focus of this work is on defining and comparing the scientific methodology of thinkers, determining the scientific base that forms the original ideas of thinkers, as well as the influence of Novgorodtsev's creative heritage on the creation of the original philosophy of Ilyin. It should be noted that Ilyin was one of the best students of Novgorodtsev, but did not duplicate the views of his scientific mentor, but developed and supplemented them. As a result of the research, the author proves that Novgorodtsev and Ilyin's own philosophy is based not only on the ideas of German classical philosophy (Kant and Hegel), but also on the ideas of their Russian predecessors (Chicherin and Solovyov). In the course of the research, the author used methodological pluralism, and mainly General scientific methods of analysis and synthesis, deduction and induction, classification and analogy, methods and means of historical analysis, elements of hermeneutics, and the entire research was carried out in a comparative manner. The work can be considered one of the first to consider such a narrow comparative segment, which allows us to determine the originality and fundamental nature of the political and legal philosophy of P. I. Novgorodtsev and I. A. Ilyin, as one of the brightest representatives of the law faculty of Moscow University.

Keyword

Novgorodtsev; Ilyin; original ideas; German idealism; continuity of views; Kant's philosophy; Hegel's philosophy; scientific methodology; teacher; student

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

НАУЧНАЯ ЭЛИТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: П.И. НОВГОРОДЦЕВ И И.А. ИЛЬИН

Ильин Алексей Александрович (а)

(а) Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия.
E-mail: korablevrr[at]mail.ru ORCID 0001-7002-4057

Аннотация

П.И. Новгородцев и И.А. Ильин – видные представители научной школы Московского университета, которые проявили свои лидерские качества в переломный момент в истории России. Вся политическая биография этих мыслителей подтверждает данный факт. Особенно важно, что идеи П.И. Новгородцева и И.А. Ильина актуальны и по сей день, а это представляет огромный научный интерес для изучения их философии. Основной акцент в данной работе делается на определении и сопоставлении научной методологии мыслителей, определяется научной база, формирующая оригинальные идеи мыслителей, а также влияние творческого наследия П.И. Новгородцева на создания оригинальной философии И.А. Ильина. Нужно отметить, что И.А. Ильин являлся одним из лучших учеников П.И. Новгородцева, но нисколько не дублировал взгляды своего научного наставника, а развивал и дополнял их. В результате исследования, автор доказывает, что собственная философия П.И. Новгородцева и И.А. Ильина основана не только на идеях немецкой классической философии (Канта и Гегеля), но и на идеях отечественных предшественников (Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева). В ходе исследования автор использовал методологический плюрализм, а преимущественно общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, классификации и аналогии, приемы и средства исторического анализа, элементы герменевтики, а всё исследование выполнено в сравнительном ключе. Данную работу можно считать одной из первых, где рассматривается такой узкий сравнительный сегмент, позволяющий определить оригинальность и фундаментальность политико-правовой философии П.И. Новгородцева и И.А. Ильина, как одних из ярчайших представителей юридического факультета Московского университета.

Ключевые слова

Новгородцев; Ильин; оригинальные идеи; немецкий идеализм; преемственность взглядов; философия Канта; философия Гегеля; научная методология; учитель; ученик.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Формирование российской научной элиты связана с деятельностью выдающихся отечественных ученых, внесший свой вклад в развитие мировой научно-философской мысли. Развитие известных научных школ и направлений происходило в рамках университетов, среди которых выделялись такие престижные вузы, как Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Киевский императорские университеты. В настоящей работе мы рассмотрим зарождение политико-правовых теорий, ставших основой научных взглядов интеллектуальной элиты Московского университета и до сих пор продолжающих влиять на развитие отечественной общественной науки. Именно научной элите отводится решение главной задачи – формирование идеологии научного развития, создание самобытной научной школы. И мы намерены рассмотреть эту проблему на конкретном примере – истории создания отечественной политико-правовой традиции, зародившейся в стенах Московского императорского университета благодаря творчеству таких выдающихся российских мыслителей как *Павла Ивановича Новгородцева* (1866 – 1924) и *Ивана Александровича Ильина* (1883 - 1954).

Сразу оговоримся, что оригинальные идеи Павла Ивановича и Ивана Александровича преимущественно сформировались в ходе изучения ими немецкой классической философии. Потребность в изучении идей Шеллинга, Лейбница, Канта, Гегеля, Савиньи, Фихте, была обусловлена образовательными стандартами Московского университета и тем, что разработки российских мыслителей, к тому времени, были весьма скромными. Изучать немецкий идеализм русским мыслителям пришлось еще и потому, что в выборе тем диссертаций ориентир делался на изучении немецкой классической философии.

Правда однозначно сказать нельзя, что мыслители развивали и адаптировали к российской действительности только иностранные идеи. К примеру П.И. Новгородцев развивал и философские идеи Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева в области синтеза субъективной этики личности и объективной этике общества. И.А. Ильин тоже в своей философии развивал идеи Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева, что указывает, прежде всего, на глубину в изучении политико-правовой философии учителя и ученика.

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ ЕВРОПЫ И РОССИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ П.И. НОВГОРОДЦЕВА

Однако разницу во взглядах Б.Н. Чичерина и В.С. Соловьева П.И. Новгородцев увидел в том, что Б.Н. Чичерин прямо призывал прикнудить именно к Гегелю, который представлял в то время «последнее слово идеалистической философии» (Новгородцев, 1905, стр. 25), то В. Соловьев сделался последователем Канта. Обращаясь к моральной теории Канта и философии права Гегеля П.И. Новгородцев находит нравственный формализм кантовской этики, не позволяющий трансформировать её в реальность. «Это – схематический чертеж, - писал ученый, - алгебраическая формула нравственности» (Новгородцев, 1905, стр. 33), которая требует проявления и осуществления идеальных построений во внешнем мире, в реальном политическом процессе, так как нравственность не может быть отделима от практических действий.

На основе кантовской философии, как полагал П.И. Новгородцев, невозможно вывести понятие общества. Поэтому переход от личностного начала к общественному остается неясным. Нужно понимать, что под нравственностью у Канта предполагалась обособленная личность, которая никак не является источником сознательных решений в государстве. Социальное целое – это множество отдельных лиц, обращает внимание П.И. Новгородцев: «Общественный организм не имеет самостоятельного бытия: он существует только в лицах; это единственные реальности, через которые проявляется дух общения» (Новгородцев, 1905, стр. 33). Индивидуализм Канта представляется субъективным, поэтому он и не может устранить противоречия между необходимостью и свободой. Получается, что нравственный закон в его философии является абстрактной нормой, лишенный содержания и власти над действительностью. Исходя из этого П.И. Новгородцев выделяет два типа моральных теорий, которые нашли свое выражение у Канта и Гегеля, не исключают друг друга, а дополняют друг друга. Кант, по утверждению П.И. Новгородцева, определил отвлеченный закон нравственной жизни, а Гегель показал, как этот закон осуществлялся в жизни, какие средства и силы этому способствовали. Важной заслугой Гегеля для П.И. Новгородцева является осознание значения социального прогресса. Однако, как обращает внимание исследователь Я.А. Глухих: «В отличие от Гегеля Новгородцев в развитии общества усматривает не цель, а средство для развития личности, потому что какие бы совершенные формы ни придумали будущие поколения они

не найдут, по его мысли, средства полного удовлетворения личности, а тем более средства спасти ее от осознания своего несовершенства» (Глухих, 2002, стр. 324).

Для преодоления недостатков этической концепции Канта, П.И. Новгородцев предлагает ее дополнить элементами объективной этики Гегеля, именно такое сочетание приведет к цельной этической системе.

Продолжая следовать кантовской этике, П.И. Новгородцев пытается определить сущность гармонии в общественно-политических взаимоотношениях и приходит к мысли, что лучшим регулятором таких взаимоотношений является естественное право. Обращаясь к Канту, естественное право, пишет Новгородцев, «"норма над нормой" или должный порядок долженствования – и является идеей разума, метафизическим идеалом» (Новгородцев, 1902, стр. 202-203). Это высказывание П.И. Новгородцева будет воспринято его последователями как идея возрождения естественного права. Дело в том, что в конце XIX века позитивисты крайне негативно относились к естественному праву и предлагали от него отказаться в юридической практике, что для П.И. Новгородцева представлялось величайшей глупостью. Поэтому П.И. Новгородцев берется за анализ научных источников и изучает «Реакцию против естественного права в немецкой литературе XIX столетия» (Новгородцев, 1896, стр. 1). Свои доводы мыслитель строил на защите естественного права, приводя аргумент о необходимости рассматривать социально-политические взаимоотношения с точки зрения справедливости, которая заложена именно в естественном праве. П.И. Новгородцев указывает на то, что естественно-правовые элементы распространены и сохраняются в философской и юридической литературе по настоящее время (конец XIX, начало XX века). «В разных формах и с различными оттенками старая идея продолжает жить в наши дни. До сих пор о ней пишут книги и журнальные статьи» (Новгородцев, 1896, стр. 4). Это доказывает, продолжает П.И. Новгородцев, что естественное право присутствовало и присутствует в общественной жизни, а отказ от него – есть кардинальное внедрение и изменение системы естественной природы человека. Такое вмешательство, уверен мыслитель, – прямая дорога к варварству по отношению человека к человеку.

Причин отказа от естественного права у позитивистов было несколько. В одной из них, по мнению П.И. Новгородцева, присутствует убеждение, что естественное право препятствует прогрессу. Позитивисты считали, пишет мыслитель, что естественное право пытается найти систему норм «одинаково пригодных для всех времен и наро-

дов... Придает субъективным правовым идеалам непосредственно юридическое значение» (Новгородцев, 1896, стр. 2). Такой подход позволяет понимать и трактовать закон и отношение политиков к гражданам всем без исключения членам общества, что представляется весьма опасным, считали позитивисты, а значит допустить этого нельзя. Поэтому позитивисты, предполагал П.И. Новгородцев, и выступали за создание такого закона, который бы понимали только избранные.

Мнение противников естественного права сформировалось и ввиду непонимания юристами-современниками истинного значения естественного права. Многие скептики считали естественное право пережитками отсталого прошлого, чтобы доказать обратное, Новгородцев пытается объяснить суть и смысл естественного права с помощью двух определений выдающихся философов политики и права разного времени. Одно из них, как указывает сам П.И. Новгородцев, принадлежит родоначальнику естественного права Нового времени – Гюго Гроцию: «Естественное право есть предписанное *право разума*, указывающее, что известному действию присуще *нравственное безобразие* или *нравственная необходимость* в зависимости от его согласия или несогласия с разумную и общежительную природой (человека), и что, поэтому, действие — это запрещается или предписывается творцом природы Богом» (Новгородцев, 1896, стр. 3).

Второе определение принадлежит философу Аренсу, более близкому по времени к эпохе П.И. Новгородцева. Аренс, пишет П.И. Новгородцев, считал, что естественное право «Независимое от произвольных определений и опирающееся на высшей *нравственный порядок* жизни; оно предназначено служить масштабом при обсуждении существующих отношений и руководящей нитью к их дальнейшему развитию» (Новгородцев, 1896, стр. 4). Осмысливая вышеуказанные определения П.И. Новгородцев считает, что под естественным правом следует понимать – «совокупность идеальных представлений о праве, имевших чисто нравственный характер» (Новгородцев, 1896, стр. 4). Нравственность, как видно из представленных понятий, без морали немыслима. Мораль и нравственность – естественный тандем, способствующий установлению порядка на основе справедливости.

Критики естественного права не обращали внимания на подобного рода доказательства, а их замечания строились на том, что право не может образовываться произвольно, в основе правовых процессов, прежде всего, присутствует вмешательство человека, законы природы в этом процессе - вторичны. П.И. Новгородцев эту позицию принимает, но дополняет тем, что вмешательство человека имеет место быть,

но не пренебрегая естественным мироустройством. Обращает внимание П.И. Новгородцев на то, что правовые нормы должны возникать на симбиозе человеческой деятельности и законов природы, в этом случае можно построить гармонию в любых взаимоотношениях: «Успех действия права в жизни вообще обуславливается тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки, право превращается или в мертвую букву, лишённую значения, или в тяжкое бремя, сносимое против воли» (Новгородцев, 1896, стр. 8), чего допускать ни в коем случае нельзя, указывает мыслитель.

Еще одна критическая позиция противников естественного права строилась на отказе возвращаться в средние века, поскольку считалось, что естественное право теоцентрично. Такую точку зрения, по мнению П.И. Новгородцева, распространяли малообразованные люди, которые не понимали, что естественное право сопровождает человека от рождения и до смерти. Никакая форма правления не может повлиять и изменить естественный порядок человеческой природы: «Сначала существовала естественная религия, естественная мораль и естественное право» (Новгородцев, 1896, стр. 15). Позже, от всего этого люди удалились, и естественное право пытались адаптировать под то время, в котором они живут. Ярким примером стала Германия XIX века, когда немецкие юристы занялись оптимизацией римского права под себя и свою эпоху. Трудность, а отсюда и критика исходила от того, что «наряду с римским правом, приходилось иногда сообразовываться с германским и каноническим» (Новгородцев, 1896, стр. 28), что следует понимать, как невыполнимую задачу. Отсюда и масса упреков, основанных на недопонимании, как исключить одно не навредив другому. Для одних — это стало трудностью, для других — поводом для возобновления изучения аспектов естественного права и их влияния на установление порядка в государстве. Интерес несовершенной юридической науки к естественному праву позволил найти «удовлетворение стремлениям своей мысли к единству и системе» (Новгородцев, 1896, стр. 29), что является важным универсальным средством и инструментом для реформирования государства. Опираясь на естественное право, утверждает Новгородцев, можно найти выход из кризисного положения и установить политико-правовой порядок в государстве. Защищая естественное право, как утверждает исследователя Д. Левицкий, «Новгородцев впервые обосновал свои философско-правовые взгляды так, что из них вытекали две идеи: идея философского идеализма и идея возрождения естественного права» (Левицкий, 1975, стр. 300). Нужно отдать должное Новгородцеву еще и в

том, что он обозначил естественное право, как фундамент для всей философии права. Видимо поэтому концепция естественного права проходит через все творчество мыслителя и воплощается в теорию об общественном идеале. Следует подчеркнуть, что проблеме изучения общественного идеала Новгородцев посвятил самые значимые из своих работ. По замечанию Левицкого, работы П.И. Новгородцева, в которых мыслитель рассматривал тонкости общественного идеала, «можно разделить на группу чисто исторических работ и на группу трудов, посвященных изучению общественно-правовых идеалов современного человечества» (Левицкий, 1975, стр. 300). Таким образом, можно утверждать, что П.И. Новгородцев в своих политических идеях не руководствовался модой эпохи, а выстраивал политические предложения с опорой на историю, дабы свести просчеты в предлагаемых теориях к минимуму.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЭЛИТ И. А. ИЛЬИНА

Несмотря на то, что Ильин являлся учеником П.И. Новгородцева, И.А. Ильина все же стоит отнести к гегельянцу. Величайшей заслугой Ильина принято считать основательность изучения всех работ Гегеля, чего в России до Ильина еще никто не делал. На уникальность работы И.А. Ильина о Гегеле указывает и историк А.В. Гулыга. «Есть сведения, что в 1920 году при очередном аресте Ильина в его дело вмешался Ленин и распорядился не применять к нему репрессивных мер» (Гулыга, 2006, стр. 226). Это происходило благодаря очень большой симпатии Ленина к работе И.А. Ильина о Гегеле. В чем выражался этот интерес – неизвестно. Есть только мифы, которые в данном исследовании не рассматриваются.

В своей объемной работе «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» Ильин вновь приковывает интерес к Гегелю. Так как считает, что в Германии в середине XIX века внимание к творчеству мыслителя падает. Всем казалось, как указывает И.А. Ильин, о Гегеле написано много, его творчество изучено полностью, но на самом деле это глубокое заблуждение: «Между гегельянами и их противниками возникает пропасть, понимание утрачивается, философское общение вырождается в нагромождение недоразумений и критическое взаимопопираие, а дело понимания не выигрывает ничего» (Ильин, 2002, стр. 391). И.А. Ильин совершает попытку изменить взгляды ученых на творчество Гегеля, осовременить их. Отмечу, что на написание работы о Гегеле И.А. Ильину понадобилось семь лет.

Ввести учения Гегеля в современную философию жизни И.А. Ильин пытался с помощью, как он сам называет, трех методов: «*Органически единому, предметно всеохватывающему, содержательно глубокому*» (Ильин, 2002, стр. 391). Эти три метода не были для И.А. Ильина пустыми словами, он действительно построил свою диссертацию на них. Видимо еще и поэтому диссертация получилась весьма глубокой и оригинальной.

Изучая философию Гегеля И.А. Ильин находит, что в основе его философской теории заложена «своеобразная *религия мысли*, осуществляемая актом *логической интуиции*, или «мыслящего ясновидения» (Ильин, 2002, стр. 398). Эта мысль побуждает И.А. Ильина взглянуть на Гегеля, как на религиозного мыслителя, который указал человечеству на соотношение между всеобщим, частным и единичным.

Углубляясь в творчество Гегеля, И.А. Ильин находит у него и философскую концепцию пантеизма. Смысл этой концепции сведен к тому, что религиозная вера и научное мышление согласовываются. Гегелевский пантеизм И.А. Ильин расценивает как божественность находящуюся во всем, что есть в мире. В этом И.А. Ильин и видит то, что заложено в природе - рациональное и иррациональное, которое соединено в единое целое. Из этого утверждения Ильина возникает другое утверждение, – Гегель не был диалектиком. «По методу своего философствования Гегель должен быть признан не “диалектиком”, а интуитивистом, или, точнее, интуитивно мыслящим ясновидцем... Он все время сосредоточенно созерцает и напряженно описывает изменения, совершающиеся в самом предмете: он созерцает мыслью. В этом его “субъективный” способ познания» (Ильин, 1993, стр. 155-156). Гегель, исходя из утверждения И.А. Ильина, одновременно смотрел на какой-либо предмет не только как на целое, но и на его составляющие части, что указывало на глубину познаваемого предмета.

К весьма ценной находке И.А. Ильина у Гегеля стоит отнести спекулятивное мышление. Позже И.А. Ильин докажет, что без этого мышления не может обойтись реальная жизнь, вся она пронизана им. Это мышление есть единственная рациональная сила, которая признается злой рациональностью. В спекулятивном мышлении, считает философ Евлампиев, И.А. Ильин открывает - «*Подлинную реальность в чисто духовной сфере внутри сознания*» (Евлампиев, 2014, стр. 66). Именно спекулятивное мышление – есть подлинное понимание бытия, основа человеческого сознания, которое состоит из рационально-логического и иррациональных компонентов. Именно спекулятивное мышление приводит к абсолютному разъединению целостности мира.

Существенным вкладом И.А. Ильина в изучении идей Гегеля является рассмотрение их влияния на государственное устройство. Из научного труда И.А. Ильина, с ссылкой на Гегеля, видно, что границы государственной воли четко очерчивает Бог, но несмотря на божественную волю добиться однозначного порядка в государственных делах нельзя. Объяснить это можно тем, что мир несовершенен и многолюден, отсюда непрекращающаяся борьба и конкуренция между людьми за какое-либо господство. Избежать открытую борьбу можно только в том случае, если количество людей будет таким, что каждый сумеет занять более выгодное положение в обществе. Гегель, пишет И.А. Ильин, обозначил такое положение вещей как: *«Метафизически-конкретное единство эмпирически-дискретного множества людей»* (Ильин, 2002, стр. 222). Исходя из того, что конкуренция не прекращается никогда и заложена в основе любого общества, каким же образом удастся избежать открытую агрессию среди людей? Порядок, считает И.А. Ильин, создается и поддерживается в соединении всеобщих волей во множество единичных стремлений, среди которых можно выделить личную выгоду: *«Если люди в совместном существовании своем творят спекулятивный порядок в своем тождестве, то они пребывают в нравственном состоянии; и обратно. Ибо сущность нравственности в том, что люди испытывают, признают и осуществляют свое "тождество" друг с другом...»* (Ильин, 2002, стр. 227). Каждый индивид рассматривает себя как частичку коллективного духа, которая выражена в прямой взаимозависимости от коллектива. Получается, что спекулятивная жизнь и взаимозависимость объединяет общество в абсолютном и не дает ему разложиться.

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

В сравнительном исследовании творчества П.И. Новгородцева и И.А. Ильина нельзя обойти стороной и научную методологию, которой пользовались ученые в построении своих политико-правовых и философских идей.

Методологические требования П.И. Новгородцева, как указывает исследователь С.И. Бажов включают две основные методологические оппозиции. *«Первая – это оппозиция исторического и философского методов исследования идейной жизни. Вторая – историко-генетического и социологического (позитивного) методов исследования с одной стороны, и априорно-нормативного, с другой»* (Бажов, 2015). Следует пояснить, что первая оппозиция П.И. Новгородцева представлена в его докторской диссертации *«Кант и Гегель в их уче-*

ниях о праве и государстве». Из диссертации П.И. Новгородцева видно, что он критически относится к историческому методу: «Он не выполняет своей цели закономерного объяснения явлений» (Новгородцев, 1901, стр. 6). Исследуя прошлое, ученые могут столкнуться с ошибочными или недостоверными фактами, чем старше эпоха, тем фактов будет меньше. Критикуя исторический метод, Новгородцев ставит под сомнение истинность политико-правовых учений, изучающих нормы прошлого и упрекает исследователей в поверхности, догадках, и ставит под сомнение их научные изыскания.

Вторая методологическая оппозиция П.И. Новгородцева ярко выражена в работе «Нравственный идеализм в философии права» (1902). Критика П.И. Новгородцевым методов позитивистской социологии строилась на том, что мыслитель отрицал социологию как объективную науку. Поскольку на общество может быть оказано давление, в результате чего, «личность все более исчезала, стушевывались перед средой, и настоящим объектом исторического изучения все более становилась жизнь масс» (Новгородцев, 2002, стр. 509). Такое исследование не принесет достоверных сведений, а более запутает. Поэтому его не стоит брать во внимание, чтобы не сделать ошибок в исследованиях.

Из этого следует, что в историческом и социологическом методе не представлено этически должных позиций. По мнению государственоведа П.И. Новгородцева, наука эти методы должна избегать, так как они изобилуют субъективизмом. При исследовании какой-либо проблемы, как считает Новгородцев, «главная задача состоит в том, чтобы понять идею или доктрину не как отражение своей эпохи, а как важное... логическое построение» (Новгородцев, 1901, стр. 64). Именно логическое построение позволяет выявить взаимосвязь между политическими событиями и ответными действиями политиков, что можно расценивать как более точный и последовательный подход. Исходя из чего, можно утверждать, что Новгородцев выделяет философские методы для построения политико-правовых идей. Позиция исследователя Бажова относительно философских методов П.И. Новгородцева сводится к выделению трех взаимосвязанных аспектов: «1) систематического; 2) критического; 3) догматического» (Бажов, 2015). Комплексное использование этих аспектов способно открыть перед ученым глубину исследуемого предмета или эпохи, исключить различного рода ошибки. Именно такой подход и является основополагающим в научных исследованиях, отмечает Новгородцев.

Методы научных исследований И.А. Ильина, как и его учителя П.И. Новгородцева, были заложены в самой его философии. Ильин

считал, что научное познание должно опираться только на философию, поскольку философия указывает на духовную очевидность, которая присутствует во всем живом. «Акт очевидности требует от исследователя *дара созерцания..., глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету*» (Ильин, 1994, стр. 500-501). Именно философия способна дать все это исследователю. Опираясь на философию можно преодолеть самые основные трудности в познании. Поскольку философия, считал И.А. Ильин, смотрит диалектически на целое и помогает ученому в своем научном изыскании добиться *«предметно-связанного исследования с предметно обоснованными выводами»* (Ильин, 1994, стр. 497). Именно обоснованные выводы можно считать научным итогом, но И.А. Ильин, как и П.И. Новгородцев, считал, что в науке, особенно исторической, огромное множество вымыслов, которые вводят в заблуждение следующие поколения исследователей. «Надо честно, ответственно и предметно исследовать, а не выдумывать и "конструировать"» (Ильин, 1994, стр. 498), но чем старше эпоха, тем труднее найти истину. Много из научных объяснений прошлого, уверял Ильин, уже никогда не удастся верифицировать. Историческим фактам придется просто верить.

Современные исследования, обращает внимания И.А. Ильин, необходимо проводить, используя весь арсенал научных методов, для конкретной области научного знания. Исследуя какой-либо объект, определить результат заранее – невозможно, считает И.А. Ильин, так как мы не можем утверждать, что исследуемый предмет *«сам по себе систематичен и живет по законам нашей человеческой логики»* (Ильин, 1994, стр. 497). Поэтому главной задачей исследователя, как пишет Ильин, является умение *«предметно созерцать и мыслить»* (Ильин, 1994, стр. 497). Стоит обратить внимание, что такие знания не приобретаются сами собой. Ученые развивают их в течение жизни, совершенствуя и расширяя. Исходя из чего, исследователь, в представлении И.А. Ильина, человек зрелый и увлеченный, который читит и следует основному правилу методологического пути: *«Сначала – быть, потом – действовать, и лишь затем из осуществленного бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания – философствовать»* (Ильин, 1994, стр. 505-506). Поэтому исследователю не нужно ничего придумывать при гуманитарном исследовании проблемы, есть общий закон выявления истины, считает И.А. Ильин, на этот закон и стоит полагаться. Иная же последовательность исследовательской процедуры истину не отыщет, а заменит

фантазией, которой, полагал И.А. Ильин, пользуются не ученые, а самозванцы. Поэтому настоящий исследователь, считал мыслитель, держит в своей копилке несколько простых, но проверенных методов: «самое легкое, самое непроизводительное и наиболее импонирующие множеству обывателей есть дедукция (выведение системы из общего логического понятия или закона); самое трудное, самое скромное и творчески значительное, что делает человека настоящим исследователем, есть *созерцающая индукция* (опытное описание предмета в его единичных обнаружениях)» (Ильин, 1994, стр. 498). Выбор методологии исключительно за исследователем, но даже эта непростая задача. На первом месте в любом исследовании - постановка гипотезы, ученый должен собрать обширный разносторонний пласт сведений об исследуемом объекте, изучить предшествующую теорию. После того, как комплекс этих процедур осуществлен – исследовать. Иначе, пишет И.А. Ильин, такой ученый «создаст в теории познания только игру мертвыми понятиями и пустыми конструкциями» (Ильин, 1994, стр. 500). Такие действия, без какого-либо сомнения, скроют научное знание под догадками и замедлят развитие научной мысли. Поэтому задача ученого, обращает внимание И.А. Ильин, исключить из своего арсенала различного рода догадки для развития науки и сохранения своей собственной репутации.

Извлекая из философии научные методы и делая ее «служанкой» науки, И.А. Ильин опирается на феноменологический метод, считает его чуть ли не основным в гуманитарном знании. Этот метод научного познания Ильин, как пишет исследователь Лисица, «взял» у Гуссерля: «Гуссерль позже назовет "методом трансцендентальной феноменологической редукции"» (Лисица, 2014, стр. 17). На самом же деле, считал И.А. Ильин, наметил этот метод Гегель, Гуссерль его доработал и дал ему название. Именно феноменологический метод И.А. Ильин и видит главным для постижения смысла, поскольку в этом методе заложена совокупность редукций, позволяющих осуществить поворот в восприятии исследуемого объекта: «Феноменологическое постижение объекта совершается через погружение сущего в переживание его; это погружение должно дойти до полного забвения всего субъективного, личного...» (Ильин, 2014, стр. 264). Феноменологический метод, считал И.А. Ильин, открывает массу возможностей. С помощью феноменологического метода можно дать объяснение ранее неизвестным фактам, выстроить траекторию исследования, обнаружить мнимые проблемы. Именно феноменология, пишет Ильин, содержит: «живое сочетание *интуиции* (видения, созерцания) и *дискурсии* (разума, мысли)» (Ильин, 2014, стр. 39).

ВЫВОДЫ

В основе политического творчества П.И. Новгородцева заложен симбиоз европейской и отечественной мысли, но ученый преимущественно развивал философские идеи Канта и Гегеля, а так же В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина. По философско-политическим взглядам П.И. Новгородцева следует отнести к кантианцу, а из отечественных мыслителей он более близок к Соловьеву.

Новгородцев считал, что немецкие философы Кант и Гегель и российские последователи их идей Б.Н. Чичерин и В.С. Соловьев не смогли до конца решить стоящие перед ними задачи, касающиеся личности, общества и государства, а Гегелевская система, утверждает П.И. Новгородцев, была лишена значимых критериев для оценки правопорядка и делала личность придатком государства. Кант создал пропасть между индивидуальным нравственным сознанием, естественным правом и осуществлением этих начал в реальной жизни общества. Поэтому П.И. Новгородцев устраняет этот недостаток и объединяет односторонние элементы политико-правовых систем Канта и Гегеля в единую систему, компенсируя недостающие позиции в системе каждого из философов. П.И. Новгородцев предлагал дополнить кантовские обоснования автономной правовой личности гегелевскими идеями общественного развития, в которых эти нормы реализуются.

И.А. Ильин, являясь учеником кантианца П.И. Новгородцева, по сути своей, был сторонником идей Гегеля, но нужно отметить, что в политической философии И.А. Ильина отражен довольно большой симбиоз идей ярких представителей немецкой философии: Канта, Гегеля, Фихте, Гуссерля и других. Но, гегелевская философия в творчестве Ильина занимает особое место.

Интерес у И.А. Ильина к философии Гегеля объясним, прежде всего, желанием проявить себя, разобраться в концепциях Гегеля, так как, по утверждению И.А. Ильина, предшествующие исследователи так и не смогли это сделать. Между гегельянцами не утихали споры, а значит в философии Гегеля еще множество недосказанного.

Увлеченность разными немецкими мыслителями и различная идеологическая приверженность, Новгородцев особого рода либерал, а И.А. Ильин особого рода консерватор, должна бы говорить о принципиальной разнице в политической философии учителя и ученика, но этого нет. У П.И. Новгородцева и И.А. Ильина есть общая основа философско-политического мышления. В частности, это стремление к идеалу, представление о душевно-духовной природе политики, нормативный, можно сказать, неоаристотелевский подход к ней, непре-

ложность свободы человеческой личности и безусловное уважение человеческого достоинства, признание ценности духовных исканий человека и связанного с ними свободного человеческого выбора.

Список литературы

- Бажов, С. И. (2015). Принципы философии права П.И. Новгородцева. *Гуманитарные Научные Исследования*, (12), 284–303.
- Глухих, Я. А. (2002). Проблемы права и нравственности в философии П.И. Новгородцева. *Вестник Мурманского государственного технического университета*, 5(3), 321–328.
- Гулыга, А. В. (2006). *Путь к очевидности (Ильин)*. Москва: Творцы русской идеи.
- Евлампиев, И. И. (2014). Интерпретация западной философии в творчестве И. А. Ильина (от первых статей до книги о Гегеле). В *Иван Александрович Ильин* (сс. 35–94). Москва.
- Ильин, И. А. (1994). *Что есть философия? – Собрание сочинений в 10 томах* (Т. 3). Москва.
- Ильин, И. А. (2002). *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В двух томах* (Т. 1). Москва.
- Ильин, И. А. (2014). Введение в философию права. В *Собрание сочинений. Философия как духовное делание*. Москва.
- Левицкий, Д. (1975). П.И. Новгородцев. В *Русская религиозно-философская мысль XX века*. Питтсбург.
- Лисица, Ю. Т. (2014). И.А. Ильин как философ предметных обстоятельств и их духовного смысла. Истоки феноменологии и ее метода. В *Собрание сочинений. Философия как духовное делание*. Москва.
- Новгородцев, П. И. (1896). Предисловие. В *Историческая школа юристов, её происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии*. Москва.
- Новгородцев, П. И. (1901). *Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права*. Москва.
- Новгородцев, П. И. (1902а). Мораль и познание. *Вопросы философии и психологии*, 64, 826.
- Новгородцев, П. И. (1902б). Нравственный идеализм в философии права. В *Проблемы идеализма* (Т. 7). Москва.
- Новгородцев, П. И. (1905). *Кант, как моралист*. Москва.
- Сытин, А. Г. (2008). Ильин Иван Александрович. В *Российская политическая наука. В 5 томах* (Т. 2, сс. 163–194). Москва.
- Сытин, А. Г. (2014). Генезис идей «творческой демократии» в швейцарский период творчества И.А. Ильина. В *Иван Александрович Ильин* (сс. 299–327). Москва: Политическая энциклопедия.

- Филиппова, Т. А. (2010). Иван Александрович Ильин. В И. А. Ильин, *Избранное*. Москва: РОССПЭН.
- Флоровский, Г. В. (1991). Памяти Новгородцева. *Новый мир*, (12), 217–218.

References

- Bazhov, S. I. (2015). Principles of P.I. Novgorodtsev's Philosophy of Law. *Humanities Research*, (12), 284–303. (In Russian).
- Filippova, T. A. (2010). Ivan Aleksandrovich Ilyin. In I. A. Ilyin, *Selected from*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Florovsky, G. V. (1991). In Memory of Novgorodtsev. *New World*, (12), 217–218. (In Russian).
- Gluhikhikh, Y. A. (2002). Issues of Law and Morality in the Philosophy of P.I. Novgorodtsev. *Bulletin of Murmansk State Technical University*, 5(3), 321–328. (In Russian).
- Guliga, A. V. (2006). *The Way to Obviousness (Ilyin)*. Moscow: Creators of the Russian Idea. (In Russian).
- Ilyin, I. A. (1994). *What is philosophy? - Collected Works in 10 Volumes* (Vol. 3). Moscow. (In Russian).
- Ilyin, I. A. (2002). *Hegel's Philosophy as a Study of the Concreteness of God and Man: In Two Volumes* (Vol. 1). Moscow. (In Russian).
- Ilyin, I. A. (2014). Introduction to the Philosophy of Law. In *Collected Works. Philosophy as a spiritual work*. Moscow. (In Russian).
- Levitsky, D. (1975). P.I. Novgorodtsev. In *Russian Religious-Philosophical Thought in the 20th Century*. Pittsburgh. (In Russian).
- Lisitsa, Y. T. (2014). I.A. Ilyin as a philosopher of subject circumstances and their spiritual meaning. The Origins of Phenomenology and its Method. In *Collected Works. Philosophy as a spiritual work*. Moscow. (In Russian).
- Novgorodtsev, P. I. (1896). Preface. In *The historical school of lawyers, its origin and destiny. The experience of characterizing the foundations of the Savigny school in their successive development*. Moscow. (In Russian).
- Novgorodtsev, P. I. (1901). *Kant and Hegel in their doctrines on law and the state. Two typical constructions in the philosophy of law*. Moscow. (In Russian).
- Novgorodtsev, P. I. (1902a). Morality and cognition. *Issues of Philosophy and Psychology*, 64, 826. (In Russian).
- Novgorodtsev, P. I. (1902b). Moral Idealism in the Philosophy of Law. In *Problems of Idealism* (Vol. 7). Moscow. (In Russian).
- Novgorodtsev, P. I. (1905). *Kant, as a moralist*. Moscow. (In Russian).

- Sytin, A. G. (2008). Ilyin Ivan Alexandrovich. In *Russian political science. In 5 volumes* (Vol. 2, pp. 163–194). Moscow. (In Russian).
- Sytin, A. G. (2014). Genesis of the Ideas of “Creative Democracy” in the Swiss Period of I.A. Ilyin's Work. In *Ivan Aleksandrovich Ilyin* (pp. 299–327). Moscow: Political Encyclopedia. (In Russian).
- Yevlampiev, I. I. (2014). The Interpretation of Western Philosophy in the Work of I. A. Ilyin (from his first articles to his book on Hegel). In *Ivan Aleksandrovich Ilyin* (pp. 35–94). Moscow. (In Russian).

Элитология образования

Elitology of Education

SPIRITUAL CONTINUITY IN RUSSIAN CULTURE AND THE MODERN EDUCATIONAL PARADIGM OF CHINA: FROM INTELLIGENTSIA TO ELITE

Irina V. Priorova (a)

(a) Xiamen University. Xiamen, China. E-mail: irinapriorova[at]yandex.ru

Abstract

The results of the surveys and various tests on Russian studies in China show that today students who study Russian as a foreign language (at an advanced level) mistakenly perceive the Russian intelligentsia as the Russian elite according to the principle: elitism begins with intelligence. Thanks to the well-established stereotypes about the great cultural heritage of Russia, even graduate students do not separate these concepts and associatively balance the representatives of the Russian intelligentsia with the elite. This article provides a brief linguo-cultural analysis of the continuity of the Russian cultural tradition in the courses of teaching Russian as a foreign language. The representative of the Russian intellectual elite and an impeccable intellectual is D.S. Likhachev. Today his personality sets a very high bar, since the scientist completely devoted himself to serving science, homeland and the cause of humanism in the twentieth century. The formation of the modern Chinese intelligentsia is today the priority in the country's educational strategy. The boundaries of the ethical concept of intelligence are correlated with different training courses throughout the learning process. The pace of the educational race influences the increase in the number of intellectuals in China (Tsan Xue, Mo Yan, Lao She, Lun Yingtai and many others), to which a lot of modern research is devoted. Therefore, the scientific activity of D.S. Likhachev attracts attention by the fact that it forms an idea of the spiritual and moral essence of the Russian intelligentsia and the spiritual power of the intelligentsia, which is drawn from love for Russia. Devotion and service to the homeland is internalized by the Chinese youth as a foundation and a guide to action. Particularly noteworthy is the fact that out of many outstanding figures in science and culture of Russia, only a few are honored to have their names run like a red thread in all courses of interdisciplinary teaching of the Russian language. We focused on the most famous representatives of the Russian intelligentsia, without whom both Russian literature and Russian science would become dark.

Key words

---

linguocultural diversity; culture-forming function; author's inspiration; intelligence; elitism; national character

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ДУХОВНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА КИТАЯ: ОТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К ЭЛИТЕ

Приорова Ирина Валерьевна (а)

(а) Сямыньский университет. Сямынь, Китай. E-mail: irinapriorova[at]yandex.ru

Аннотация.

Результаты проведенных опросов и различных тестов по россиеведению в Китае показывают, что сегодня студенты, изучающие русский как иностранный (продвинутого уровня), ошибочно воспринимают русскую интеллигенцию как русскую элиту по принципу: элитарность начинается с интеллигентности. Благодаря устоявшимся стереотипам о великом культурном наследии России, студенты даже выпускных курсов не разделяют эти понятия ассоциативно уравнивают представителей русской интеллигенции с элитой. В статье дается краткий лингвокультурологический анализ преемственности русской культурной традиции по курсам обучения русскому языку как иностранному. Представителем русской интеллектуальной элиты и безупречным интеллигентом считается Д.С. Лихачев. И сегодня его личность задает очень высокую планку, поскольку ученый полностью посвятил себя служению науке, родине и делу гуманизма в XX веке. Формирование современной китайской интеллигенции является сегодня приоритетом в образовательной стратегии страны. Границы этического понятия *интеллигентность* коррелируются разными учебными курсами на протяжении всего процесса обучения. Темпы образовательной гонки влияют на увеличение числа интеллигенции в Китае (Цань Сюе, Мо Янь, Лао Ше, Лунь Интай и мн. др.), чему посвящается немало современных исследований. Поэтому научная деятельность Д.С. Лихачева привлекает внимание тем, что формирует представление о духовно-нравственной сути русской интеллигентности и духовной мощи интеллигенции, которая черпается из любви к России. Преданность и служение родине усваивается китайской молодежью как основа основ и руководство к действию. Особого внимания заслуживает тот факт, что из числа многих выдающихся деятелей науки и культуры России лишь немногие удостоены того, чтобы их имена проходили красной нитью на всех курсах межпредметного обучения русскому языку. Мы остановились на самых известных представителях русской интеллигенции, без которых померкла бы и русская литература, и русская наука.

Ключевые слова

лингвокультурологическое многообразие; культууроформирующая функция; авторское вдохновение; интеллигентность; элитарность; национальный характер

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Из всего многообразия русского культурного наследия каждому студенту, изучающему русский язык как иностранный, приходится выбирать для себя собственный образ России, т.е. тот художественный эталон, который станет основополагающим на долгом и непростом пути ее узнавания. Многолетнее изучение русского языка формирует всестороннее знание о России. Однако русская национальная традиция требует глубокого философского осмысления, что не каждому иностранному студенту понятно и интересно.

Изучая русский язык, студенты на протяжении всего обучения знакомятся с разными выдающимися личностями России, но лишь некоторых они могут персонализировать. Персоналии относятся к политической, научной или культурной элите русского общества. Безошибочное узнавание этих персоналий укрупняет значение, масштабности историческую роль личности относительно той эпохи, которой она принадлежит, и этим определяется *актуальность* нашей статьи. Процесс формирования современной китайской интеллигенции является основным направлением в образовательной политике страны и влияет на качество элиты современного общества (Юй Инши, 1991, стр. 111). Границы ее этического наполнения коррелируются темпами образовательного прорыва и показывают увеличение числа китайской интеллигенции, имеющей мировое признание, которая продвигает идеи гуманизма, как Мо Янь (лауреат Нобелевской премии за «Красный гаолян» в 2012 году), Цань Сюе, Лао Ше, Лунь Интайи и др. (Маркова, 2004). Обращаясь к личности Д.С. Лихачева, мы касаемся основополагающей духовно-нравственной сути русской интеллигенции XX века, которая черпается из любви к своей родине. В учебном материале прослеживается преемственность духовно-нравственной основы между разными поколениями творческой элиты в России со времен А.С. Пушкина. Это может служить примером для подражания будущей интеллигенции, как России, так и Китая, которая пока только учится в «своих университетах».

МЕТОДОЛОГИЯ

Изучение преемственности в науке и культуре составляет особую параллель, которую мы взяли за основу методологии нашей работы. Преемственность в науке определяется системностью науки, поскольку любая система, имеет прошлое, настоящее и будущее. И поскольку наука – это непрерывно развивающаяся система знаний объективных законов природы, общества и мышления, то негуманитарная наука

стимулирует деятельность людей в непосредственную производительную силу общества. Гуманитарная наука связана с проблемой преемственности в сфере духовной культуры. На протяжении всей своей истории, с середины XX века, проблема преемственности в культуре сохраняет свою актуальность как единство науки и духовности. С того времени предпринимаются разные попытки рассмотреть преемственность как научную категорию, отражающую всеобщую закономерность развития культуры, а также отдельных её аспектов. По сути, преемственность подразумевает процесс развития культуры через связь прошлого с настоящим. Поэтому часто преемственность подменяется понятиями прогресс, изменчивость эталона, модные тенденции и пр. Не погружаясь в детализацию, следует все же отметить, что предпосылки для ее выделения в самостоятельную проблему создавались веками всем развитием философской мысли.

Специфика процесса преемственности в науке и искусстве четко дифференцирована (Библер, 1991). Мы коснемся двух основных принципиальных различий между преемственностью в науке и искусстве. Если в науке каждое эпохальное открытие производит полный переворот в господствовавших ранее представлениях, то произведения искусства живут в вечности. Созданные в одной исторической эпохе, они имеют способность органически «вписываться» в новую действительность, обнаруживая при этом какие-то ранее неизвестные новые грани и приобретая новое звучание. И в этом формальном разграничении есть объединяющее начало, которое сконцентрировано в личности человека, и если эта личность – гений (или его последователи), который относится к науке как к искусству, то преемственность «перетекает» в нравственно-этическую категорию. Преемственность в области духовной культуры невозможна без осознания человеком значения исследуемых духовных ценностей. Именно отсюда вытекают весьма существенные особенности преемственности в процессах развития духовного производства. Преемственность, будучи связью настоящего, прошлого и будущего в развитии культурного процесса, сохраняет, закрепляет и формирует историческую предопределенность. При переходе от одних этапов развития культуры к последующим, она объясняет возникновение культурного выбора тех или иных феноменов культурного процесса, его отдельных сторон или в целом.

Проблемы восприятия преемственности в русской культуре китайской аудиторией составили *новизну* нашего исследования. Руководствуясь результатами тестирования по разным направлениям русификации, мы отметили, что студенты почти всегда безошибочно выделяют личность Д.С. Лихачева на пересечении изучения научно-

культурного наследия XX века. Его причисляют к лучшим представителям русской интеллигенции, как выдающегося деятеля науки и культуры, который продолжил лучшие филологические традиции своих предшественников. Отдельные фрагменты из его творческого наследия стали *объектом* описания в нашей статье. *Предметом* описания стало само понятие интеллигентность, которое в Китае соизмеримо с понятием элитарности, поскольку интеллигенция – особая категория людей, которая способна заниматься не только интеллектуальным творческим трудом, но и брать на себя ответственность за жизнь общества, его идеалы, нравственность и мораль. *Цель* статьи состоит в том, чтобы разобраться, почему нравственно-этическая основа элитарности имеет для китайцев первостепенное значение и ассоциируется с интеллигентностью.

Для достижения цели мы использовали сравнительно-сопоставительный метод, который позволяет увидеть преемственность как основу традиционности в русской культуре на примере творчества двух великих русских гуманистов XIX и XX века, А.С. Пушкина и Д.С. Лихачева, а также лингвосемантический анализ с элементами описания, объясняющий ключевые тезисы, которые могут интерпретироваться в динамике меняющегося времени.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О САМОМ ВАЖНОМ

Д.С. Лихачёв, известный гуманист, великий ученый и мыслитель XX века, продолжил лучшие филологические и философские традиции русской школы. Определив роль и значение русской культуры в мире, значение Пушкина в литературе, он по-философски мудро, но без философствования объяснял своим современникам и своим потомкам, в чем состоит ценность русского художественного наследия и как сохранить преданную и бескорыстную любовь к России и русской культуре. Изучение трудов Д.С. Лихачева в китайских вузах предусмотрено программой на разных курсах по нескольким дисциплинам (чтение, история, культура, литература, руссиеведение). Слова из учебного текста «Мысли о России»: «...*пора понять, что признавать нас своими будут наши соседи только в том случае, если мы будем сохранять нравственное достоинство и культуру или хотя бы культуристность*» (Лихачев, 1989, стр.88), – китайские студенты выделяют как ключевую мысль учёного.

Судьба Д.С. Лихачёва удивляет и вдохновляет: Дмитрий Сергеевич учился всю свою жизнь. Начав свое образование еще в дореволюционной России, он учился у своего собственного жизненного опыта,

переживая все страшные события XX века. Сам он никогда не скрывал, что в древнерусской литературе и в памятниках родной истории и старины он черпал мудрость древних эпох. В тяжелых жизненных испытаниях Д.С. Лихачев оставался верен самым высоким духовно-нравственным идеалам, верен самому себе. «Диалог с XX веком», который вёл Д.С. Лихачёв на протяжении всей своей жизни, продолжается и в XXI веке: мысли его универсальны, но они понятны только тем, кто любит Россию и её великую культуру, потому что любить Россию можно только поняв её.

Интерес к Д.С. Лихачёву не может возникнуть у студентов на последнем этапе обучения, когда небольшой текст Д.С. Лихачёва «Мысли о России» завершает тему «Русская ментальность» (Лю Цзюань, 2013, стр.33-35). Этот текст скорее продолжает знакомство с личностью и творчеством учёного, известного китайской аудитории больше по «Письмам о добром и прекрасном» (Лихачёв, 1989, стр.238), которые Дмитрий Сергеевич адресовал молодежи. Основные мысли русского ученого и мыслителя, получившего мировое признание, сегодня, увы... уже не всем понятны. Современная молодежь, вступающая в жизнь, стремится урвать из глобального мира все, что сделает ее неуязвимой в жесткой конкурентной борьбе выживания.

Мысль 1, которую высказывает Д.С. Лихачев о том, что «надо служить конкретному делу, пусть даже это дело будет маленьким», универсальна. Однако слова ученого резонируют с современными реалиями, потому что сегодня не каждый молодой человек сможет на протяжении всей жизни служить одному делу. Даже если служить ему верно, оно не «обязательно станет большим». Самая же большая цель жизни, по мнению ученого, определяется количеством сотворённого добра: человек должен «увеличивать добро» в окружающем нас мире. Добро – категория неуязвимая, беспроегрышная, и, несмотря на откровенный прагматизм XXI века, образованная молодежь в большинстве своём придерживается нравственных ориентиров, хотя и не может противостоять деструктивным процессам глобализации. Идея распространения добра на фоне других мыслей Д.С. Лихачёва воспринимается китайскими студентами как гуманитарный наказ.

Мысль 2. Размышления о том, что одна из важнейших задач русских градостроителей – сохранение разнообразия наших городов и сел, актуальна и сейчас. Сохраняя в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие, сохраняется вся наша страна – этот «грандиозный культурный ансамбль». Его сохранность во всём его поразительном богатстве остается главной задачей государства и полностью проецируется студентами на современный Ки-

тай. Они понимают эту задачу буквально, поскольку в динамично развивающемся Китае в условиях всеобщей модернизации, в архитектуре современных китайских городов удивительным образом сохраняется гармония прошлого с настоящим, где прошлое не обособляется от современной масштабности и технологической мощности, а плавно перетекает в них.

Мысль 3. Ещё одна мысль Д.С. Лихачёва о том, что современный человек не сможет жить без искусства, что оно «освещает и одновременно освящает» жизнь, что искусство делает человека добрее, а значит и счастливее, и что научиться понимать произведения искусства совсем не просто, и что этому надо учиться всю жизнь, кажется почти не актуальной сегодня. Однако часть китайской молодежи, которая интересуется классическим искусством, с каждым годом становится все больше и больше. Сегодня в Китае работает творческая интеллигенция со всего мира: лучшие дирижёры, лучшие хореографы и вокалисты, лучшие танцоры и аккомпаниаторы – в Китае, как и лучшие художники, архитекторы и дизайнеры. Китай стал центром притяжения мировых талантов, потому что готов платить им за обучение своих соотечественников, не скупясь.

Унифицированные формы субкультур не требуют от молодежи интеллектуального и духовного напряжения. Чаще всего высокое искусство для большинства остается недоступной областью, как и зона элитарности, в которую вход запрещен. Не все студенты понимают, что такое элитарное искусство. Также не просто им понять, что значит учиться пониманию искусства у самого себя – «у своей искренности». Поняв, что имеет ввиду Д.С. Лихачёв под врожденным вкусом, студенты признают, что каждый из них имеет свой образец для подражания, которому откровенно следует во всем: в моде, поведении, предпочтениях. Примеры для подражания, на их взгляд, становятся образцом, если соответствуют эстетическим вкусам и предпочтениям современной молодежи. Как правило, это авторитетные деятели культуры, искусства, политики, науки не только Китая, и они хорошо узнаваемы в мировом сообществе.

Время неумолимо меняет вкусы, но люди вкуса, как творцы прекрасного, идут в ногу со временем. В современном Китае очень оригинально и эстетически грамотно представляется национальное достояние в самых разных музеях, выставочных галереях и залах, парках и скверах по всей стране. Поэтому желание по-настоящему разбираться в искусстве для многих – это естественное стремление, а не дань моде. Особенно актуально это для образованной части современной молодёжи Китая, которая заботится о своем гармоничном развитии в

лучших традициях. Сегодня современные жители Поднебесной, не зависимо от образования, всё больше и больше включаются в процесс массового «окультуривания». И это закономерно, поскольку, имея богатое наследие многовековой истории, китайцы имеют возможность сегодня по государственной программе массово изучать её особенности, чтобы понять истоки своей культурно-исторической уникальности.

Мысль 4 о путешествиях у Д.С. Лихачёва хорошо понятна и очень актуальна. Рассматривая поездки по своей стране и по чужим странам как одну «из самых больших ценностей жизни», Дмитрий Сергеевич призывает не упускать случая и находить интересное даже там, где кажется неинтересно. То, что на земле нет неинтересных мест, а есть только *неинтересующиеся* люди, которые внутренне скучны, понимают многие. Стоит также учесть, что такого массового внутреннего туризма вряд ли, где ещё можно встретить в современном мире. Европейцев поражает и количество, и социально-образовательное расслоение путешествующих. Иностранцы видят неподдельный интерес китайцев к тем местам, которые они массово посещают. С какой «жадностью» они знакомятся, а точнее исследуют исторические объекты и ландшафты своей страны! Эти плановые обзорные ознакомления путешествующих людей по Китаю превращают их из массы путешественников в людей интересующихся.

Мысль 5. Мысли о путешествиях абсолютно универсальны для студентов всех стран и во все времена, как, впрочем, и тезис об учёбе. То, что сейчас всякому молодому человеку с самого малого возраста нужно учиться и учиться нужно, не переставая, чтобы подняться на определённый уровень социального лифта, понятно большинству. Если прежде только крупнейшие ученые до конца жизни «не только учили, но и учились», то в наш век стремительно меняющихся технологий никак нельзя перестать учиться, потому что знания «все растут и усложняются». Освоение новых технологий остаётся в приоритете у молодёжи, так как молодость –это самое благодатное время для обучения. Ум человека, как известно, наиболее восприимчив в детстве, а в отрочестве, юности и молодости восприимчивость не должна приглушаться, она должна развиваться. И этот тезис всегда принимается китайскими студентами, у которых нет никаких сомнений о роли образования современного человека.

Мысль 6. И ещё одна важная мысль для тех, кто осознанно связал себя с русским языком на всю жизнь. Д.С. Лихачёв рассматривает русский язык как важнейшую часть общего поведения в жизни человека. По тому, как человек говорит, сразу можно судить о степени ин-

теллигентности человека, о степени его психологической уравновешенности, поэтому учиться «хорошей, спокойной, интеллигентной речи» нужно постоянно, внимательно прислушиваясь и запоминая, читая и изучая лучшие образцы словесного творчества. В век телефонных картинок и лапидарных текстов это совсем не просто, но необходимо для того, чтобы речь гармонично упорядочила мысли. Для китайской аудитории восприятие правильной литературной речи является привычным и обязательным условием в изучении русского языка. Все курсы читаются преподавателями именно с учётом этого, поэтому главная сложность состоит в том, как отличить просто правильную русскую речь от интеллигентной речи. Формирование навыков устной и письменной речи зависит от того, как студенты усвоят, что «правильно» – это не всегда интересно и понятно, а интеллигентно – это всегда интересно, увлекательно и доступно для понимания. Интеллигентность речи и манера изложения самого Д. С. Лихачева хорошо узнаваема. «Хороший язык не замечается читателем, – считал он. – Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена». Ученый был и остаётся совестью нации, и его совесть пронизывает всё его наследие, поскольку сам он относился к той русской интеллигенции, которая, занимаясь интеллектуальным трудом, была способна отвечать на запросы времени и брать на себя ответственность за идеалы, нравственность и мораль общества.

Мысль 7. Нравственный портрет ученого определяется его бескорыстной преданностью и искренней любовью к России, что в китайской аудитории всегда вызывает глубокое уважение, особенно когда возникают прямые ассоциации с концептами русской картины мира. Д.С. Лихачев определил их приоритетность и выделил главное: *«Ещё одно качество народа имеет первостепенное значение в нравственном авторитете народа и так же, как терпимость к другим нациям, воспитывается историей – доброта... Доброта – это дар общения. Это социальное чувство и при этом очень заразительное»* (цит. по Ван Цзянсин, 2008, стр. 34). О русской доброте студенты имеют представление, прежде всего, по литературным произведениям, которые изучают. Но некоторые почувствовали её на себе, стажирясь в России. Доброта русских ассоциируется, как правило, не только с размахом, щедростью и бескорыстностью, но и с взаимопомощью, состраданием, альтруизмом, которые и сегодня пока отличают русского человека, несмотря ни на какие деструктивные изменения современного российского общества.

Русская интеллигентность расценивается студентами как необходимое условие для русской элитарности. Это, с одной стороны, упро-

щает критерии, по которым персонализируется личность. С другой стороны, очевидно, что современная российская элита, за редким исключением, так далека от интеллигентности, что нет никаких оснований взаимодополнять одно другим. Приравнять эти понятия и считать их взаимозависимыми объективности ради нельзя. Но то, что у китайских студентов они ассоциируются друг с другом как взаимозависимые, заслуживает внимания, потому что это взгляд со стороны, взгляд извне, который отражает суть этих категорий не по словарным дефинициям. Для китайцев, если уж уважаемый человек признается исключительным, известным, заслуженным, то исключительность эта должна начинаться с его интеллигентности.

ЭСТЕТИКА И ПОИСК ЭТАЛОНА

Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку оптимизирует два возможных пути изучения персоналий: через эпоху – личность – язык или же, напротив, через язык личности в конкретной эпохе. И тот, и другой путь начинаются с того, что у каждого студента, изучающего русский язык, существует своя точка отсчёта, с которой начинается осознание неродного языка своим. С этого момента определяется вектор поступательного накопления знаний о России для полного погружения в русский мир.

Непосредственное общение с китайскими студентами (г. Нанкин, г. Сямынь, КНР), связавшими своё будущее с русским языком, позволяет говорить о том, что индивидуальное знание языка, безусловно, улучшается, если есть интерес к русской культуре. Несмотря на рамки статьи, мы не можем не вспомнить вместе Д.С. Лихачевым имя А.С. Пушкина, без которого немислим русский язык. А.С. Пушкин и Д.С. Лихачев – творческая элита России разных эпох. Первый – создатель русского литературного языка, второй – безупречный хранитель памяти первого.

Эстетическая (поэтическая) функция – одна из важных функций языка. С этой точки зрения следует обратить внимание на то, что из числа функций языка (коммуникативной, кумулятивной, когнитивной и пр.) для любого мастера слова эстетическая (поэтическая) функция всегда будет самой важной. И если с помощью первых трёх вышеперечисленных язык влияет на культуроформирующую и социорегулирующую функции, необходимые для развития социальной истории цивилизации, то эстетика языка всегда связывает эти функции в одно целое. В результате, меняющееся социокультурное пространство перетекает из прошлого в «сегодня» с помощью языка,

через эстетику слова, которая тоже изменчива. Поэтому сравнение языкового своеобразия конкретного автора с эталоном времени лежит в основе всякого анализа текста. Это и определяет степень преемственности и креативности пишущего относительно той эпохи, в которой он жил. Несмотря на то, что от эпохи к эпохе эталон меняется, для «более-менее» образованного русскоговорящего человека этот эталон, как правило, соотносится с образцами словесного творчества русских писателей и мыслителей, приравненных к мировым классикам предшествующих веков. Многогранность личности А.С. Пушкина, как поэта и творца русского языка, который чувствовал и любил язык своего народа, писал на нём и о нём, показал эстетику его формы, заслуживает отдельного анализа.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ КУЛЬТА А.С. ПУШКИНА

Значение гениальности А.С. Пушкина в вузовском курсе обучения русскому языку в Китае представлено без особого пиетета, но достаточно подробно. Если сегодня посмотреть на художественный эталон и сравнить его у русских и китайских студентов, то он давно не классический. При знакомстве с творчеством поэта больше обращается внимания на анализ произведений, его биографию, и очень скупом упоминается о его влиянии на развитие русской культуры в целом. В одном из учебников китайского издания в теме «Оценка значения личности в российской культуре» говорится о том, как поэт относился к свободе личности. Указывается на то, что центром всего мировоззрения Пушкина являлись жизнь и достоинство человека. Подчёркивается, что для него возможность участия в политической жизни была не столь важна, «...гораздо более важным для него является требование духовной независимости личности, нестеснённости духовной жизни и творчества» (Лю Цзюань, 2013, стр.200). Однако при ответе на вопрос: «...почему идеи либерализма, приводящего к демократии, т.е. власти народа, были чужды поэту?» – делается акцент на то, что Пушкин, будучи вне политики, успешно занимался разработкой *гуманитарной* идеи, которую можно обозначить как идею «*необходимости духовно-культурной элиты*» (Лю Цзюань, 2013, стр.201).

Духовно-культурная сущность А.С. Пушкина определяется масштабностью его личности. Его гениальность трудно соизмерить мерой рядового носителя языка, а тем более не носителя, поэтому его наукоёмкие размышления о русском языке заслуживают самого пристального внимания. Не будучи учёным по званию, А.С. Пушкин лучше всякого лингвиста сделал безупречные выводы о сути языка и творче-

ском потенциале художника, когда писал, что «... язык, как зрение, не может быть ограничен иначе как природою, ибо есть способность, дарованная богом всем и каждому». Цитата А.А. Бестужева-Марлинского о том, что «...мысли Пушкина остры, смелы, огнисты; язык светел и правилен. Не говорю уже о благозвучии стихов, – это музыка...они катятся по бархату жемчугом!» (Бестужев-Марлинский, 2007, стр.510), требует пояснения. Прежде всего, понятие «огнистость» лучше растолковать студентам словами самого А.С. Пушкина, который никогда не был консерватором и интуитивно принимал языковые изменения в русском языке как естественное обновление его системы: «Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка». А.С. Пушкин сам использовал новые языковые формы и сам объяснял «поисковую систему» художника: «Это уже не ново, это было уже сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что же из этого следует? Что дух человеческий ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона» (цит. по: Приорова, 2012, стр. 101).

Импульс постижения «старого» по-новому, «чужого» по-своему великий поэт видел в творческом вдохновении: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий. Следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии (А.С. Пушкин)» (цит. по: Приорова, 2012, стр. 101). Следовательно, «сопоставление современных новых художественных форм с признанным эталоном прошлого, отражает «поиск» автора, который бессознательно использует неограниченные потенции языковой системы. ...проявление творческой индивидуальности невозможно без языковой интуиции, языковое чутье есть импульс писательского вдохновения...» (Приорова, 2014, стр.189-184; Приорова, 2012, стр. 92-102). «Научиться» языковому вкусу можно, хоть и не сразу, постоянное чтение образцовых текстов может способствовать его появлению, поэтому нельзя категорично утверждать, что если нет вкуса, то никогда уже не будет, он может сформироваться. Но чему точно нельзя научиться, –это врожденной интуиции, врожденному чувству языка. Сам поэт в богатом на таланты XIX веке обладал *особым* по тем временам языковым вкусом и безупречным языковым чутьём.

Творчество А.С. Пушкина на продвинутом уровне изучения языка представлено дополняющими друг друга на протяжении всей учебы фактами из творческой биографии поэта. Но в большей степени для китайских студентов он – великий поэт России и создатель русского литературного языка, но не ученый и философ. Некоторые мысли поэта обращены не только к своим современникам, они стали основой преемственности для потомков. Одна из них как своеобразное предостережение адресуется тем, кто не равнодушен к русскому языку: *«Прекрасный наш язык, под пером писателей неучёных и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах ещё менее правописания, нежели здравого смысла...»* (Пушкин, 1962, стр. 312). Хотя для иностранца мысль эта, изложенная великолепным слогом XIX века, даже с лингвосемантическим комментарием мало чем отличается от других по сложности восприятия, она определяет важность бережного отношения к языку на все времена как завет.

В XX веке его бережно читал и свято соблюдал, популяризировал и толковал выдающийся ученый другой наступившей эпохи – Д.С. Лихачёв. Тогда ещё интеллигентность была основообразующей для интеллектуальной элиты. «Незамысленный» взгляд китайских студентов, которые не представляют *элитарность безинтеллигентности*, заставил нас вернуться к прошлому в поисках ответа на вопрос, как соотносятся русская интеллигентность и элитарность сегодня, и что сделает представителей русской интеллигенции нравственным ориентиром для новых поколений.

ВЫВОДЫ

Таким образом, сегодня в Китае ключевые понятия элитарность и интеллигентность вызывают у студентов неразрывные устойчивые ассоциации, связанные с преемственностью в русской культуре, представленной великим творческим наследием разных эпох. Для изучающих русский язык культура является основополагающей на всем пути обучения. Объяснение неразрывности этих понятий в китайском восприятии связано с:

1) Идеологией образа выдающейся личности в Китае. Этот нравственно-идеологический типаж ассоциативно примеряется ко всем выдающимся личностям различных эпох и стран, в том числе и русским.

2) Формированием устойчивых этических и эстетических параллелей как ключевых основ узнавания России, что у китайских студентов напрямую связано с изучением русской культуры по разным гуманитарным направлениям.

3) Лингвокультурологическим многообразием, которое в разные эпохи складывалось из деятельности многих выдающихся личностей России, открывая понимание особенностей национального характера через взгляд на страну «извне». Также следует отметить, что

4) Заслуга А.С. Пушкина состоит в том, что он «узаконил» статус русского литературного языка в создании русской национальной культуры.

5) Заслуга Д.С. Лихачёва состоит в том, что он «узаконил» статус русской национальной культуры и ее лучших традиций, упорядочив существующее многообразие русского культурного наследия. Учёный, как истинный представитель русской интеллигенции и патриот, в некоторой степени облегчил долгий и не простой путь постижения России для тех, кто его выбрал.

6) «Письма...» Д.С. Лихачёва могли бы «поддерживать диалог» и между поколениями России, и с молодёжью разных стран от лица России, если бы не изменилась общественная парадигма: сегодня культурологические знания хоть и формируются на базе стереотипного представления о России, но уже в разной интерпретации.

7) Общепринятые представления о русской культуре размываются в обилии самых разных пособий китайского издания, что способствует формированию совсем не похожих индивидуальных взглядов студентов на широко известные в мире произведения русского искусства и тех, кто их создал.

Перспектива дальнейшего развития этой темы видится нам в том, что проблема преемственности не утрачивает своей актуальности, несмотря на стремительные изменения духовных ценностей. Понятие интеллигентности и элитарности сегодня не совмещаются, а часто контрастируют. Однако если при обучении русскому языку рассматривать преемственность в культуре как основу изучения русской культурной традиции, тона межпредметном уровне у иностранцев усилится запоминание персоналий из разных эпох. Кроме того, сопоставление подчеркнет индивидуальность каждого представителя творческой интеллигенции в русской культуре на фоне преемственности, которая всегда определялась принципами великого гуманизма и любви к России.

Список литературы

- Бестужев-Марлинский, А. А. (2007). *Прямая речь. Мысли великих о русском языке*. Москва: Российский фонд культуры.
- Библер, В. С. (1991). *От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век*. Политиздат.
- Ван Цзянсин (Ред.). (2008). *Русский язык. Учебное пособие по чтению для студентов* (Т. 3). Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков.
- Инши, Ю. (1992). Интеллигенция в Китае: Исторический обзор. *Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия «Китаеведение*, (1), 111.
- Книги автора Цань Сюэ. (2020). Извлечено от <https://bookshake.net/author/can-syue>
- Лао Шэ—Биография, список книг, отзывы читателей—Readly.ru. (2020). В *Readly*. Извлечено от <http://m.readly.ru/author/16309/>
- Лихачев, Д. С. (1989). *Письма о добром и прекрасном*. Москва: «Детская литература».
- Лунг Инь-Тай—Lung Ying-tai—Qaz.wiki. (2020). В *KazWiki*. Извлечено от https://ru.qaz.wiki/wiki/Lung_Ying-tai
- Лю Цзюань (Ред.). (2013). *Учебное пособие по русскому языку для студентов*. Пекин: Новое издательство обучения и изучения иностранных языков: «Русский язык» / Восток.
- Маркова, С. Д. (2004). *Китайская интеллигенция на изломах XX века*. Москва: «Гуманитарий».
- Мо Янь. (2020). В *Википедия*. Извлечено от https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%9C%D0%BE_%D0%AF%D0%BD%D1%8C&oldid=109044165
- Приорова, И. В. (2012). «Чужие» штампы как нейтрализация «своего» в культурно-историческом осмыслении современного речетворчества (Т. 1). Астрахань: Астраханский университет.
- Приорова, И. В. (2014). К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: От Пушкина до. В *Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И.А. Фигуровского*. (стр. 189–194). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
- Пушкин, А. С. (1962). Опровержение на критику и замечания на собственные сочинения. В *Собрание сочинений в 10 томах: Т. 6: Статьи и заметки. 1824-1836 гг.* Москва: Художественная литература.

References

- Bestuzhev-Marlinsky, A. A. (2007). *Direct speech. Thoughts of the greats about the Russian language*. Moscow: Russian Cultural Foundation. (In Russian).

- Bibler, V. S. (1991). *From science science to the logic of culture. Two philosophical introductions in the twenty-first century*. Politizdat. (In Russian).
- Books by Qian Xue. (2020). Retrieved from <https://bookshake.net/author/can-syue> (In Russian).
- Lao She-Biography, book list, reader reviews —Readly.ru. (2020). In *Readly*. Retrieved from <http://m.readly.ru/author/16309/> (In Russian).
- Likhachev, D. S. (1989). *Letters about the good and the beautiful*. Moscow: “Children's Literature”. (In Russian).
- Lung Ying-tai—Qaz.wiki. (2020). In *KazWiki*. Retrieved from https://ru.qaz.wiki/wiki/Lung_Ying-tai (In Russian).
- Liu Juan (Ed.). (2013). *Russian language textbook for students*. Beijing: New publishing house for teaching and learning foreign languages: "Russian language" / East. (In Russian).
- Markova, S. D. (2004). *Chinese intelligentsia at the breaks of the XX century*. Moscow: “Humanitarian”. (In Russian).
- Mo Yan. (2020). In *Wikipedia*. Retrieved from https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%9C%D0%BE_%D0%AF%D0%BD%D1%8C&oldid=109044165 (In Russian).
- Priorova, I. V. (2012). “*Alien*” cliches as neutralization of “*our own*” in the cultural and historical comprehension of modern speech creation (Vol. 1). Astrakhan: Astrakhan University. (In Russian).
- Priorova, I. V. (2014). On the aesthetics of words and creativity of thought: from Pushkin to. In *Actual problems of modern linguistics and methods of teaching language. Proceedings of the All-Russian Conference on the 115th Anniversary of Professor I.A. Figurovsky* (pp. 189–194). Yelets: Yelets State University I.A. Bunin. (In Russian).
- Pushkin, A. S. (1962). Refutation to criticism and comments on their own compositions. In *Collected Works in 10 volumes: Vol. 6: Articles and Notes. 1824-1836*. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).
- Yingshi, Y. (1992). Intelligentsia in China: Historical Review. *Social Sciences and Humanities. Foreign literature. Ser. 10, Sinology*, (1), 111. (In Russian).
- Wang Jiangxing (Ed.). (2008). *Russian language. A textbook on reading for students* (Vol. 3). Shanghai: Shanghai Foreign Language Publishing House. (In Russian).

Политическая элитология
Political Elite Studies

CITIZENS' PARTICIPATION IN ELECTORAL GOVERNANCE: A REDISTRICTING PROCESS

Nikolai V. Grishin (a)

(a) Saint Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. E-mail: nvgrishin[at]mail.ru
ORCID. 0000-0002-0850-7581

Abstract

Citizens' participation in electoral governance can be considered as a means for insuring electoral integrity. Some cases and problems of this participation are discussed in contemporary literature. Less attention has been paid to institutional forms of citizens' participation in electoral redistricting. The paper presents a systematic picture to fill this gap, it also reveals the prospects of citizens' participation in this area of electoral governance. Methodological framework for the study is contemporary theory of citizens' participation and the S. Arnstein's "ladder" of citizens' participation. Making cross-case generalisations, the paper addresses the empirical material from Australia, New Zealand, Canada, India, Great Britain, the USA and Russia. It is conceivable that the adequate time frame for citizens' participation and transparency are the most significant conditions for citizens' engagement.

Key words

---

citizens' participation; ladder of citizen participation; delimitation of constituencies; redistricting; electoral management; electoral governance; electoral authorities; electoral integrity; constituencies; elections; electoral systems

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

УЧАСТИЕ ГРАЖДАН В УПРАВЛЕНИИ ВЫБОРАМИ: ПРОЦЕСС ДЕЛИМИТАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ

Гришин Николай Владимирович (а)

(а) Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: nvgrishin[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0850-7581

Аннотация

Участие граждан в управлении выборами можно рассматривать как средство обеспечения честности выборов. Некоторые случаи и проблемы этого участия обсуждаются в современной литературе. Меньшее внимание уделяется институциональным формам участия граждан в процессе делимитации избирательных округов. Чтобы восполнить этот пробел, в данной статье представлена систематическая картина и раскрываются перспективы гражданского участия в этой сфере управления выборами. Методологической основой исследования является современная теория участия граждан и «лестница гражданского участия» С. Арнштейн. На основе обобщения данных, в статье рассматривается эмпирический материал из Австралии, Новой Зеландии, Канады, Индии, Великобритании, США и России. Допустимо, что адекватные временные рамки для участия граждан и прозрачность являются наиболее важными условиями повышения степени вовлечения граждан.

Ключевые слова

участие граждан; лестница гражданского участия; делимитация избирательных округов; управление выборами; электоральный менеджмент; электоральная политика; избирательные органы; избирательные округа; выборы; избирательные системы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

The process of electoral redistricting is of great importance in the elections of legislative and representative authorities. If the electoral system with single member district is used then manner of redistricting can be crucial for candidates and for the composition of a parliament. The process of electoral districts redistricting is one of the most acute and conflictogenic in the process of electoral management (Morozova, 2013, p. 109). The choice of a particular approach for redistricting is often determined by partisan motives and causes significant political consequences, reducing or increasing the chances for certain political parties (Winburn & Wagner, 2010, p. 380; Hunt, 2018).

According to the web portal ACE Electoral Knowledge Network, in 69% of countries in the world there is a practice of systematic redistricting (Best, 2018). As a rule, if the delimitation of electoral districts does not take place in the country, it is a consequence of the use of a proportional representation electoral system, in which single member districts are absent usually.

As one of the areas of electoral governance, the process of delimitation of electoral districts includes a set of institutions, among which there are institutions of citizens' participation. Citizens' participation in redistricting can democratize the decision-making process and move it beyond the political elite (Nagle, 2019, p. 6). Increasing citizens' participation can be considered as the means of providing electoral integrity (Norris, Frank, & Coma, 2014). The problem of citizens' participation in the delimitation of electoral districts has not yet received a systematic study in the scientific literature. The first scientific publications on the subject of problems of citizens' participation in the process of district delimitation in certain US states appeared only in the 2010s. First of all, the articles of M. Altman and M. MacDonald (Altman & McDonald, 2011; 2013) and empirical studies by B. Grofman and P. Miller (Miller & Grofman, 2018), an article of T. Donovan on the prospects for applying the institutions of direct democracy in the process of electoral delimitation (Donovan, 2011). The purpose of this paper is to analyze the existing forms and prospects of citizens' participation in the delimitation of electoral districts.

The methodological basis of the study is the theory of citizens' participation, which offers a system of categories and ideas about the forms and patterns of citizens' participation in decision-making processes in governance.

METHODOLOGICAL FRAMEWORK

Citizens' participation in modern theory is considered as a process that gives individuals the opportunity to influence decision-making in public administration and governance.

Within the framework of the methodological approach used here, public is usually understood as one or more individuals or legal entities, with the exception of state bodies and officials involved in the decision-making process due to their official duties (Karpov, 2012, p.14).

E. Cogan and S. Sharpe identify five advantages of citizens' participation in decision-making in public administration (Cogan & Sharpe, 1986):

- Information and ideas on public issues;
- Public Support for planning decisions;
- Avoidance of protracted conflicts and costly delays;
- Reservoir of good will which can carry over to future decisions; and
- Spirit of cooperation and trust between the agency and the public.

In the Western theory of public administration, a steady interest for the problem of public participation was formed in the 1960s. In the seminal article by S. Arnstein in 1969, "Ladder of Citizen Participation" model was proposed, reflecting various stages of public influence on government decision-making (Arnstein, 1969, p. 220).

The "ladder" of citizens' participation provides for eight ascending stages of citizens' participation in decision-making which are grouped by S. Arnstein into three main forms (tab. 1).

8	Citizen Control	Degrees of citizen power
7	Delegated Power	
6	Partnership	
5	Placation	Degrees of tokenism
4	Consultation	
3	Informing	
2	Therapy	Nonparticipation
1	Manipulation	

Table 1. The Ladder of Citizen Participation by S. Arnstein

The timeframes provided by law and practice, as an additional parameter established within the framework of the theory of citizens' participation, allows us to assess the possibilities of citizens' participation.

AUTHORITIES INVOLVED IN THE REDISTRICTING

The subjects of decision-making in redistricting can be:

- 1) Parliament;
- 2) Election commissions;
- 3) Executive bodies;
- 4) Redistricting commissions.

The model in which the final scheme for electoral districts' boundaries is approved by the parliament is the most common in the modern world (even if a special independent commission is responsible for preparing this project). According to this model, the parliament can usually accept or reject the whole project without making any partial changes (Handley, 2006, p. 83). However, at the same time, there are countries in which the project of electoral districts' boundaries is drawn up by a special redistricting commission and it comes into force immediately after the approval of the commission without requiring parliamentary acceptance (New Zealand, Australia, India, etc.).

In a historical perspective, the number of countries where the charge for this task is transferred to independent election commissions or redistricting commissions is growing (Miller & Grofman, 2013). Thus, a global trend is to protect the process of redistricting from the influence of political parties and politicians who are directly interested in the election results (Yoshinaka & Murphy, 2010, p. 441). However, *parliament* in some countries still has the authority to determine the boundaries of constituencies. In particular, this situation exists in many US states (Chen & Cottrell, 2016, p. 331), France (Sauger & Grofman, 2016, p. 340), Italy.

Election commissions or other electoral management bodies are responsible for preparing a draft scheme of electoral districts in about 35% of the total number of modern countries in which delimitation is systematically carried out (Grishin, 2018a, p. 164). This model exists in Poland, Lithuania, Mexico, etc. In the Russian Federation, the Central Election Commission also prepares the electoral district map.

Executive bodies can usually perform the function of electoral redistricting in countries where there are no autonomous electoral commissions and the governmental model of electoral management exists (Handley & Grofman, 2008, p. 92). In France, the Ministry of the Interior is responsible for the electoral delimitation. In Cameroon and Zimbabwe, the prepared project to change the boundaries of constituencies must be approved by the executive authority.

Special *redistricting commissions* are becoming more widespread in the modern world as temporary competent bodies entrusted with this func-

tion (Grishin, 2018b, p. 102). In 2002, the Venice Commission of the Council of Europe adopted an important recommendation on the desirability of delimiting electoral districts with the participation of a special commission (Code ..., 2002).

In some countries, *a court* may also be involved in the process of developing a constituencies` scheme. This happens if the legislation provides for the possibility of judicial appeal against the boundaries of electoral districts (USA, UK, Ireland, etc.). The richest experience of such activity exists in the United States - over the years, American courts have made a large number of decisions to appeal against constituency boundaries (Rositer et al, 2018, p. 617). Since this country belongs to the case-law system, some of these court decisions have normative significance and actually act as rules for the subsequent practice of electoral delimitation (especially on the inadmissibility of gerrymandering, differences in constituencies by the number of voters, etc.) (Magleby & Mosesson, 2018, p.152).

In 1997, the Commonwealth of Nations countries adopted a Code of Recommended Rules for the Conduct of Elections, in accordance with which it was recommended in these countries to carry out the process of redistricting either by an election commission or by a special independent redistricting body (Morozova, 2015, p. 64).

The degree of centralization of redistricting process can be determined in different ways (Grishin & Linders, 2020, p. 104). In most countries, this issue falls within the purview of the central government. In India, the central government determines not only the boundaries of constituencies for federal elections, but also several thousand constituencies for elections of deputies to regional representative bodies. As a result, the delimitation process is extremely laborious and takes several years.

In the United States, on the contrary, the delimitation process is completely decentralized: the federal parliament only distributes 435 seats of the House of Representatives between states, and after that each state independently and in different ways establishes the scheme of electoral districts. The United States is the only country in the world in which the electoral delimitation for the federal elections is fully within the competence of constituent entities, and not the federal center.

REQUIREMENTS FOR THE REDISTRICTING

In modern political science and practice, basic and generally accepted standards for electoral delimitation have been formulated (Grishin, 2019, p. 34), which should be met by democratic procedures for developing and deciding on the division of electoral districts:

- 1) The frequency of revision of the boundaries of electoral districts;
- 2) Political impartiality;
- 3) Availability of clear rules for delimitation;
- 4) Participation of the highest authorities in the delimitation process;
- 5) Transparency and publicity;
- 6) Effective feedback from the public when discussing the draft scheme of electoral districts;
- 7) Reasonable cost of the delimitation process.

The process of electoral delimitation takes into account the following principles:

Equality of constituencies in number of voters. This principle is currently universally recognized and fundamental in the process of delimitation of electoral districts. Voters should have equal representation in parliament; therefore, ideally, each of the MPs should represent an equal number of voters.

Representativeness. Resilient communities must be represented in parliament. To achieve this, constituency boundaries should coincide with the boundaries of communities as far as possible. The implementation of this principle leads to the fact that constituencies can vary significantly in terms of social composition.

Respect for natural and administrative boundaries. Electoral districts should be determined taking into account administrative boundaries, geographic characteristics, and particular groups of the electorate. In most countries, it is legally established that when dividing electoral districts, it is necessary to take into account geographical conditions - both natural boundaries (large rivers, mountain ranges, etc.) and the boundaries of administrative-territorial entities.

Non-discrimination. The delimitation process must be free from manipulation to discriminate against voters based on race, color, language, religion, etc.

The compactness of the territory of the constituency. Many countries have established requirements for the form of the territory of an electoral district: the territory must be compact and continuous; its parts must be interconnected. Such a demand is directed against gerrymandering (Magleby & Mosesson, 2018, p. 103), against the manipulation of constituency boundaries in order to artificially create constituencies with a predominance of certain population groups.

Political impartiality. Constituency boundaries should not be established in the interests of certain political parties (candidates) at the expense of discriminating against others. Party “neutrality” presupposes the inadmissibility of gerrymandering.

TIMEFRAMES FOR CITIZENS' PARTICIPATION IN THE REDISTRICTING PROCESS

One of the parameters that we have chosen to analyze citizens' participation in the delimitation of constituencies is the timeframes provided by law and practice. Modern countries use extremely different approaches to setting timeframes for public influence on decision-making in this area. The duration varies from a few days (in Russia) to 4-5 years (in India).

In the process of developing a scheme of electoral districts, there are three main stages:

- 1) Development and publication of the initial plan for the division of electoral districts;
- 2) Discussion (public hearings, holding meetings, receiving feedback and comments);
- 3) Preparation and presentation of the final project.

For the countries of Western democracies, it is typical that much more time is allocated for the public discussion of the draft, the presentation and consideration of comments than for the preparation of the first draft of the scheme of electoral districts.

The timeframes for citizens' participation in constituency delimitation is extremely limited in Russia. The public gets an opportunity to participate in the discussion of the electoral districts scheme only after the corresponding draft is submitted for consideration to the parliament. Formally, the CEC of the Russian Federation must submit a draft scheme of electoral districts no later than 80 days before the expiration of the deadline in which the elections are to be scheduled. Until this moment, the legislation does not provide for any procedures for public discussion of the project, holding public hearings, receiving comments and feedback from society or political parties. The legislation also does not provide that experts (geographers, statisticians, sociologists, etc.) should participate in the preparation of the project. After the draft has been submitted to the State Duma, it can be adopted in an extremely quick manner. For example, during the last delimitation in 2015, the Central Election Commission of the Russian Federation published the draft electoral district scheme on September 2, 2015. Already on September 15, it was submitted as a draft law to the State Duma, without any public discussion with the public and experts. The profile committee of the State Duma has set the deadline for receiving comments and comments until September 21. Already on September 25, 3 weeks after its publication, the law was adopted in the first reading. Thus, in 2015, the timeframes for citizens' participation in decision-making on the delimitation of single-member constituencies was only six calendar days.

In Western countries, a fundamentally different approach is practiced, which consists in establishing a long period of public discussion of the draft delimitation of electoral districts. In the UK, during the last great delimitation of 2011-2013 the total duration of the commission's work was 2.5 years, of which six months were allotted for the preparation of the initial project, and more than one and a half years were spent on procedures providing for the possibility of citizens' participation (tab. 2).

In Ireland, during the 2016-2017 constituency delimitation, the project had a public comment period of three months.

In Canada, the schedule to the delimitation of electoral districts in 2012-2013 included an opportunity for citizens' participation during 10 months.

The extraordinary length of public debate on the draft constituency boundaries in India stems from the fact that the Federal Delimitation Commission is also responsible for determining the constituency boundaries for electing deputies at the state level. In this regard, the entire delimitation process is extremely laborious and requires lengthy approval procedures in each state.

	Duration of the citizens' participation period
Russia	6 days
Ireland	3 months
Australia	3 months
New Zealand	3 months
Canada	10 months
UK	16 months
India	5 years

Table 2. Timeframes for citizens' participation in the preparation and discussion of the draft electoral district scheme in some countries of the world

Reasonable timeframes are a key condition for citizens' participation in the constituency delimitation process.

FORMS OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE REDISTRICTING PROCESS

Applying the typology of S. Arnstein, there is possibility to identify which of the forms of citizens' participation it proposed are practiced in the delimitation of electoral districts in modern countries of the world. Such a form of "real" citizens' participation as *delegated power* exists in Australia in the process of delimiting constituencies. The public is given a key mandate to make initial proposals. Public authorities should prepare the first draft only based on proposals received from citizens. In practice, this means that even responsible officials are forced to formulate their ideas as a proposal "from a private person", so that later the commission will have the right to work with this proposal and, if supported, include it in the document.

However, in most modern countries, the public does not receive "real powers" in the process of delimiting constituencies. Probably the most widespread form of citizens' participation in the delimitation of electoral districts in the modern world is *consultations* in the form of public hearings, and S. Arnstein classified this form in the category of tokenism. The consultations should also include public comments on the draft constituencies' scheme. The format of these "consultations" often guarantees the public many opportunities to influence the authorities and its effectiveness should not be underestimated. Because of studying the practice of public hearings in delimitation processes in the western US states in 2011-2012 P. Miller and B. Grofman concluded that 44% of proposals received from citizens were eventually implemented (Miller & Grofman, 2018, p. 31).

In some cases, the practice of public consultation is characterized by a high level of institutionalization. As an example, there were five stages of electoral delimitation in New Zealand in 2013-2014:

1) Preparation and publication of the initial draft. The Representation Commission held its first meeting on October 16, 2013, and published an initial draft on November 21.

2) Reception of objections from citizens. Objections and comments from citizens were accepted within a month - until December 23, 2013, both in writing and online. The proposed project received 409 formal objections. They were systematized and published on January 14, 2014, for their public consideration and counter-objection.

3) Reception of counter-objections. They were accepted within two weeks - until January 29, 2014. During this period, 164 official counter-objections were received.

4) Conducting public hearings on the project, objections and counter-objections. Public hearings were held from 10 to 19 February 2014.

5) Preparation and publication of the final document. After public discussion of the draft and consideration of comments, the Representation Commission prepared a final electoral district map within a few weeks, which was published on April 17, 2014.

In Australia, the delimitation process also includes consideration of both public comments and objections to comments received. In the work of delimitation commissions in Australia, five stages can be distinguished:

1) Receiving proposals from the public (30 days) and comments on the proposals received (14 days);

2) Preparation the first draft by the commission on the base of proposals and comments received;

3) Receiving comments on the first draft (28 days) and critical comments for comments (14 days);

4) Correction the first draft by the commission and public discussion (30 days);

5) Preparation the final scheme of electoral districts by the commission.

The key circumstance is a mandatory requirement for the authorities not only to accept citizens' proposals, but also to systematize them and give an official response. The existing format of work “forces” the commission to build its work around the proposals received from the public.

In the UK, during the 2011-2013 delimitation, public consultations were reflected in the schedule of commissions as follows:

1) The beginning of the redistricting - March 2011;

2) Consultation on the initial project (12 weeks) - from September 2011 to January 2012;

3) Public hearings - October, November 2011;

4) Consideration of the received proposals - spring 2012;

5) Consultation on the revised draft (8 weeks) - from November 2012 to January 2013;

6) Presentation of the final draft - summer 2013

It should be emphasized that the format of public discussion in well-established democracies goes beyond the notorious “consideration of opinion”: citizens can independently formulate their proposals within the framework of the problem under consideration.

The research by P. Miller and B. Grofman confirmed that in the western US states, responsible authorities are more susceptible to certain types of recommendations and suggestions from the public, in particular, if they

concern not large, but small territorial units (Miller & Grofman, 2018, p. 32).

The “Placation” form proposed by S. Arnstein can be attributed to the practice, widespread at the present stage, of including members of the public in the delimitation commissions, primarily from among the experts. In 2002, the Venice Commission of the Council of Europe recommended the inclusion of a geographer, sociologist and, if necessary, representatives of national minorities in the delimitation commission (Code ..., 2002).

In some countries, the practice of citizens’ participation in the delimitation of constituencies corresponds to such forms as *therapy* or *manipulation*, which are classified by S. Arnstein as nonparticipation. In Russia, the level of public attention to the electoral delimitation is so low that the authorities do not even need to imitate public discussion of these issues. Advocacy work to substantiate the “correctness” of the electoral district scheme chosen by the authorities is the only way to interact with the public.

CONCLUSION

The constituencies’ delimitation belongs to those fields of governance in which the possibilities of citizens’ participation and delegation of powers are objectively limited. Empowering the public with direct decision-making power in the constituency delimitation process seems unlikely: Australia’s example remains rather an exception. However, modern practice has found ways to overcome these difficulties. The key factor that can increase the public impact on the authorities is the length of the timeframes for citizens’ participation procedures. The long public consultation period makes it difficult for the authorities to make decisions without taking into account the proposals of citizens. In addition, it should be noted such a mechanism as the mandatory systematization and publication of proposals received from the public.

Applying the S. Arnstein’s methodology to the study of citizens’ participation in electoral delimitation reveals some of its shortcomings. First of all, the format of modern consultation provides the public with too much influence to be classified only as tokenism.

References

- Altman, M., & McDonald M. (2013). A Half-Century of Virginia Redistricting Battles: Shifting from Rural Malapportionment to Voting Rights to Public Participation. *University of Richmond Law Review*, 47(3), 771–831.
- Altman, M., & McDonald. M. (2011). Technology for Public Participation in Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West*, (pp. 247–272), Lanham: Lexington Books.

- Arnstein, S. R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Planning Association*, 35(4), 216–224. doi: 10.1080/01944366908977225
- Best, R. E., Donahue, S. J., Krasno, J., Magleby, D. B., & McDonald, M. D. (2018). Considering the Prospects for Establishing a Packing Gerrymandering Standard. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17(1), 1–20. doi: 10.1089/elj.2016.0392
- Chen, J., & Cottrell, D. (2016). Evaluating partisan gains from Congressional gerrymandering: Using computer simulations to estimate the effect of gerrymandering in the US House. *Electoral Studies*, 44, 329–340. doi: 10.1016/j.electstud.2016.06.014
- Code of Good Practice in Electoral Matters*. (2002). Venice Commission.
- Cogan, A., & Sharpe, S. (1986). The theory of citizen involvement. In *Planning analysis: The theory of citizen participation*. University of Oregon. Retrieved from <http://pages.uoregon.edu/rgp/PPPM613/class10theory.htm>.
- Donovan, T. (2011). Direct Democracy and Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West*, (pp. 111–136). Lanham: Lexington Books.
- Grishin, N., & Leenders, A.M. (2020). Decentralization of Electoral Governance. *Politeia*, 3, 99-115. doi: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115 (In Russian).
- Grishin, N. (2018). The History of Origin of Electoral Commissions. *Politeia*, 89(2), 156-169. doi: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-156-169 (In Russian).
- Grishin, N. (2018). The Phenomenon of Constituency Boundaries Commissions: Development and Prospects. *Polis. Political. Studies*, (4), 100-114. doi: 10.17976/jpps/2018.04.08 (In Russian).
- Grishin, N. (2019). Development of International Electoral Standards: What's Next? *Political Science*, (1), 33–47. doi: 10.31249/poln/2019.01.02 (In Russian).
- Handley L., & Grofman B. (Eds.). (2008). *Redistricting in comparative perspective*. New York: Oxford University Press.
- Handley, L. (2006). *Delimitation Equity Project Resource Guide*. IFES
- Hunt, C. R. (2018). When does redistricting matter? Changing conditions and their effects on voter turnout. *Electoral Studies*, 54, 128–138. doi: 10.1016/j.electstud.2018.05.007
- Karpov, A.S. (2012). *Forms of public participation in decision-making*. Moscow: RANEPА (In Russian)
- Magleby, D. B., & Mosesson, D. B. (2018). A New Approach for Developing Neutral Redistricting Plans. *Political Analysis*, 26(02), 147–167. doi: 10.1017/pan.2017.37
- Martínez i Coma, F., & Lago, I. (2016). Gerrymandering in comparative perspective. *Party Politics*, 24(2), 99–104. doi: 10.1177/1354068816642806

- Miller, P., & Grofman, B. (2013). Redistricting Commissions in the Western United States. *UC Irvine Law Review*, 3(3), 637–668.
- Miller, P., & Grofman, B. (2018). Public Hearings and Congressional Redistricting: Evidence from the Western United States 2011–2012. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17(1), 21–38. doi: 10.1089/elj.2016.0425
- Morozova, O. S. (2013). Formation of constituencies as a method of electoral targeting. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (1), 106–112. (In Russian)
- Morozova, O. S. (2015). *Electoral Systems Design: The Possibilities of Electoral Engineering*. Ryazan: RSU (In Russian)
- Nagle, J. F. (2019). What Criteria Should Be Used for Redistricting Reform? *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 18(1), 1–15. doi: 10.1089/elj.2018.0514
- Norris, P., Frank, R. W., & Coma, F. M. i (Eds.). (2014). *Advancing Electoral Integrity*. Oxford: Oxford University Press.
- Rossiter, K. M., Wong, D. W. S., & Delamater, P. L. (2018). Congressional Redistricting: Keeping Communities Together? *The Professional Geographer*, 70(4), 609–623. doi: 10.1080/00330124.2018.1443477
- Sauger, N., & Grofman, B. (2016). Partisan bias and redistricting in France. *Electoral Studies*, 44, 388–396. doi: 10.1016/j.electstud.2016.09.007
- Winburn, J., & Wagner, M. (2010). Carving Voters Out: Redistricting's Influence on Political Information, Turnout, and Voting Behavior. *Political Research Quarterly*, 63(2), 373–386. doi: 10.1177/1065912908330728
- Yoshinaka, A., & Murphy, C. (2010). The Paradox of Redistricting: How Partisan Mapmakers Foster Competition but Disrupt Representation. *Political Research Quarterly*, 64(2), 435–447. doi: 10.1177/1065912909355716

Список литературы

- Altman, M., & McDonald M. (2013). A Half-Century of Virginia Redistricting Battles: Shifting from Rural Malapportionment to Voting Rights to Public Participation. *University of Richmond Law Review*, 47(3), 771–831.
- Altman, M. & McDonald. M. (2011). Technology for Public Participation in Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West*, (pp. 247–272), Lanham: Lexington Books.
- Arnstein, S.R. (1969). A Ladder of Citizen Participation. *Journal of the American Planning Association*, 35(4), 216–224. doi: 10.1080/01944366908977225
- Best, R. E., Donahue, S. J., Krasno, J., Magleby, D. B., & McDonald, M. D. (2018). Considering the Prospects for Establishing a Packing Gerrymandering Standard. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17(1), 1–20. doi: 10.1089/elj.2016.0392
- Chen, J., & Cottrell, D. (2016). Evaluating partisan gains from Congressional gerrymandering: Using computer simulations to estimate the effect of gerrymandering

in the US House. *Electoral Studies*, 44, 329–340. doi:
10.1016/j.electstud.2016.06.014.

Code of Good Practice in Electoral Matters. (2002). Venice Commission.

Cogan, A., & Sharpe, S. (1986). The theory of citizen involvement. In *Planning analysis: The theory of citizen participation*. University of Oregon. Retrieved from <http://pages.uoregon.edu/rgp/PPPM613/class10theory.htm>.

Donovan, T. (2011). Direct Democracy and Redistricting. In G. Moncrief (Ed.), *Reapportionment and Redistricting in the West*, (pp. 111–136). Lanham: Lexington Books.

Handley L., & Grofman B. (Eds.). (2008). *Redistricting in comparative perspective*. New York: Oxford University Press.

Handley, L. (2006). *Delimitation Equity Project Resource Guide*. IFES

Hunt, C. R. (2018). When does redistricting matter? Changing conditions and their effects on voter turnout. *Electoral Studies*, 54, 128–138. doi:
10.1016/j.electstud.2018.05.007

Magleby, D. B., & Mosesson, D. B. (2018). A New Approach for Developing Neutral Redistricting Plans. *Political Analysis*, 26(02), 147–167. doi:
10.1017/pan.2017.37

Martínez i Coma, F., & Lago, I. (2016). Gerrymandering in comparative perspective. *Party Politics*, 24(2), 99–104. doi: 10.1177/1354068816642806

Miller, P., & Grofman, B. (2013). Redistricting Commissions in the Western United States. *UC Irvine Law Review*, 3(3), 637–668.

Miller, P., & Grofman, B. (2018). Public Hearings and Congressional Redistricting: Evidence from the Western United States 2011–2012. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17(1), 21–38. doi: 10.1089/elj.2016.0425

Rossiter, K. M., Wong, D. W. S., & Delamater, P. L. (2018). Congressional Redistricting: Keeping Communities Together? *The Professional Geographer*, 70(4), 609–623. doi: 10.1080/00330124.2018.1443477

Sauger, N., & Grofman, B. (2016). Partisan bias and redistricting in France. *Electoral Studies*, 44, 388–396. doi: 10.1016/j.electstud.2016.09.007

Winburn, J., & Wagner, M. (2010). Carving Voters Out: Redistricting's Influence on Political Information, Turnout, and Voting Behavior. *Political Research Quarterly*, 63(2), 373–386. doi: 10.1177/1065912908330728

Yoshinaka, A., & Murphy, C. (2010). The Paradox of Redistricting: How Partisan Mapmakers Foster Competition but Disrupt Representation. *Political Research Quarterly*, 64(2), 435–447. doi: 10.1177/1065912909355716

Гришин, Н. В. & Линдерс, А. М. (2020). Децентрализация системы управления выборами. *Полития*, 98(3), 99-115. doi: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-99-115

- Гришин, Н. В. (2018). История возникновения избирательных комиссий. *Полития*, 89(2), 156-169. doi: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-156-169.
- Гришин, Н. В. (2018). Комиссии по делимитации избирательных округов: становление и перспективы политического института. *Полис. Политические исследования*, (4), 100-114. doi.org/10.17976/jpps/2018.04.08
- Гришин, Н. В. (2019). Развитие международных избирательных стандартов: что дальше? *Политическая наука*, 1, 33–47. doi: 10.31249/poln/ 2019.01.02
- Карпов, А. С. (2012). *Формы общественного участия в принятии решений*. Москва: РАНХиГС.
- Морозова, О. С. (2013). Формирование избирательных округов как метод электро-рального таргетирования. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (1), 106-112.
- Морозова, О. С. (2015). *Проектирование избирательных систем: возможности избирательной инженерии*. Рязань: РГУ.

TECHNOLOGIES FOR THE FORMATION OF A NEW WORLD ORDER DURING THE “INTERREGNUM” PERIOD: ON THE ISSUE OF THE FORMATION OF NEW ELITE ZONES AND TERRITORIES OF DISINTEGRATION (THE CASE OF THE GREATER MEDITERRANEAN)

Arsen V. Gukasov (a), Gennady V. Kosov (b)

(a) Pyatigorsk State University. Russia, Pyatigorsk. E-mail: arsen_gukasov[at]yahoo.com
ORCID 0000-0001-6873-1537

(b) Sevastopol State University. Russia, Sevastopol. E-mail: kossov1[at]yandex.ru
ORCID 0000-0002-1422-895X

Abstract

The authors are developing Z. Bauman's concept of the formation of elite zones as a manifestation of globalization, substantiate the idea that this process is substantiated not only by globalization trends, but also by de-globalization, regionalization, integration, disintegration, transnationalization, etc. as simultaneously occurring processes. These seemingly mutually exclusive processes exist at different levels of the world system, making it currently poorly predictable. The uniqueness of these processes leads to a dysfunctional existence of traditional institutions, gives rise to an inter-regnum situation, which, in turn, exacerbates the struggle of global, regional state and actors outside of sovereignty to create new / retain old elite zones, which entails designing / maintaining the functioning of decay territories. The authors analyze the technologies of reforming the world political system in order to maintain the functioning of new / old elite zones of the world system by creating / expanding / maintaining the functioning of new or already existing disintegration territories. The elitological analysis of this work consists in the development of Z. Bauman's concept of the formation of elite zones in the modern globalizing, dysfunctional world.

Key words

---

dynamics of political processes; regional system; large space; world political system; The Great Mediterranean; world order; "Interregnum"; "Flexibility"; elite zone; territory of decay.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ПЕРИОД «INTERREGNUM»: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ЭЛИТАРНЫХ ЗОН И ТЕРРИТОРИЙ РАСПАДА (КЕЙС БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ)

Гукасов Арсен Вячеславович (а), Косов Геннадий Владимирович (б)

(а) Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия.
E-mail: arsen_gukasov[at]yahoo.com ORCID 0000-0001-6873-1537

(б) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: kossov1[at]yandex.ru ORCID 0000-0002-1422-895X

Аннотация

В статье авторы, развивая концепцию З.Баумана о формировании элитарных зон как проявление глобализации, обосновывают мысль, что этот процесс обоснован не только глобализационными тенденциями, но и деглобализацией, регионализацией, интеграцией, дезинтеграцией, транснационализацией и т.п. как одномоментно протекающими процессами. Эти, казалось бы, взаимно исключаящие процессы, существуют на разных уровнях мировой системы, делая ее в настоящее время слабопрогнозируемой. Одномоментность протекания означенных процессов приводит к дисфункциональному существованию традиционных институтов, порождает ситуацию *interregnum*, что, в свою очередь, обостряет борьбу глобальных, региональных государственных и акторов вне суверенитета на создание новых / удержание старых элитарных зон, что влечет за собой конструирование / поддержание функционирования территорий распада. Авторы анализируют технологии реформирования мировой политической системы с целью поддержания функционирования новых/старых элитарных зон мировой системы за счет создания/расширения/ поддержания функционирования новых или уже существующих территорий распада. Элитологический анализ настоящей работы заключается в развитии концепции З. Баумана о формировании элитарных зон в современном глобализирующемся, дисфункциональном мире.

Ключевые слова

динамика политических процессов; региональная система; большое пространство; мировая политическая система; Большое Средиземноморье; мировой порядок; «*interregnum*»; «flexibility»; элитарная зона; территория распада.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ. ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каждый раз, приступая к анализу динамики политических процессов, происходящих как внутри вполне «устоявшихся» регионов мира, так и в рамках относительно недавно «сконструированных» больших пространств, неизменно возникает вопрос о выборе отправной точки исследования. В попытках изучить ту или иную региональную подсистему исследователи иногда настолько увлекаемся анализом сложных по своей природе и специфике внутрирегиональных связей и отношений, определением внутрирегиональных государственных лидеров, партнеров и сателлитов, выявлением интересов основных внерегиональных стейкхолдеров, что может возникнуть ситуация, при которой из исследовательского поля зрения выпадает глобальный контекст.

Если исходить из того, что различные регионы мира, точно так же как и разнообразные большие пространства, являются территориальными подсистемами современной мировой политической системы, то можно выявить достаточно простую зависимость: глобальный контекст оказывает определяющее воздействие на специфику региональных политических процессов. Что касается самого глобального контекста, то он формируется под влиянием процессов, происходящих в современной системе международных отношений, проблем, существующих в ее рамках, структуры и характера взаимодействий между основными центрами силы, сложившимися в ее пределах.

С большой долей вероятности ни у кого не вызовет сомнения тот факт, что мировая политическая система в настоящий момент претерпевает значительные трансформации. Однако вопросы, связанные с выявлением определяющих трендов глобального развития, становятся предметом оживленных дискуссий, которые зачастую приводят к формированию совершенно полярных взглядов и подходов. Для подтверждения данного тезиса достаточно обратить внимание на то обстоятельство, что среди ведущих специалистов, занимающихся анализом происходящих глобальных трансформаций, отсутствует консенсус относительно понимания сущности, природы и конфигурации современной системы международных отношений. В то же самое время одной из немногих позиций, по которой они сходятся в мнении, является понимание того, что современный мир кардинальным образом изменился, став более сложным и менее предсказуемым. Но при этом он остался разделённым на элитарные зоны, территории национальные / транснациональные, на которых сконцентрировано управление

мировыми политическими, экономическими и социальными процессами.

Характеризуя современность З. Бауман говорит о «нарастающей пространственной сегрегация, отделении и отчуждении» (Бауман, 2004, стр.11). Причем, эта сегрегация, формирование зон распада и концентрация мета-власти (Бек, 2012), как многоуровневый и взаимосвязанный процесс, происходит как в рамках старых, так и новых пространств.

Говоря о формировании элитарных зон, З. Бауман пишет, что «центры, где вырабатываются смыслы и формируются ценности, сегодня экстерриториальны и свободны от местных ограничений - впрочем, это не относится к состоянию самого человека, которого эти идеи и ценности призваны наполнять содержанием» (Бауман, 2004, стр. 11-12). Это, в свою очередь, «усиливает нарушение связей между все более глобализованными, экстерриториальными элитами и остальным населением, «локализация» которого постоянно усиливается» (Бауман, 2004, стр.11-12).

МЕТОДОЛОГИЯ

Актуальность данной проблемы определяет в качестве ее объекта мировой порядок в ситуации «*interregnum*», а в качестве предмета – анализ технологий реформирования мировой политической системы с целью поддержания функционирования новых/старых элитарных зон мировой системы за счет создания/расширения/поддержания функционирования новых или уже существующих территорий распада.

Задача настоящего исследования - выявить основные тенденции, присущие современному этапу развития мировой политической системы, описать технологии формирования нового мирового порядка в период «*interregnum*», на основе кейса Большого Средиземноморья доказать, что выявленные тенденции не только плод теоретических размышлений, но и оформившаяся в конкретном большом пространстве реальность.

В качестве рабочей гипотезы нами выдвигается тезис о том, что стохастичность, непредсказуемость и неопределенность являются признаками «кроличьей норы» современных международных отношений. В этой ситуации за неимением иных институтов процесс управления мировой политической системой осуществляется за счет использования старых, что неизбежно влечет за собой инструменталь-

ный кризис и, как следствие, кризис глобального управления. Появляются технологии по формированию нового мирового порядка.

Такие, как искусственное формирование новых больших пространств, разрушающих старую ткань мирового порядка, делящих мир на новые зоны влияния, выводя, посредством включения в новые большие пространства произвольных территорий, тех или иных государств/регионов из-под влияния традиционных доминантов, является одной из технологий формирования нового мирового порядка, создание новых элитарных зон и территорий распада; формирование на потенциальной территории распада «флибустьерского» государства, которое, по сути, имеет все атрибуты государственности; экономические/финансовые санкции вкупе с монетарной политикой; политизация религии и десекуляризация общества; «экологический империализм».

Адекватное понимание происходящих в мировом пространстве процессов, тем более в ситуации кризиса существующей инструментальной базы современного мирового порядка, невозможно без использования институционального метода исследования. Альтернативные сценарии глобализации («макдонализация», «исламизация», «китаизация») и борьба государственных и негосударственных акторов за создание/поддержание функционирования новых/старых элитарных зон и территорий распада предполагают использование авторским коллективом методы компаративистики.

Среди множества работ, посвященных данной проблематике, выделим, на наш взгляд, наиболее интересные труды З. Баумана (Бауман 2008), Ф. Закарии (Закария, 2009), Г. Киссинджера (Киссинджер, 2017), Р. Купера (Купер, 2010), Д. Муази (Муази, 2010), Р. Хаасса (Хаас, 2019), С. Хантингтона (Хантингтон, 2003), П.А. Цыганкова (Цыганков, 2014).

Элитологический анализ настоящей работы заключается в развитии концепции З. Баумана о формировании элитарных зон в современном глобализирующемся, дисфункциональном мире.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ЧЕРТ

Не умаляя достоинств других выдающихся ученых, именно З. Бауману удалось наиболее точно выявить ряд тенденций, присущих современному этапу развития мировой политической системы, равно как и объяснить причины их возникновения. В качестве одной из та-

ких тенденций выступает ненаправленность перемен, которая, по его мнению, является важнейшей отличительной чертой современности (Бауман, 2011). В результате невероятно трудно дать ответ на вопрос о том, имеется ли у происходящих перемен какое-либо заранее определенное направление.

Если мы попытаемся осмыслить основные процессы, определяющие характер современных международных отношений, то сможем выявить следующую особенность: несмотря на то, что они происходят в один и тот же временной период, одни развиваются параллельно, не пересекаясь друг с другом, другие пересекаются, периодически вступая в определенные виды взаимодействий, а некоторые, по большому счету, носят взаимоисключающий характер. Речь идет о таких процессах, как глобализация, деглобализация и регионализация, интеграция и дезинтеграция, транснационализация и т.д. Как следствие, сегодня достаточно сложно понять, по какому пути движется мировая политическая система, и спрогнозировать, куда в итоге этот путь приведет. Несомненно, это один из немаловажных индикаторов, который служит подтверждением тезиса о ненаправленности перемен как отличительной черты современного этапа мирового политического развития.

Рассуждая о специфических характеристиках современности, З. Бауман использует категорию «*interregnum*» (Бауман, 2011). По его мнению, современный мировой порядок находится в «периоде *interregnum*, состоянии неуверенности, будущее непредвиденно» (Бауман, 2011). *Interregnum* – это состояние, когда «старое уже не работает, а новое еще не родилось. Или родилось, но мы его еще не замечаем, потому что этот новорожденный скульпит так тихо, что мы его не слышим» (Бауман, 2011).

Многие читали «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла и представляли, как вместе с ней падали в кроличью нору. Мы считаем, что по аналогии с кэрролловским сюжетом можно говорить о таких признаках «кроличьей норы» современных международных отношений как стохастичность, непредсказуемость и неопределенность, что, по сути, созвучно с баумановским пониманием *interregnum* (Бауман, 2011). Данная категория очень точно передает суть «переходного периода», наступившего после разрушения биполярной системы международных отношений и продолжающегося по сей день.

Существует множество подходов к пониманию сущности такого явления как мировой порядок. Наиболее часто авторы выстраивают свои концепции мирового порядка вокруг принципов институционализма (Ikenberry, 2011; 2019), структурализма или нормативизма (Bull, 2002).

Так, сторонники первого институционального подхода к пониманию сущности мирового порядка делают акцент на «совокупности правил и институтов, определяющих и управляющих отношениями между акторами мировой политики» (Емузова, 2020, стр. 28).

Нормативизм в понимании мирового порядка опирается на наличие доминирующей (определенной) воли при условии того, что все остальные акторы мирового процесса находятся у него в зависимости, в подчинённости (Bull, 2002).

С точки зрения сторонников структурализма мировой порядок представляет некую иерархию, основанную на степени доступности и обладанием властными ресурсами центров силы. Причем, это может быть не один, а несколько центров с обладанием ресурсами такого уровня, что у них есть те, которые позволяют не только воздействовать, но и доминировать в мировых процессах, определяя правила поведения как государственных акторов, так и акторов вне суверенитета (Mearsheimer, 2018).

Не втягиваясь в полемику о сущности мирового порядка, отметим, что мы будем рассматривать его как свод «правил игры» в глобальном мире, конфигурацию зон влияния традиционных и новых акторов. Причем, эта конфигурация не является линейно-плоской, а объемной и многоуровневой. В ситуации отсутствия возможности для полноценного сотрудничества, как основы выстраивания миропорядка, объемность и многоуровневость формирующемуся новому мировому порядку придает, во-первых, фрагментарная кооперация. Так, например, сотрудничество в сфере борьбы с пандемиями может выступить точкой пересечения международных интересов и явиться своеобразной точкой «сборки» нового мирового порядка. Во-вторых, инверсивность политико-экономических факторов внешней политики современных государств, то есть постепенное вытеснение экономической выгоды от принимаемых внешнеполитических решений политическими «бонусами».

Если мы обратим внимание на основные международные институты, призванные регулировать чрезвычайно сложный комплекс отношений в глобальном масштабе, то сможем обнаружить, что они создавались в рамках биполярной системы и учитывали ее специфику. Данное обстоятельство не могло не привести к тому, что большинство из них устарело и не отвечает современным реалиям. Таким образом, за неимением иных институтов, процесс управления мировой политической системой осуществляется за счет использования старых, что неизбежно влечет за собой инструментальный кризис и, как следствие, кризис глобального управления.

Очевидно, что кардинальные изменения, произошедшие в рамках системы международных отношений, и неразрывно связанная с ними несоизмеримость целей/задач, которые стоят перед государствами, и средств/инструментов, которыми они располагают, не могли не отразиться на их внешнеполитическом поведении. Все это привело к тому, что сегодня государства проявляют максимальную гибкость и стараются не принимать на себя долгосрочные обязательства, поскольку последние могут выступать в качестве ограничений в постоянно меняющемся мире. Для описания подобной стратегии поведения З. Бауман использовал термин «flexibility» (Бауман, 2011).

Важно отметить, что следствием происходящих глобальных трансформаций является то, что в современном мире, с одной стороны, все большую популярность приобретают «гибкие альянсы» или «коалиции ad hoc», поскольку они демонстрируют достаточно высокую степень устойчивости, а с другой – наблюдается кризис большинства «жестких альянсов». Очевидно, сложившаяся ситуация порождает для государств ряд вызовов и угроз, однако, как это зачастую и бывает, она также открывает перед ними определенные возможности.

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА КАК ОТРАЖЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ / УДЕРЖАНИЕ СТАРЫХ ЭЛИТАРНЫХ ЗОН

Исходя из того, что новый мировой порядок находится на стадии формирования, более того, происходит столкновение его нескольких сценариев, уместно рассмотреть технологии формирования нового миропорядка, а затем, в дальнейших работах, механизмы его поддержания.

Рассмотрим ниже технологии переформатирования мировой политической системы с целью поддержания функционирования новых/старых элитарных зон мировой системы за счет создания/расширения/поддержания функционирования новых или уже существующих территорий распада.

Сегодня мы наблюдаем реактуализацию идеи больших пространств, хотя различные аспекты данного концепта в том или ином виде разрабатывались еще в работах классиков геополитики (Ф. Ратцеля, Ф. Наумана, К. Хаусхофера, К. Шмитта, Х. Маккиндера и др.). Возможно, современные большие пространства (Трансатлантическое пространство, Большой Ближний Восток, Большое Средиземноморье и пр.), с одной стороны, является своеобразным «вызовом» традици-

онному географическому делению мира. Они приобретают все большее значение, поскольку в современных условиях перед государствами остро стоит проблема нахождения новых ответов на новые вопросы геополитического, геостратегического и геоэкономического характера. А с другой стороны, можно говорить о том, что формирование больших пространств является технологией формирования и поддержания нового мирового порядка.

Так, искусственное формирование новых больших пространств, разрушающих старую ткань мирового порядка, делящих мир на новые зоны влияния, выводя, посредством включения в новые большие пространства произвольных территорий, тех или иных государств/регионов из-под влияния традиционных доминантов, является одной из технологий формирования нового мирового порядка, созданием новых элитарных зон и территорий распада (Маркелов, & Головин, 2020).

Вторая технология переустройства мира была апробирована на Ближнем Востоке и связана она с формированием в регионе «флибустьерского» государства, которое, по сути, имеет все атрибуты государственности: валюта, налоги, аппарат принуждения, законодательная и судебная система, социально-ориентированный блок. ИГИЛ как раз и явилось результатом технологий международной инженерии по трансформации мироустройства. Представляется, что отработанные на Ближнем Востоке технологии могут быть перенесены в любой регион. К тому же, территория Европы, с ее множеством противоречий, является основным претендентом на продолжение эксперимента по обкатке подобной технологии преобразования мира.

Кроме этого, экономические/финансовые санкции и монетарная политика глобальных и региональных игроков также можно рассматривать в контексте технологий формирования нового мирового порядка. Успешно занижаются разработкой данной идеи такие исследователи как Э.А. Емузова, Н. Ю. Шлюндт (Емузова, 2018; Шлюндт, & Емузова, 2019).

Еще одной технологией формирования нового миропорядка является политизация религии и десекуляризация общества (Косов и др. 2014).

Следующую технологию формирования нового мирового порядка можно условно назвать «экологический империализм». Принимая во внимание позицию А.Кросби, П. Дриссена, мы рассматриваем экоимпериализм как специфическую технологию, используемую элитами «центра» по отношению элит «периферии» для минимизации их конкурентных преимуществ, основанную на трансляции в перифе-

рийные страны зеленых технологий вчерашнего дня. А также ограничение потенциала их развития экологическим дискурсом, использованием международных неправительственных организаций экологической направленности для «блокирования экономической деятельности конкурентов» (Crosby, 1978; Driessen, P. 2003; Косов, 2006).

«ИНТРОВЕРТИЗМ» КАК ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Учитывая характер и динамику современного мирового политического развития, можно пойти еще дальше и попытаться взглянуть на проблему формирования внешнеполитических стратегий современных государств сквозь призму введенных К. Юнгом категорий «интроверсия/экстраверсия». Сегодня поведение многих государственных лидеров, которым всегда были присущи глобальные цели и интересы, можно охарактеризовать как «политический интровертизм», в рамках которого явный приоритет отдается решению задач, лежащих во внутривнутриполитической плоскости, с неизбежным сокращением глобальной компоненты во внешней политике.

В данном контексте наиболее ярким примером будет являться «неоизоляционистская» линия стратегического поведения Д. Трампа, значительно отличающаяся от традиционно глобально ориентированной политики его предшественников. В этом смысле Д. Трамп можно назвать своего рода трендсеттером. Тем не менее, подобные изменения в той или иной степени можно наблюдать в стратегиях внешнеполитического поведения большинства ведущих государств.

В попытках найти ответ на вопрос о том, с чем связаны такие перемены, можно обнаружить достаточно простую и вполне объяснимую логику: на современном этапе происходит ослабление государства как политического института. Этому есть целый ряд причин: от специфики происходящих глобальных трансформаций до повышения роли разнообразных «акторов вне суверенитета». Достаточно упомянуть, что сегодня государства находятся в состоянии перманентного «стресс-теста», поскольку сталкиваются с большим количеством вновь возникающих нетипичных экстерналичных и интерналичных вызовов и угроз, а также вынуждены постоянно реагировать на изменения, происходящие с невероятно высокой скоростью в рамках международно-политической системы. Таким образом, задачи, связанные с обеспечением институциональной устойчивости, приобретают в современных реалиях чрезвычайно важное значение. Особенно ярко это проявилось в период COVID-ассоциированного «политического

локдауна», обнажившего и обострившего целый комплекс проблем и противоречий внутриполитического характера и, как следствие, ускорившего переход к политике «интровертизма».

В этой связи необходимо сделать две оговорки. Во-первых, упомянутый выше «политический карантин» не породил каких-то качественно новых тенденций мирового развития, однако он повлиял на динамику протекания политических процессов в глобальном, региональном и внутригосударственном измерениях. Во-вторых, «политический интровертизм» не нужно воспринимать в каких-либо ультимативных формах. Подобная линия политического поведения ни в коем случае не означает полный отказ от амбиций и устремлений в глобальном масштабе. Тем более речь не идет о каких-либо формах автаркии. Несомненно, государства-лидеры как преследовали, так и будут продолжать преследовать глобальные цели. Как уже было сказано выше, о «политическом интровертизме» можно говорить тогда, когда государства сознательно сокращают глобальную компоненту, уделяя первоочередное внимание внутриполитической повестке. В каком-то смысле данный феномен можно рассматривать сквозь призму горчаковского «сосредоточения».

В любом случае формирующаяся ситуация является достаточно парадоксальной. Несомненно, современный мир становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, в рамках которого особенно остро ощущается проблема, связанная с отсутствием адекватных современным реалиям средств/инструментов управления глобальными процессами.

Казалось бы, оставаясь наиболее влиятельным актором из всего спектра акторов международных отношений, а также осознавая риски, являющиеся следствием хаотичного характера происходящих глобальных трансформаций, именно государства (в первую очередь речь идет о ведущих государствах) в сложившихся условиях должны определить магистральное направление глобального развития и взять на себя ответственность за обеспечение движения мировой политической системы по данному направлению.

Тем не менее, реальность такова, что государства-лидеры, с одной стороны, зачастую не могут найти «область согласия» и «область компромиссов», ввиду разной природы интересов и наличия разночтений в подходах, а с другой – переходят в достаточно опасный с точки зрения долгосрочных последствий режим «саморефлексии», откладывая решение назревших глобальных проблем в долгий ящик. Если в краткосрочной перспективе подобное «сосредоточение» может принести определенные дивиденды, то в отдаленной перспективе от-

сутствие ответов на глобальные вопросы приведет к еще более серьезным последствиям. Причем здесь будет проявляться предельно простая закономерность: чем дольше глобальные проблемы будут оставаться неразрешенными, тем сложнее будет справиться с их последствиями.

В самом начале мы определились с тем, что глобальный контекст оказывает определяющее воздействие на динамику политических процессов, происходящих в территориальных подсистемах мировой политической системы. Как следствие, может возникнуть вполне логичный вопрос о том, какой характер в сложившихся международно-политических условиях будут принимать региональные политические процессы в отдельно взятой территориальной подсистеме. В этой связи можно попытаться проанализировать некоторые особенности протекания политических процессов в Большом Средиземноморье, которое является достаточно сложной по своей структуре и специфике геополитической конструкцией, включающей кардинальным образом отличающиеся друг от друга регионы и государства.

США И ЕВРОСОЮЗ КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ СТЕЙКХОЛДЕРЫ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Очевидно, что международно-политические реалии, сложившиеся под воздействием происходящих глобальных трансформаций, инструментального кризиса на глобальном и региональном уровнях, перехода государств-лидеров к политике «интровертизма», не могли не оказать значительного влияния на Большое Средиземноморье. Необходимо подчеркнуть, что в течение достаточно длительного периода времени наибольшее воздействие на динамику региональных политических процессов оказывали два глобальных стейкхолдера – США и Евросоюз.

В этой связи важно отметить, что линия внешнеполитического поведения, которую Вашингтон имплементирует в рамках данного большого пространства, достаточно органично вписывается в американскую глобальную стратегию. В самом общем виде можно выделить две основные компоненты политики США в Большом Средиземноморье: с одной стороны, речь идет о геополитическом, геостратегическом и геоэкономическом измерениях конструирования американо-европейских отношений, а с другой – об оказании воздействия на ближневосточный политический процесс в соответствии с американскими национальными интересами.

Несомненно, данные компоненты политики Вашингтона являются достаточно обширными, и в их рамках можно выделить целый ряд дополняющих друг друга направлений. Более того, они не являются в самом полном смысле равноценными. Так, поддержание необходимого уровня взаимодействия с европейскими государствами будет продолжать выступать в качестве императива внешней политики США в обозримой перспективе. В свою очередь, если говорить о ближневосточном измерении американской внешнеполитической стратегии, то Вашингтон также будет продолжать оказывать влияние на динамику политических процессов, протекающих в данном регионе, однако степень его вовлеченности будет напрямую зависеть от геополитической привлекательности Ближнего Востока в конкретный временной период.

Несмотря на все вышесказанное, внешнеполитическое поведение США в период президентства Д. Трампа отличается движением в сторону максимальной прагматизации, что вписывается в логику вышеупомянутого «политического интровертизма». Речь идет, например, об отказе от создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, о пересмотре характера отношений внутри Североатлантического альянса, равно как и о тренде сокращения американского присутствия на Ближнем Востоке, начатом еще в период президентства Б. Обамы. Важно отметить, что уменьшение глобальной составляющей во внешней политике США было вызвано целым рядом разнообразных причин, среди которых не последнюю роль сыграла внутри элитная борьба, породившая кризисы внутривнутриполитического характера. В качестве одного из ответов на данные вызовы был взят курс на извлечение максимальных выгод из отношений с внешними партнерами и освобождение от «невыгодных» долгосрочных обязательств. Есть основания полагать, что в будущем ситуация может начать развиваться иначе (особенно в части развития трансатлантических отношений), однако скорость подобных изменений с большой долей вероятности будет значительно меньше, чем декларирует определенная часть американского и европейского истеблишмента.

В отличие от США, Евросоюз «частично» расположен в пределах Большого Средиземноморья. Как следствие, подобное географическое расположение диктует необходимость проведения активной внешней политики в рамках данного большого пространства. В этой связи необходимо сделать оговорку о том, что внешнеполитическое поведение Евросоюза следует рассматривать как на уровне интеграционного объединения в целом, так и на уровне его государств-членов. В свою очередь, когда мы говорим о еэсовской политике в пространстве Сре-

диземноморья, то подразумеваем, что особая роль в ее формировании и имплементации традиционно лежит на Франции, являющейся, наряду с Германией, одним из «локомотивов» евроинтеграции. Соответственно, не вызывает удивления то обстоятельство, что именно Париж выступил с инициативой создания Союза для Средиземноморья в рамках Евро-Средиземноморского партнерства, что подчеркивает важность данного большого пространства как для средиземноморских государств Евросоюза, так и для интеграционного объединения в целом.

Тем не менее, сегодня стало очевидным, что за достаточно длительный период времени ни Евросоюзу в целом, ни его отдельным государствам-членам так и не удалось выработать и реализовать достаточное количество действенных инициатив, которые бы позволили избежать дестабилизации ситуации в государствах Леванта и Магриба. Напротив, действия США и их европейских партнеров по НАТО на ближневосточном направлении привели, с одной стороны, к обострению существующего уже не одно десятилетие «старого» комплекса конфликтов и противоречий, а с другой – к появлению «нового» комплекса проблем, возникших в результате событий, порожденных «арабской весной». Как следствие, это обернулось крайне деструктивными последствиями для Евросоюза: повышением уровня террористической угрозы, миграционным кризисом, а также появлением сгенерированного ими комплекса проблем и противоречий.

Важно отметить, что параллельно начали возникать кризисные ситуации внутри Евросоюза. Речь идет, например, о сложном процессе выхода Великобритании из состава данного интеграционного объединения, о росте евроскептицизма и популизма, о «противостоянии» Вишеградской группы и Брюсселя, в том числе и по вопросам имплементации еэсовской политики в Большом Средиземноморье, равно как и о кризисах внутривнутриполитического характера, произошедших в государствах-членах Евросоюза.

В результате обозначенных выше экстерналильных и интерналильных вызовов и угроз Евросоюз был вынужден перейти к политике «интroversизма», в то время как динамика политических процессов, происходящих в рамках данного большого пространства, предполагает обратную стратегию – активизацию усилий по преодолению «внешних» кризисов для минимизации генерируемых ими негативных последствий. Тем не менее, государства-лидеры Евросоюза выбрали иной приоритет – обеспечение устойчивости европейской интеграции, что неизбежно привело к сокращению глобальной компоненты во внешней политике данного интеграционного объединения и его госу-

дарств-лидеров. В обозримой перспективе изменение внешнеполитического поведения Евросоюза в сторону увеличения глобальной составляющей будет напрямую зависеть от того, насколько успешно и насколько быстро Брюссель сможет преодолеть внутренние и внешние кризисы, а также обрести институциональную устойчивость.

РОССИЯ И КИТАЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЕ СТЕЙКХОЛДЕРЫ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Говоря о глобальных стейкхолдерах, преследующих собственные цели в Большом Средиземноморье, необходимо уделить внимание России и Китаю. Следует подчеркнуть, что после распада СССР Россия на достаточно длительный период времени самоустранилась от полномасштабного участия в политических процессах, происходящих в рамках данного большого пространства, а сфера ее интересов по большей части была ограничена постсоветским Причерноморьем. Однако на современном этапе мы можем наблюдать активизацию российской политики в Большом Средиземноморье. В первую очередь речь идет о ближневосточном направлении в целом и субрегионе Леванта, в частности. Что касается дальнейшего развития европейского направления внешней политики России, то оно значительно осложнено наличием санкционного/контрсанкционного режимов.

В попытке выявить основные внешнеполитические приоритеты Москвы в Большом Средиземноморье, можно прийти к выводу о том, что они заключаются, с одной стороны, в извлечении максимальных дивидендов из отношений с региональными партнерами, а с другой – в минимизации вызовов и угроз, генерируемых рядом государств данного большого пространства. Важно отметить, что российская внешнеполитическая стратегия в Большом Средиземноморье отличается высокой степенью выверенности и избирательности. Принимая во внимание тот факт, что Россией выбран курс на восстановление позиций, соответствующих ее статусу глобальной державы, можно ожидать дальнейшего наращивания российского влияния в рамках данного большого пространства. Тем не менее, нет основания полагать, что в краткосрочной перспективе произойдут какие-либо кардинальные «прорывы».

В данном контексте необходимо учитывать, что в сложившихся международно-политических условиях внешнеполитическая активность любого современного государства осуществляется с учетом всего комплекса вызовов и угроз, существующих как во внешнеполити-

ческим, так и во внутривластном измерении, а также является строго подчиненной интересам внутреннего развития.

В последнее время мы также можем наблюдать активизацию политики Китая в Большом Средиземноморье. Несомненно, данный тренд вполне вписывается в китайскую глобальную стратегию, направленную на укрепление его статуса как международного центра силы. В этой связи необходимо сделать оговорку о том, что усиление влияния Пекина в рамках данного большого пространства следует рассматривать в первую очередь сквозь призму геоэкономики. Очевидно, что при сохранении существующих тенденций развития геоэкономическое измерение будет дополнено геополитическим, однако подобные «трансформации» не произойдут в одночасье. Более того, необходимо учитывать, что, несмотря на поистине глобальные устремления Китая, сегодня его основные усилия направлены на иные регионы и большие пространства.

Как уже было сказано выше, существующие международно-политические реалии, отличительной чертой которых является отсутствие общепринятых «правил игры» и «кодексов поведения», а также переход государств-лидеров к достаточно осторожной и максимально выверенной модели внешнеполитического поведения привели к значительным трансформационным сдвигам в отдельно взятых территориальных подсистемах. С одной стороны, подобные трансформации генерируют новые вызовы и угрозы, но с другой – открывают определенные возможности.

Речь идет о ситуации, когда основные глобальные стейкхолдеры демонстрируют стремление к сохранению статус-кво, а обладающие достаточными возможностями государства «среднего уровня», наоборот, преследуют цели повышения собственного статуса. Все это приобретает еще большую актуальность, когда подобные государства выбирают модель обеспечения институциональной устойчивости и достижения внутривластного консенсуса через активизацию внешнеполитической деятельности. В результате складывается достаточно нетипичная и противоречивая картина, когда уже государства-лидеры вынуждены реагировать на изменения, инициированные государствами «среднего уровня». В этом смысле достаточно показательным является кейс Турции.

ТУРЦИЯ КАК ГОСУДАРСТВО «СРЕДНЕГО УРОВНЯ»: ПОПЫТКИ ФОРМИРОВАНИЯ «ЭЛИТАРНОЙ» ЗОНЫ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Сегодня сложно найти государство «среднего уровня», которое бы проявляло большую активность в Большом Средиземноморье, чем Турция. Также важно отметить, что, несмотря на наличие разночтений в подходах и нестыковки интересов, существующие между Анкарой и основными глобальными стейкхолдерами, Турции удается довольно успешно реализовывать собственные инициативы как в рамках данного большого пространства, так и в неразрывно с ним связанных «прилегающих» регионах, таких как Южный Кавказ.

В частности, речь идет о глубокой вовлеченности Турции в ближневосточный политический процесс и растущем влиянии Анкары в Леванте, Магрибе и Персидском заливе, о сложностях в отношениях с Евросоюзом и том «опосредованном» воздействии, которое она оказывает на динамику политических процессов, происходящих в рамках данного интеграционного объединения, о заметной активизации деятельности на балканском направлении, а также о том влиянии, которое она оказывает на регион Южного Кавказа.

Как следствие, сегодня, например, достаточно сложно представить разрешение основных ближневосточных проблем без участия Анкары, учитывая, помимо прочего, роль Турции в рамках сирийского конфликта, степень ее вовлеченности в политические процессы, происходящие в Ливии, а также наличие турецко-катарского альянса. Важно отметить, что активизация деятельности Турции происходила в условиях, когда США и Евросоюз начали сокращать ближневосточную компоненту в своих внешнеполитических стратегиях, а Россия еще не успела полноценно «вернуться» на Ближний Восток.

Подобное можно сказать о европейском миграционном кризисе и связанном с ним повышении уровня террористической угрозы. На современном этапе трудно представить разрешение данных проблем без участия Турции. В свою очередь, Анкара использует миграционный кризис для оказания давления на Брюссель с целью извлечения политико-экономических дивидендов. Очевидно, что данное обстоятельство, вкупе с другими действиями турецкого руководства, не могло не привести к ухудшению отношений между Евросоюзом и Турцией. Опять же, подобная линия внешней политики была избрана Турцией в тот период, когда Евросоюз охватил беспрецедентный по масштабам кризис.

Наиболее ярким примером, характеризующим внешнеполитическое поведение Турции, является ее «противостояние» с Грецией в Восточном Средиземноморье. Не вдаваясь в подробности данного конфликта и посмотрев на ситуацию шире, можно обнаружить, что подобная линия внешнеполитического поведения государства-члена НАТО сильно бьет по репутации Североатлантического альянса как сообщества безопасности, члены которого сознательно отказываются от использования силовых методов разрешения конфликтных ситуаций. Несмотря на достаточно сдержанную позицию США, Вашингтон будет вынужден вмешаться в ситуацию, если будут пересечены «красные черты». В этой связи необходимо учитывать, что для США Североатлантический альянс продолжает оставаться важнейшим военно-политическим блоком, а Евро-Атлантика не потеряла своего геостратегического значения еще со времен Н. Спайкмена. Более того, в США к власти пришла новая политическая элита, более приверженная трансатлантическому сотрудничеству.

Наконец, нельзя забывать о турецком воздействии на динамику армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха. В данном случае действия Анкары привели к разморозке данного конфликта и изменению формата его урегулирования. Очевидно, что в подобном сценарии развития событий не были заинтересованы сопредседатели Минской группы ОБСЕ – Россия, США и Франция, которые настаивали на невозможности разрешения существующих противоречий силовым путем. Как следствие, совместные действия Турции и Азербайджана вынудили Россию вмешаться в конфликт, выступить в качестве гаранта соблюдения режима прекращения огня и взять на себя ряд обязательств. В связи с этим можно предположить, что дальнейшая активизация деятельности Анкары в постсоветском Причерноморье, которое является традиционной зоной интересов Москвы, неминуемо вынудит Россию предпринять ответные шаги.

Таким образом, мы видим, что Турции удастся последовательно реализовывать собственную стратегию в Большом Средиземноморье, хотя ее устремления по многим позициям противоречат интересам государств-лидеров. Очевидно, что данная стратегия является долгосрочной, а в качестве главной цели выбрано повышение собственного статуса в соответствии с амбициями нынешнего турецкого руководства. Тем не менее, полномасштабная имплементация подобной стратегии стала возможной в условиях, когда государства-лидеры перешли к реализации осторожной и максимально выверенной модели внешнеполитического поведения. В итоге это привело к тому, что на современном этапе Турция начала оказывать значительное воздей-

ствие на динамику процессов, происходящих в Большом Средиземноморье. Как следствие, глобальные стейкхолдеры были вынуждены «смириться» с вновь обретенным статусом Анкары.

ВЫВОДЫ

Важно отметить, что само по себе увеличение числа государств, оказывающих воздействие на региональные политические процессы, не несет в себе какого-то деструктивного потенциала. Напротив, отсутствие баланса сил в рамках определенного региона может обернуться крайне негативными последствиями. Таким образом, в существующих реалиях увеличение количества акторов, преследующих собственные «несогласованные» интересы в определенном регионе, может привести к нарушению статус-кво и разрушению и без того «хрупкой» региональной стабильности.

В этом контексте возникает вполне естественный вопрос о том, могут ли возникнуть условия, при которых глобальная держава расценит активность другого государства-лидера или государства «среднего уровня» как угрозу собственным интересам и перейдет к ответным действиям. Теоретически такая ситуация может возникнуть в рамках любой территориальной подсистемы. Если какое-либо государство начнет проводить слишком активную внешнеполитическую деятельность в зоне жизненно важных интересов другого, то это может привести к возникновению конфликтных ситуаций и обернуться катастрофическими последствиями для региона.

В этом случае все будет зависеть от того, были нарушены пределы «допустимого» или нет. Однако в постоянно меняющемся мире, в котором отсутствуют общепринятые «правила игры» и «кодексы поведения», происходит деградация системы договоренностей в сфере стратегической безопасности, не создаются адекватные современным реалиям средства/инструменты управления глобальными процессами, а динамика мировых политических процессов носит хаотичный характер, очень сложно определить, где пролегают те самые «красные линии».

Как следствие, в эпоху «глобального беспорядка» невероятно важно, чтобы в первую очередь государства-лидеры, создатели элитарных зон нашли «область согласия» и «область компромиссов», выработали основные направления глобального и регионального развития и не откладывали решение назревших мировых и региональных проблем в долгий ящик. Представляется, что, учитывая современные

тенденции развития мировой политической системы, это, скорее, из области желаемого, чем реального.

Список литературы

- Bull, H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Basingstoke: Palgrave.
- Crosby, A. W. (1978). Ecological Imperialism: The Overseas Migration of Western Europeans as Biological Phenomenon. *The Texas Quarterly*, (21).
- Driessen, P. (2003). *Eco-Imperialism: Green Power, Black Death*. Bellevue: Free Enterprise Press.
- Ikenberry, G. J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Ikenberry, G. J. (2019). *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press.
- Mearsheimer, J. J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
- Бауман, З. (2004). *Глобализация: Последствия для человека и общества*. Москва: Весь мир.
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт Петербург: Питер.
- Бауман, З. (2011). *Текущая модернность: взгляд из 2011 года*. Получено из: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman>
- Бек, У. (2012). Жизнь в мировом обществе риска: космополитический поворот. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, (5). Получено из: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-v-mirovom-obschestve-riska-kosmopoliticheskiy-povorot>
- Емузова, Э. А. (2018). *Монетарные отношения как политический инструмент формирования мирового порядка*. Москва: Миракль.
- Емузова, Э. А. (2020). *Монетарные отношения как политический инструмент формирования мирового порядка*. Дисс. доктора полит.н. Пятигорск.
- Закария, Ф. (2009). *Постамериканский мир будущего*. Москва: Европа.
- Киссинджер, Г. (2017). *Мировой порядок*. Москва: АСТ.
- Косов, Г.В., Харламова, Ю.А., & Нефедов, С.А. (2006). *Экополитология: политология в контексте экологических проблем*. Москва: А-Приор.
- Косов, Г. В., Панин, В. Н., Станкевич, Г. В., Волочаева, О. Ф., Горбунова, М. А., Гусев, Г. Г., Потапов, В. А., & Ширяев, В. А. (2014). *Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция*. Москва: Миракль.
- Купер, Р. (2010). *Раздор между народами: порядок и хаос в XXI веке*. Москва: Московская школа политических исследований.

- Маркелов, К. А., & Головин, В. Г. (2020) Большой Каспий в системе природно-геополитических координат. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (2), 30-38.
- Муази, Д. (2010). *Геополитика эмоций: как культуры страха, унижения и надежды преобразуют мир*. Москва: Московская школа политических исследований.
- Хаас, Р. (2019). *Мировой беспорядок*. Москва: АСТ.
- Хантингтон, С. (2003). *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ.
- Цыганков, П. А. (2014). *Политическая динамика современного мира: теория и практика*. Москва: МГУ.
- Шлюндт, Н. Ю., & Емужева, Э. А. (2019). Финансовые санкции как инструмент международного влияния: тенденции развития и пути повышения политической эффективности. *Современная наука и инновации*, (4), 232-239.

References

- Bauman, Z. (2004). *Globalization: Consequences for Man and Society*. Moscow: Vesmir (In Russian).
- Bauman, Z. (2008). *Fluid modernity*. Saint Peterburg: Peter. (In Russian).
- Bauman, Z. (2011). *Fluid modernity: a view from 2011*. Retrieved from: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (In Russian).
- Beck, W. (2012). Living in a global risk society: a cosmopolitan turn. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political sciences*, (5). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-v-mirovom-obschestve-riska-kosmopoliticheskiy-povorot> (In Russian).
- Bull, H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Basingstoke: Palgrave.
- Cooper, R. (2010). *Strife among nations: order and chaos in the 21st century*. Moscow: Moscow School of Political Research. (In Russian).
- Crosby, A. W. (1978). Ecological Imperialism: The Overseas Migration of Western Europeans as Biological Phenomenon. *The Texas Quarterly*, 21.
- Driessen, P. (2003). *Eco-Imperialism: Green Power, Black Death*. Bellevue: Free Enterprise Press.
- Emuzova, E. A. (2018). *Monetary relations as a political tool for the formation of the world order*. Moscow: Mirakl. (In Russian).
- Emuzova, E. A. (2020). *Monetary relations as a political tool for the formation of the world order. Diss. Doctor of Political Science*. Pyatigorsk. (In Russian).
- Haas, R. (2019). *World Disorder*. Moscow: AST. (In Russian).
- Huntington, S. (2003). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russian).

- Ikenberry, G. J. (2011). *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Ikenberry, G. J. (2019). *After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press.
- Kissinger, G. (2017). *World Order*. Moscow: AST. (In Russian).
- Kosov, G.V. et al. (2014). *Politicization of the religious factor in the context of regional security: a North Caucasian projection*. Moscow: Mirakl. (In Russian).
- Kosov, G. V., Kharlamova, Yu. A., & Nefedov S. A. (2006). *Ecopolitology: Political Science in the Context of Environmental Problems*. Moscow: A-Prior. (In Russian).
- Markelov, K. A., & Golovin, V. G. (2020). The Big Caspian in the system of natural and geopolitical coordinates. *Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences*, (2), 30-38. (In Russian).
- Mearsheimer, J. J. (2018). *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
- Muazi, D. (2010). *The Geopolitics of Emotion: How Cultures of Fear, Humiliation, and Hope Transform the World*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russian).
- Schlundt, N. Yu., & Emuzova, E. A. (2019). Financial sanctions as a tool of international influence: development trends and ways to increase political efficiency. *Modern Science and Innovations*, (4), 232-239. (In Russian).
- Tsygankov, P. A. (2014). *Political dynamics of the modern world: theory and practice*. Moscow: MGU. (In Russian).
- Zakaria, F. (2009). *The Post-American World of the Future*. Moscow: Europe (In Russian).

ETHNO-NATIONAL VICTIMIZATION OF UKRAINIAN SOCIETY IN THE DISCOURSE OF THE SCIENTIFIC ELITE OF UKRAINE: TRENDS AND CONTENT¹

Daria V. Makovskaya (a), Lyudmila N. Garas (b)

(a) Sevastopol State University. Russia, Sevastopol.
E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORCID 0000-0003-0935-2558

(b) Sevastopol State University. Russia, Sevastopol.
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Abstract

The authors substantiate the thesis about the presence in the scientific discourse of Ukrainian researchers of ethno-national victimization of the population of Ukraine, which is based on the idea of imposing destructive scientific ideas by Russia to consolidate the Ukrainian society. The transformation and expansion of the main victimizing narratives present in the Ukrainian information field is revealed. It has been established that the main pattern of victimizing rhetoric of a part of the Ukrainian scientific community is the struggle of Ukraine against the “hybrid war” unleashed against it by the “Russian regime”, which is declared a key factor in the consolidation of Ukrainian society. In addition, the scientific discourse contains the idea of Ukrainianness in its ethnic refraction as the only way to preserve Ukrainian statehood in the face of an external threat, which contradicts the proclaimed thesis of the formation of a political rather than an ethnic nation. At the same time, the use of victimizing constructs for the formation of the concept of a mono-ethnic state is traced, and the multi-ethnic nature of Ukraine is considered as a product of Russian propaganda, introduced for the disintegration of the Ukrainian state.

Key words

hybrid war; consolidation; ethno-national victimization of the population of Ukraine; construct; multi-ethnicity; mono-ethnicity; Ukrainian society; scientific elite; discourse.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ The research was carried out with the financial support of the RFBR and ANO EISI within the framework of the scientific project No. 20-011-31790 "Conceptualization of the model of ethnonational victimization of the population of Ukraine on the example of the Kherson region, taking into account the all-Ukrainian and regional contexts of constructing the image of a victim."

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА В ДИСКУРСЕ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ УКРАИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ И СОДЕРЖАНИЕ²

Маковская Дарья Владимировна (а), Гарас Людмила Николаевна (б)

(а) Севастопольский государственный университет. Россия, Севастополь.
E-mail: 76mdvl[at]mail.ru ORCID 0000-0003-0935-2558

(б) Севастопольский государственный университет. Россия, Севастополь.
E-mail: garas_ln[at]mail.ru ORCID 0000-0002-0391-652X

Аннотация

В статье авторы обосновывают тезис о присутствии в научном дискурсе украинских исследователей этнонациональной виктимизации населения Украины, в основе которого лежит идея о навязывании Россией деструктивных для консолидации украинского общества научных идей. Выявлена трансформация и расширение присутствующих в украинском информационном поле основных виктимизирующих нарративов. Установлено, что основным паттерном виктимизирующей риторики части украинского научного сообщества является борьба Украины против развязанной против нее со стороны «российского режима гибридной войны», который объявляется ключевым фактором консолидации украинского общества. Кроме того, в научном дискурсе присутствует идея о об украинскости в ее этническом преломлении как о единственном способе сохранения украинской государственности перед внешней угрозой, что противоречит провозглашаемому тезису формирования политической, а не этнической нации. При этом прослеживается использование виктимизирующих конструктов для формирования концепта моноэтнического государства, а полиэтнический характер Украины, рассматривается как продукт российской пропаганды, внедряемый для дезинтеграции украинского государства.

Ключевые слова

гибридная война; консолидация; этнонациональная виктимизация населения Украины; конструкт; полиэтничность; моноэтничность; украинское общество; научная элита; дискурс.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31790 «Концептуализация модели этнонациональной виктимизации населения Украины на примере Херсонской области с учетом общеукраинских и региональных контекстов конструирования образа жертвы».

ВВЕДЕНИЕ. ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одной из доминирующей основ формирования общеукраинской идентичности является этнонациональная виктимизация населения Украины. Виктимизирующие конструкты продуцируются в качестве официальной политики конструирования идентичности на уровне государственной власти Украины, а также со стороны заинтересованных внешних акторов. Как утверждают авторы монографии «Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл», «вооруженная агрессия России стала долгосрочным фактором деструктивных воздействий на украинскую политическую, экономическую и социальную реальность. Чем дольше война продолжается, то ощутимыми становятся ее последствия, и не только для Украины, но и для международного мироустройства, всей системы международной безопасности. В то же время продолжительность этой войны доказывает нашу способность к сопротивлению агрессору. Вопросы войны и мира сегодня являются наиболее значимым для Украинского государства - от его решения зависит ее существование и будущее как независимой страны» (Парахонський & Яворська, 2019, стр. 7).

Общегосударственная повестка этнонациональной виктимизации³ трансформируется на уровне разнообразных по своим характеристикам и форматам множественной идентичности, имеющей региональную специфику, затрагивает сферу исторической памяти и приобретает характер социально-политических мифов.

Технологии виктимизации реализуются через тотальный информационный прессинг, что приводит к формированию конфликтной консолидации и мобилизации граждан Украины, направляет их вступать в «борьбу» с идентифицированным врагом. В качестве «врага» преподносится Российская Федерация, политика которой подается на официальном уровне и в информационном пространстве через призму нанесения «вреда» украинской государственности и украинскому народу как в исторической ретроспективе, так и в реализации современной внешней политики.

Таким образом, актуальность данного исследования определяется тем, что одной из доминирующих основ формирования общеукраинской идентичности является этнонациональная виктимизация населения Украины, приводящая к формированию образа России в качестве

---

³ **Виктимизация** (лат. *victima*— жертва) — процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства лица или группы лиц. **Виктимизацию** изучают в рамках виктимологии, криминологии и других смежных дисциплин.

исторического врага, развязавшего против Украины гибридную войну, что очевидно препятствует нормализации российско-украинских отношений.

Задача настоящего исследования лежит в выявлении роли научной элиты Украины в формировании и обосновании антироссийских виктимизирующих дискурсов, определении их ключевого содержания.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается тезис о конструировании в украинском научном дискурсе украинской идентичности и консолидации украинского общества на основе сопротивления агрессии со стороны Российской Федерации, имеющих попыткам обоснования консолидации украинского общества на этническом, а не политическом основании.

Элитологический аспект данной работы заключается в том, что виктимизирующие смыслы присутствуют и в риторике научной элиты Украины, которая фактически принимает участие в управлении государством через экспертное, аналитическое, консалтинговое участие в выработке значимых решений, в обосновании или опровержении социально-значимых идей и мнений. При этом представители научной элиты могут либо, обслуживая интересы политических элит и контрэлит, формировать или обосновывать политически ангажированные смыслы, либо продуцировать реальное научное знание.

МЕТОДОЛОГИЯ

Говоря о виктимизации населения Украины, мы сталкиваемся с необходимостью обоснования возможности конструирования комплекса жертвы на основании этнонациональной принадлежности, что невозможно без понимания феномена виктимности.

Анализируя существующие варианты смыслового наполнения термина «виктимность» в преломлении на заявленную тематику, можно с определенной долей допущения разделить их на две группы. К первой относятся определения, где в основу понимания виктимности заложена способность личности становиться жертвой преступления.

Ко второй группе можно отнести определения, где виктимность определяется через проявления у жертвы направленного вовне девиантного поведения.

Помимо индивидуальной виктимности, существует групповая виктимность, где ее проявления будут свойственны отдельным кате-

гориям людей, выделяемым по различным качествам и свойствам, в том числе по этнонациональной принадлежности.

Можно выделить следующие варианты проявления виктимологических аспектов этничности.

Во-первых, они выступают в качестве характеристики социальной среды жизнедеятельности этнических субъектов, способствующей формированию у них комплекса жертвы. Кроме того, виктимологический аспект может проявляться в контексте уязвимости этнических субъектов (на индивидуальном и групповом уровнях) по отношению к совершаемым в отношении них на основании деликтов, проявлениям неприязни по этническому признаку.

Во-вторых, можно рассматривать этническую идентичность в качестве маркера социальной группы, демонстрирующей виктимное поведение по отношению к реальному или сконструированному врагу, проявляясь через реализацию комплекса жертвы.

Наиболее операциональным для нашего исследования является определение комплекса жертвы, предложенное в работе Е.Н. Велешко: «Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымско-татарских репатриантов» (Велешко, 2007). На его основе применительно к этническим общностям мы будем рассматривать комплекс жертвы как совокупность реализующихся в социальных проявлениях психологических реакций, которые возникают вследствие влияния травмирующих исторических контекстов и общественно-политических условий развития социальных, в том числе этнонациональных, общностей, а также представлений о них, и формируют у них поведение жертвы как на индивидуальном, так и на коллективном уровне.

Присутствие комплекса жертвы приводит к негативной, конфликтной консолидации и мобилизации этнической общности, которая реализуется через культивируемую борьбу с идентифицированным врагом. В роли условного «врага» выступает контактирующий этнос, государство, внешние субъекты. Они могут рассматриваться в коллективном сознании этнической общности как совершившие преступление по отношению к демонстрирующему виктимное поведение этническому субъекту.

Для поведения жертвы характерна агрессия по отношению к окружающему миру и идентифицированному преступнику, которого она стремится наказать. Вину за присутствующие у жертвы проблемы в различных сферах жизни она возлагает на внешнее воздействие и стремится получить компенсацию за причиненный явный или воображаемый ущерб. Соответственно, в данном случае поведение этниче-

ской общности будет носить агрессивные компенсаторные черты (Велешко, 2007) и может быть связаны с требованием сатисфакции, или возмещения причиненного ущерба.

При этом, рассматривая феномен виктимности вне поиска его онтогенетических оснований и основываясь на методологии социально-конструктивизма, мы можем говорить о виктимности, как социальном феномене и качестве социальной реальности, выступающем как «характеристика определенного общественного состояния» (Аникин 2017, стр. 152). Соответственно, виктимность как свойство общества-жертвы может конструироваться через внедрение различных деструктивных версий восприятия прошлого и мифологизацию социально-политической действительности. Значительную роль в этом играют представители научной элиты, которая фактически принимает участие в управлении государством через экспертное, аналитическое, консалтинговое участие в выработке значимых решений, в обосновании или опровержении социально-значимых идей и мнений. При этом научная элита может либо, обслуживая интересы политических элит и контрэлит, формировать или обосновывать политически ангажированные смыслы, либо продуцировать реальное научное знание.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И РАСШИРЕНИЕ ВИКТИМИЗИРУЮЩИХ НАРРАТИВОВ

Основным паттерном риторики украинской государственной власти в отношении России является защита Украины от развязанной против нее со стороны «российского режима гибридной войны», которая, по мнению украинских исследователей, имеет «признаки войны за идентичность» (Парахонський & Яворська, 2019, стр. 251). Анализируя содержательное наполнение присутствующих в украинском информационном поле основных виктимизирующих нарративов, которые в постсоветский период активно использовались для геополитического дистанцирования от Российской Федерации и реализации идей виктимного национализма, можно констатировать их трансформацию, а также появление новых, соответствующих текущей социально-политической повестке дня.

В частности, одним из них является нарратив о голодоморе, который оценивается как триггер и рассматривается в украинской политике памяти «как массовое убийство, умышленное убийство голодом, которое было спланировано и осуществлено высшим советским руководством в отношении украинских крестьян» (Гриневич, 2012). После политики инструментализации нарратива о голодоморе для выстраи-

вания национальной памяти Украины, которое наиболее ярко присутствовало при президенте Ющенко в 2005–2009 гг. (Пробелы и совпадения: исследование нарративов..., 2020, стр. 13-15), коннотация нарратива сменилась с «жертвенной» на «героическую». С 2014 года в акции в День памяти жертв голодомора проходят под лозунгом «Голодом убивали нашу свободу. Непокоренные в 33-м - непобедимы сегодня!» (BBC, 2014).

Интонация памяти по голодоморе сместилась со скорби о погибших на «фигуру выжившего и стратегии выживания – солидарность и коллективную ответственность» (Пробелы и совпадения: исследование нарративов...2020, стр. 13), эмоционально коррелируя с событиями на Майдане. Майдан позиционируется как сакральный момент объединения и героизации украинского народа, как момент победы над страхом, топосом освобождения от парализующей власти страха постгеноцидной нации – быть наказанным ни за что и казненным самым страшным способом» (Потапенко, 2015, стр.12), преодоление животного «выжить любой ценой» к «не бойтесь, мы бессмертные» (Потапенко Я. 2015, стр.12). При этом, в отчете «Украинцы об истории, культуре и польско-украинские отношения», подготовленном Институтом политических исследований Польской академии наук по результатам опроса, проведенного среди жителей Украины, 42 % опрошенных признавали, что Евромайдан принес Украине больше убытков, чем пользы, противоположного мнения придерживаются 22 % опрошенных (Stryjek, Konieczna-Salamatin & Zacharuk, 2020).

И если голодомор, как тяжелая травма украинского общества, и все нарративы об истории Украины как о постоянной борьбе за собственную государственность, стали основанием для создания украинской национальной идентичности (Пробелы и совпадения: исследование нарративов..., 2020, стр. 13-15), так теперь в совокупности с новым нарративом о Майдане и о сопротивлении гибридной агрессии России они становятся фактором, консолидирующим украинское общество. Продуцирование и обоснование новых смыслов виктимизации украинского общества, призванного довести до логического завершения формирование украинской нации прослеживается в работах украинских исследователей, которые как продуцируют новое содержание для виктимного национализма, так и углубляют старое. Готовность украинского общества противостоять внешним угрозам, в первую очередь со стороны России, позиционируется как основной объединяющий маркер для современной украинской нации.

Виктимизирующий конструкт о гибридной войне России против Украины фактически становится новым триггером консолидации

украинского общества. В частности, в украинском научном дискурсе продуцируется идея о том, что активизация сепаратистских тенденций в Украине стала результатом длительной практики вмешательства России в этнополитическую сферу и упрощённой процедуры предоставления российского гражданства гражданам Украины, финансовой, организационной и информационной поддержке российского меньшинства с целью дезинтеграции украинского общества (Красівський & Підбережник, 2019, стр. 41).

«Гибридной войне России против Украины» выделяется первое место среди негативных факторов этнополитического характера, составляющих угрозу национальной безопасности Украины. В частности, по мнению украинских исследователей, информационные, пропагандистские и силовые составляющие гибридной войны России привели к обострению межнациональных отношений в Украине, что привело к этнополитической нестабильности в Крыму и ее усилению через блокировку евроинтеграционных устремлений украинского государства, спровоцировало выход Крыма из состава Украины (Красівський & Підбережник, 2019, стр. 41).

При этом отдельным авторами констатируется сохранение на данный момент этнополитической дезинтеграции Украины, обусловленной низким уровнем правового регулирования статуса национальных меньшинств (Кресіна, 2019, стр. 206).

Тематика консолидации украинского нации является одной из наиболее дискуссионных и активно исследуемых научных элитой Украины с разных точек зрения. На протяжении всей новейшей истории независимости Украины вокруг нее велись оживленные научные дискуссии, в которых озвучивался тезис о разделенности Украины, которая в значительной степени определяла особенности развития украинской государственности.

Первая дихотомия, присутствующая в научном дискурсе, это существование «двух Украин», что признавалось как украинскими политиками, так и представителями научного сообщества. Согласно ей, Украина делится на «Запад» и «Восток» как на две цивилизационные составляющих украинского государства (Портнов 2010, стр. 105), где первая нацелена на европейскость и прогресс, а вторая – на сближение с Россией, реакционность через ностальгию по советскому прошлому. Сам концепт «двух Украин» давал основания для продуцирования образа «негативного другого» и сводил цель консолидации к конструированию образа «другого» из русских граждан Украины, порождая предмет для манипуляций и основания для дискриминационных практик.

Тем не менее, он по-прежнему достаточно широко распространен, сохраняет свое звучание и расширяет содержательное наполнение. В частности, по мнению М. Степико, социологические опросы фиксируют раздвоение части украинцев между Европой и «Русским миром» (Степико, 2019, стр. 262), и для консолидации украинского общества необходимо объединить «две Украины» (власть и народ), преодолеть состояние «расколотого общества» (Восток-Запад), утвердить европейские ценности (Степико, 2019, стр. 102-103).

По мнению С. Рымаренко, на одной территории в настоящее время сосуществуют две страны. Украина постсоветская, где имеются коррупция, воровство на всех уровнях и голосования за деньги, и Украина новая, успешно воюет, собирает деньги на армию и пытается запустить новые бизнес проекты (Рымаренко, 2017, стр. 286).

По мнению украинских исследователей, обязательным для Украины является завершение процесса отторжения российской идентичности через культурную и ценностную украинизацию, которая является безальтернативной, поскольку «то, что не будет украинизовано, обязательно будет русифицировано и потеряно Украиной» (Лосев, 2019, стр. 23).

Таким образом, в дискурсе украинского научного сообщества закрепляется идея о том, что путь консолидации Украины так или иначе лежат через преодоление указанных противоречий, но не через поиск компромиссов, а через наращивание антирусскости, в том числе через конструирование виктимизирующих смыслов. Как правило, они содержат обвинения России в военно-политической агрессии, аннексии Крыма и оккупации Донецка и Луганска. Более того, сам тезис о «двух Украинах» объявляется навязанным со стороны Российской Федерации для того, чтобы «провести через Украину демаркационную линию, посеять в нашей стране раздор, недоверие и вражду», добиться эскалации общественно-политического недоверия и подорвать украинскую государственность (Рафальський, 2018, стр. 9).

Безусловно, сам концепт «Двух Украин» представляется достаточно упрощенным, поскольку не учитывает всей мозаичности этого государства, наличия в украинском обществе множества линий разлома, противоречий между украинской гражданской и этнической идентичностью, между национальной и религиозной идентичностью, языковые и конфессиональные противоречия и так далее.

Например, в отчете «Украинцы об истории, культуре ипольско-украинские отношения», подготовленном Институтом политических исследований Польской академии наук обосновывается, что имеющиеся межрегиональные различия в украинском обществе не являются

основанием для утверждения о том, что по своей идентичности и коллективной памяти существуют две (по обе стороны Днепра) или четыре (Запад, Центр, Восток и Юг) Украины. Имеют место региональные различия, а кроме того, в последние годы, под влиянием военной угрозы, произошла консолидация украинского общества (Strujek, Konieczna-Salamatin & Zacharuk, 2020).

В исследовании Украинской миротворческой школы «Стратегии преодоления разделенного и травматического прошлого. Короткое видение для Украины» на основании социологических исследований и анализе больших массивов информации выделяют 4 исторических макрорегиона: Запад (Волинская, Ровенская, Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская и Черновицкая области. Закарпатская область демонстрирует определенную обособленность на фоне остальных областей макрорегиона), Центр (Житомирская, Киевская, Черниговская, Сумская, Полтавская, Хмельницкая, Винницкая, Кировоградская области), Восток (Харьковская, Луганская, Донецкая), Юг (Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская и Днепропетровская области).

Вместе с тем авторы отмечают, что это разделение не несет угрозу национальному единству, поскольку динамика отношения к маркерным вопросам в отдельных регионах и в возрастных разрезах показывает довольно динамичные консолидационные процессы (Стратегія подолання поділеного і травматичного минулого. Коротке Бачення для України...).

На данный момент в Украине доминирует версия националистического порядка, в которых в качестве идеального образа «украинскости» позиционируются западные области Украины, а также провозглашается достижение консолидации украинского общества, хотя это противоречит объективной реальности. Хотя и отрицать значительный рост консолидации украинского общества на фоне борьбы с общим «врагом» после 2014 года нельзя. В частности, по результатам исследования «How Ukrainians Have Changed Over Last Nine Years: First results of the World Values Survey» (Musiyezdov, 2020), проведенного 2020 г. в рамках исследовательского проекта «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS) на вопрос «Насколько вы гордитесь тем, что являетесь гражданином Украины?» ответ «весьма гордятся» дали 47,5 % опрошенных и «очень гордятся» 34,7 % опрошенных. против 41,0 % и 26,0 % соответственно (67,0 % в целом), которые придерживались того же мнения в 2011 г.

При этом показательными являются результаты опроса относительно готовности с оружием в руках защищать независимость своей

страны, которые порождают вопросы о степени реальной консолидации украинского общества. О такой готовности заявило относительное большинство респондентов в Западном регионе (41%), отрицательный ответ дали – 32 %, тогда как в Восточном регионе относительное большинство (42 %) дают отрицательный ответ (положительный – 23 %). Среди этнических украинцев положительный ответ дают соответственно 32 %, негативный – 33 %, тогда как среди этнических русских о нежелании с оружием в руках защищать заявляют 42 % против 26 % (Основні засади та шляхи формування...2017, стр. 10–13).

Интересными в данном контексте представляются и результаты, которые демонстрируют рост ксенофобских настроений в Украине: 27,1 % не хотят, чтобы иммигранты и иностранные рабочие были их соседями; 24,8 % в 2020 г против 17,0 % в 2011 году не хотят, чтобы их соседи были людьми другой национальности; и 22,5% против 15,0 % не хотят, чтобы их соседями были люди других религий (Musiyezdov, 2020).

МОНОЭТНИЧЕСКАЯ НАЦИЯ КАК КОНСТРУКТ

Научной элитой обосновывается тезис об украинскости в ее этническом преломлении как о единственном способе сохранения украинской государственности перед внешней угрозой, что противоречит провозглашаемому тезису формирования политической, а не этнической нации. При этом прослеживается использование виктимизирующих конструктов для конструирования концепта моноэтнического государства.

Развитие тезиса о моноэтническом характере украинского государства имело место быть и ранее. В частности, в монографии Днистрянского М. С. «Этнополитическая география Украины: проблемы теории, методологии, практики» (2006 г, Львов) обосновывается моноэтнический характер украинского социума. Автор формирует собственную классификацию государств, основанную на количественном анализе этнонациональной структуры населения Украины в компонентном и в территориальном отношении, утверждая, что полиэтничность государства определяется не самим фактом наличия представителей различных этнических общностей, а множественностью ареалов коренных этнических территорий (Дністрянський 2006, стр. 60). Украину он относит к категории «преимущественно моноэтнических государств, более 80% территории – это ареал расселения одного этноса при наличии сравнительно небольших ареалов компактного рас-

селения этнических меньшинств и малых коренных народов», утверждая, что украинское государство имеет все основания как национальное государство с одной региональной автономией, Автономной Республикой Крым (Дністрянський, 2006, стр. 421).

Более того, автор говорит о гиперболизации полиэтничности как недостатке этнологических и этнополитических украинских исследований, относя его к пережитками советских стереотипов (Дністрянський 2006, стр. 421). В частности, он критикует тезис о том, что Украина является даже более многонациональной страной, чем Россия. Тезис был звучен в работе Митряевой С.И, опубликованной в работе «Межнациональные аспекты консолидации украинского общества», которая была издана в Ужгороде, регионе русинского сепаратизма. В работах Степико М. Т. так же обосновывался моноэтнический характер украинской нации на основании того, что по результатам Всеукраинской переписи населения 2001 г, украинцами себя считают 77,8% граждан Украины (Степико, 2011, стр. 34), утверждалось, что украинское государство может формировать собственную политику украинской национальной идентичности которая обладает и этническим, и национальным контекстом (Степико, 2011, стр. 284).

Тем не менее, в работах наиболее авторитетных украинских исследователей Украина всегда рассматривалась как полиэтничное государство. В частности, для решения проблемы увеличения национальной дистанционности населения, которая по данным социологических исследований нарастала на протяжении 1992 – 2008 гг. и могла привести к активизации межэтнических конфликтов, профессор А. Майборода предлагал украинскую нацию позиционировать как украинскую полиэтничную нацию, которая бы объединяла все этнические сегменты (Степико, 2011, стр. 103).

Но на данный момент можно наблюдать активизацию в научных публикациях конструирования представлений о ее моноэтническом характере. Критике подвергается присутствующий в научной литературе тезис о 130 этносах, зафиксированных в переписи 2001 года, а полиэтничный характер Украины оценивается как советская мифология, как продукт российской пропаганды, вмешательство «нынешней кремлевской власти» во внутренние дела Украины для «защиты» русских и русскоязычного населения, сформулированный без учета численности каждого из этносов, проживающих на территории Украины, а также стран их происхождения, срока пребывания и особенностей территориального размещения.

При этом для обоснования вывода о моноэтническом характере украинского общества дается отсылка на социологические исследова-

ния, проведенные в марте 2017 г. ведущими украинскими социологическими центрами (в частности, Рейтинг, Центр имени Разумкова), согласно которым украинцами по национальности себя считают 90,6 % населения, русскими - 6,3 %, представителями других нацменьшинств - 2,7 % (Основні засади та шляхи формування..., 2017, стр. 26).

Такие изменения по сравнению в результатами Всеукраинской переписи населения 2001 г., когда в целом по Украине украинцами идентифицировали себя 77,8 %, русскими - 17,3 %, представителями других нацменьшинств - 4,9 %, объясняется тем, что общественно-политическая ситуация в течение последних 16 лет в украинском государстве (Оранжевая революция, Революция Достоинства, оккупация Крыма, война на Востоке Украины) привела к увеличению уровня национального сознания среди украинского населения и процент лиц, которые идентифицируют себя как представители Украинской титульной нации. Соответственно, Украина вполне может позиционировать себя как моноэтническое государство, а государственной власти необходимо воспользоваться таким всплеском национального сознания для завершения процессов национальной консолидации украинского общества. Региональные же различия в этническом составе населения признаются не существенным фактором влияния на состояние этнополитических отношений в современной Украине, а искусственно и сознательно поддерживаемыми и подчеркиваемыми отдельными политическими силами, так и соседними государствами, заинтересованными в расшатывании этнополитической ситуации в Украине (Підбережник, 2018, стр. 70).

Необходимо отметить, что указанное исследование было проведено социологической службой Центра Разумкова 3-9 марта 2017 г. во всех регионах Украины и, как отмечается в информации об исследовании, без учета «Крыма и оккупированных территорий Донецкой и Луганской области». Опрошено было 2 016 респондентов возрастом от 18 лет (Основні засади та шляхи... 2017, стр.4), что ставит под сомнение репрезентативность исследования для оценки этнического состава всего государства и сопоставимость его с результатами Всеукраинской переписи населения. Кроме того, нельзя исключать возможного влияния на результаты исследования спирали молчания. С 2001 года ситуация количественными этническим составом населения значительно изменилась, что не позволяет на данный момент делать какие-либо выводы по демографическому и этническому составу населения без проведения полномасштабной переписи населения.

ВЫВОДЫ

Основным паттерном виктимизирующей риторики украинской государственной власти в отношении России является борьба Украины против развязанной против нее со стороны «российского режима гибридной войны». На данный момент происходит активная трансформация и расширение присутствующих в украинском информационном поле основных виктимизирующих нарративов, которые в постсоветский период активно использовались для геополитического дистанцирования от Российской Федерации и реализации идей виктимного национализма. Дискурс жертвы-народа сменяется на дискурс жертвы-героя. Нарративы о Майдане, истории Украины как постоянной борьбы за собственную государственность в совокупности с сопротивлением гибридной агрессии России становятся консолидирующим украинское общество фактором. Продуцирование и обоснование новых смыслов виктимизации украинского общества, призванного довести до логического завершения формирование украинской нации, обосновывается в исследованиях научной элиты Украины. Успешное развитие и консолидация украинского общества вопреки развязанной Россией гибридной войне позиционируются как основной объединяющий маркер украинской нации, новый триггер консолидации украинского общества. При этом в дискурсе украинского научного сообщества закрепляется идея о том, что путь консолидации Украины так или иначе лежат через антирусскость, в том числе через конструирование виктимизирующих смыслов. Более того, долгое время используемый украинской научной элитой тезис о разделенности Украины объявляется навязанным со стороны Российской Федерации для дезинтеграции Украины.

Очевидные признаки консолидации украинского общества, фиксируемые через вопросы социологических исследований, связанные с демонстрацией украинской идентичности и лояльности государству, противоречат нарастанию ксенофобских настроений, неготовности значительного количества жителей защищать государство с оружием в руках и значительному негативному восприятию роли Евромайдана для развития Украинского государства.

Научной элитой обосновывается идея об украинскости в ее этническом преломлении как о единственном способе сохранения украинской государственности перед внешней угрозой, что противоречит провозглашаемому тезису формирования политической, а не этнической нации. При этом прослеживается использование виктимизирующих конструктов для формирования концепта моноэтнического госу-

дарства, а поліетнічний характер України, зафіксований в реєстрі 2001 г. оцінюється як радянська міфологема, як продукт російської пропаганди, втручання «нинішньої кремлівської влади» у внутрішні справи України для захисту росіян і російськомовного населення.

Список литературы

- BBC. (22. 11. 2014). *На Украине почтили память жертв Голодомора*. Получено из: https://www.bbc.com/russian/international/2014/11/141122_ukraine_famine_anpo
- Musiyezdov, O. (2020). *How Ukrainians have changed over last nine years: First results of the World Values Survey*. Retrieved from: <https://ukrainian-studies.ca/2020/12/17/world-values-survey-in-ukraine/>
- Stryjek, T., Konieczna-Salamatin, J., & Zacharuk, K. (2017). *Raport: Ukraińcy o historii, kulturze i stosunkach polsko-ukraińskich*. Получено из: <https://www.nck.pl/badania/projekty-badawcze/raport-ukraincy-o-historii-kulturze-i-stosunkach-polsko-ukrainskich>
- Аникин, Д. А. (2017). Изображая жертву: коллективные травмы и сакрализация прошлого. В *Философская антропология жертвы: материалы. Всероссийской конференции с иностранным участием. Самара, 12-14 октября 2017 года*, (стр. 152-159). Самара. Самарская гуманитарная академия.
- Велешко, Е. Н. (2007). *Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов*. Симферополь.
- Гриневич, Л. (2011). *Хроніка колективізації та голодомору в Україні 1927–1933. Том I: Початок надзвичайних заходів. Голод 1928–1929 років*.
- Книга 3* (2012). Київ. Критика. Получено из: <http://holodomor33.org.ua/materialy-zahodiv-iz-vshanuvannya-zhertv-holodomoru-2013>.
- Дністрянський, М. С. (2006). *Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики*. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка.
- Красівський, О., & Підбережник, Н. (2019) Етнополітичні виклики національній безпеці України. *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України*, (3-4), 35-49
- Кресіна, І. (2019). Етнокультурна автономія як політико-правовий інститут захисту прав національних меншин. *Наукові записки Інституту Політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України*, (3-4), 204-223.
- Лосев, І. (2019). Межа дискусії. Про політичний сенс національно-культурної ідентичності. *Український тиждень*, (44), 22–23.

- Основні засади та шляхи формування спільної ідентичності громадян України. Інформаційно-аналітичні матеріали до Круглого столу 12 квітня 2017 р.* Київ: Центр Разумкова.
- Парахонський, Б. О., & Яворська Г. М. (2019). *Онтологія війни і миру: безпека, стратегія, смисл.* Київ : НІСД.
- Підбережник, Н. П. (2018). Виклики та загрози у сфері етнополітичних відносин в Україні на сучасному етапі. *Вісник Національної академії державного управління при Президентові України. Серія : Державне Управління, (2), 68-75.*
- Пробелы и совпадения: исследование нарративов в общественном сознании Германии, России и Украины. Экспертный доклад.* (2020). Москва: Inmedio Peace Consult; Институт права и публичной политики.
- Портнов, А.В. (2010). *Упражнения с историей по-украински.* Москва: ОГИ; Полит.ру, Мемориал.
- Потапенко, Я. (2015). Рецепт Євромайдану в сучасному українському соціокультурному дискурсі. *Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України, (4), 4-21.*
- Рафальський, О. О. (2018). *Консолідація Українського Суспільства: етнополітичний вимір.* Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України.
- Римаренко, С. (2017). Регіональні аспекти соціокультурних трансформацій в Україні. В *Етнополітичний контекст соціокультурних трансформацій у сучасній Україні*, (стр. 284–309). Київ: ІПІЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України.
- Степико, М. Т. (2011) *Українська ідентичність: феномен і засади формування.* Київ: НІСД.
- Українська Миротворча Школа (2016). *Стратегія подолання поділеного і травматичного минулого. Коротке бачення для України.* Получено из: <http://peace.in.ua/strateliya-podolannya-podilenohto-itravmatychnohtomyuloho-kortke-bachennya-dlya-ukrajiny/>

Reference

- Anikin, D.A. (2017). Portraying the victim: collective trauma and sacralization of the past. In *Philosophical anthropology of the victim: materials of the All-Russian conference with foreign participation. Samara, October 12-14, 2017*, (pp. 152-159). Samara. Samar. humanizes. academic. (In Russian).
- Basic principles and ways of forming a common identity of citizens of Ukraine.* (2017). Information and analytical materials for the Round Table on April 12, 2017. Kyiv: Razumkov Center. (In Ukrainian).
- BBC. (22. 11. 2014) *Ukraine commemorates Holodomor victims.* Retrieved from: https://www.bbc.com/russian/international/2014/11/141122_ukraine_famine_an no. (In Russian).

- Book 3 (2012). Kyiv: Critique. Retrieved from <http://holodomor33.org.ua/materialy-zahodiv-iz-vshanuvannya-zhertv-holodomoru-2013>. (In Ukrainian)
- Dnistriansky, M.S. (2006). *Ethnopolitical geography of Ukraine: problems of theory, methodology, practice*. Lviv: Ivan Franko Lviv National University Publishing Center. (In Ukrainian).
- Gaps and Coincidences: A Study of Narratives in the Public Consciousness of Germany, Russia and Ukraine. Expert report*. (2020) Moscow: Inmedio Peace Consult; Institute of Law and Public Policy. (In Russian).
- Hrynevych, L. (2011). *Chronicle of collectivization and famine in Ukraine 1927–1933. Volume I: The beginning of emergency measures. The famine of 1928–1929*. (In Ukrainian)
- Krasivsky, O., & Pidberezhenyuk, N. (2019). Ethnopolitical Challenges to the National Security of Ukraine. *Scientific Notes of the Institute of Political and Ethnonational Research. IF Kuras NAS of Ukraine*, (3-4), 35-49. (In Ukrainian).
- Kresina, I. (2019). Ethnocultural autonomy as a political and legal institute for the protection of the rights of national minorities. *Scientific notes of the Institute of political and ethno-national research. IF Kuras NAS of Ukraine*. 2019, (3-4), 204-223. (In Ukrainian).
- Losev, I. (2019). The limit of the discussion. On political-national-cultural identity. *Ukrainian Week*, (44), 22–23. (In Ukrainian).
- Musiyezdov, O. (2020). *How Ukrainians have changed over last nine years: First results of the World Values Survey*. Retrieved from: <https://ukrainian-studies.ca/2020/12/17/world-values-survey-in-ukraine/>
- Parakhonsky, B. O., & Yavorskaya G. M. (2019). *Ontology of war and peace: security, strategy, meaning*. Kyiv: NISD. (In Ukrainian).
- Pidberezhenyuk, N.P. (2018). Challenges and threats in the sphere of ethno-political relations in Ukraine at the present stage. *Bulletin of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine. Series: Public Administration*, (2), 68-75. (In Ukrainian).
- Portnov, A. V. (2010) *Exercises with history in Ukrainian*. Moscow: OGI; Polit.ru, Memorial. (In Russian).
- Potapenko, J. (2015). The reception of Euromaidan in modern Ukrainian socio-cultural discourse. *Scientific notes of the Institute of Political and Ethno-National Studies. IF Kuras NAS of Ukraine*, (4), 4-21. (In Ukrainian).
- Rafalsky, O. O. (2018). *Consolidation of Ukrainian society: ethnopolitical dimension*. Kyiv: Institute of Political and Ethno-National Studies. IF Kuras NAS of Ukraine. (In Ukrainian).
- Rymarenko, S. (2017). Regional aspects of socio-cultural transformations in Ukraine. In *Ethnopolitical context of socio-cultural transformations in modern Ukraine*, (pp. 284–309). Kyiv: IPIENDim. IF Kuras NAS of Ukraine. (In Ukrainian).

- Stepyko, M. T. (2011). *Ukrainian identity: phenomenon and principles of formation: monograph*. Kyiv: NISD. (In Ukrainian).
- Stryjek, T., Konieczna-Sałamatin, J., & Zacharuk, K. (2017). *Raport: Ukraińcy o historii, kulturze i stosunkach polsko-ukraińskich*. Retrieved from: <https://www.nck.pl/badania/projekty-badawcze/raport-ukraincy-o-historii-kulturze-i-stosunkach-polsko-ukrainskich> (In Polish).
- Ukrainian Peace School. (2016). *Strategy for overcoming the shared and traumatic past. Short vision for Ukraine*. Retrieved from: <http://peace.in.ua/stratehiya-podolannya-podilenoho-itravmatychnoho-mynuloho-korotke-bachennya-dlya-ukrajiny/> (In Ukrainian).
- Veleshko, E.N. (2007). *The influence of victim factors on the political behavior of the Crimean Tatar repatriates*. Simferopol. (In Russian).

ADMINISTRATIVE AND POLITICAL ELITES OF MODERN RUSSIA IN THE REGIONAL DIMENSION

Yulia V. Usova (a)

(a) Pyatigorsk State University. Pyatigorsk, Russia. E-mail: usova_yv[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-3755-8588

Abstract

The article examines the problems of the functioning of the administrative-political regional elites in modern Russia, which is a significant problematic niche of political science knowledge. The federal structure of the Russian Federation, which presupposes a specific format for the territorial distribution and exercise of power in general and its subjects, presupposes a certain format for the functioning of the federal and regional elites. This format largely reflects the state of regional communities, their social adaptation, political socialization and the degree of readiness for the production of elites from their environment. Given the general trends in the formation and functioning of the Russian elite, its strategy and tactics are largely determined by regional realities, the understanding of which is an indispensable condition for successful organizational and managerial influence and political influence on the population of the region. The author singles out the administrative and political elite among the segments of political and power groups, which in many respects is a product of the regional community and the determining subject of influence on the population of the region. Particular attention is paid to the applied aspect, where methods of political sociology are used, with the help of which measures of motivation, value orientations, efficiency, problem-behavioral lacunae of elites are carried out, problems of the functioning of elite groups at the regional level are considered.

Key words

---

social environment; political elites; transformation processes; regional elitogenesis; social space; organizational and managerial impact; administrative and political elite; efficiency of management activities; regional communities; recruiting and functioning of elite groups.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Усова Юлия Викторовна (а)

(а) Пятигорский государственный университет. Пятигорск, Россия. E-mail: usova_yv[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-3755-8588

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы функционирования административно-политических региональных элит современной России, что представляет собой значимую проблемную нишу политологического знания. Федеративное устройство Российской Федерации, предполагающее конкретный формат территориального распределения и осуществления власти в целом и ее субъектах, предполагает определенный формат функционирования федеральных и региональных элит. Этот формат во многом отражает состояние региональных сообществ, их социальной адаптации, политической социализации и степень готовности к продуцированию элит из своей среды. При общих тенденциях формирования и функционирования российской элиты ее стратегия и тактика во многом определяется региональными реалиями, понимание которых является неременным условием для успешного организационно-управленческого воздействия и политического влияния на население региона. Среди сегментов политико-властных групп автор выделяет административно-политическую элиту, которая во многом является продуктом регионального сообщества и определяющим субъектом воздействия на население региона. Особое внимание уделено прикладному аспекту, где используются методы политической социологии, при помощи которых осуществляются замеры мотивации, ценностных ориентаций, эффективности, проблемно-поведенческих лакун элит, рассматриваются проблемы функционирования элитных групп на региональном уровне.

Ключевые слова

социальная среда; политические элиты; трансформационные процессы; региональный элитогенез; социальное пространство; организационно-управленческое воздействие; административно-политическая элита; эффективность управленческой деятельности; региональные сообщества; рекрутирование и функционирование элитных групп.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ. ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время проблема изучения современных российских элит представляет большой интерес с точки зрения становления новой структуры социального пространства России. Элиты, по сути своей, являются социальным феноменом, результатом развития общественных процессов, оказывают влияние на всю социальную среду и участвуют в социальных взаимодействиях как субъективная сторона. В условиях нарастания новых вызовов в социальной и социально-экономической жизни современного общества, вызванных различного рода глобальными процессами, пандемией, которая привела к крупнейшему социально-экономическому и политическому кризису, повышается роль элит, как субъектов государственного управления. В условиях современных трансформационных процессов место властного и управленческого воздействия заняло элитное сообщество, его главным центром влияния стала административно-политическая элита, которая пытается утвердиться в качестве доминирующего актора, четко идентифицирует свои интересы в системе государственных целей и приоритетов и более подготовлена к современному публичному политическому дискурсу.

Для успешного развития страны политическое сознание элиты, ее мышление должны соответствовать тем масштабным задачам и вызовам, которые стоят перед страной, обладать стратегическим видением и рефлексией. У нынешнего поколения элиты имеется определенный потенциал для выполнения возложенных на нее функций: немалый политический опыт, уровень образования, знания и навыки. Исполняемая конкретными представителями элиты политическая роль накладывает отпечаток ни тип рекрутирования и тип лидерства, требует определенного набора качественных характеристик.

Смысловая нагрузка управленческой деятельности элиты носит весьма сложный и разносторонний характер. Критериями эффективной управленческой деятельности можно считать следующие показатели:

- наличие у представителей элит способностей к своевременным ответам на внешние и внутренние вызовы;
- мобилизация экономических, информационных, гражданских ресурсов для реализации поставленных задач;
- целостность системы государственного управления, координированность различных направлений деятельности;

- воплощение в государственных решениях базовых ценностей, скрепляющих государство и общество;
- соответствие технологической и информационной структуры национальной экономики мировому уровню, экологическим и климатическим факторам;
- совмещение принципов и традиций национальных культур и норм политической культуры, принципов межкультурного общения, конструктивного взаимодействия субкультурных образований;
- наличие механизмов представительства гражданских интересов, вовлечение населения в управленческую деятельность;
- развитие гибкой институциональной структуры системы управления, центров принятия решений, способных эффективно работать в форс-мажорных ситуациях и оперативно развертывать антикризисную деятельность.

Все эти принципы по-разному реализуются в деятельности властных структур всех уровней, но применительно к формам стратегического планирования каждый из этих показателей носит принципиально необходимый характер.

МЕТОДОЛОГИЯ

В основе теоретико-методологического аспекта и его воплощения в конкретный политический дискурс лежат базовые элитологические доктрины: иерархическая и полиархическая. В данном случае мы имеем дело с парадигмальными элитологическими конструкциями, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиций элитологии. Разнообразие моделей взаимодействия элит может быть обозначено как полицентризм. Если в западной политологии и политической социологии доминирует институциональная и неинституциональная доктрина в элитологических исследованиях, то в отечественных, отталкиваясь от институтов, в итоге апеллируют к лидерам и лидерским командам, отчетливо осознавая слабость российских политических институтов и их достаточно формальную роль в элитогенезе (Усова, 2012, стр. 7). Более доктринально-репрезентативной выглядит позиция о незавершенности процессов институционализации элитогенеза с полицентричной моделью элит в многослойном российском обществе.

К прикладному аспекту следует отнести методы политической социологии, при помощи которых осуществляются замеры мотивации, уровня идентичности, сплоченности, ценностных ориентаций, проблемно-поведенческих лакун т.д. (Косов, 2019). Основываясь на

подобных прикладных разработках, можно выработать рекомендации и программы совершенствования управленческой деятельности руководящего административно-политического слоя в области административного реформирования, работы с резервом управленческих кадров.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВО: ЗАДАЧИ ОБНОВЛЕНИЯ

Развитие российского общества, если иметь ввиду совершенствование различных сфер общественной жизни, во многом зависит от того, каково будет состояние региональных социумов, какими параметрами характеризуется потенциал развития российских регионов, на какой тип развития будут ориентироваться регионы. Модель догоняющего развития только усугубляет разрыв между регионами и увеличивает негативное воздействие системных социальных рисков. В данном случае обращение к региональному контексту представляется не случайным.

Очевидно, что вертикально-интегрированная система управления, демонстрируя преимущества централизации власти и концентрации финансовых и организационных ресурсов, непротиворечива. Стремление к тотальному контролю приводит к росту структур, тормозящих процесс принятия необходимых управленческих решений. Даже при постулировании необходимости самостоятельности на уровне регионов не снимается проблема «назначенчества». Региональные элиты больше заинтересованы в сохранении должностного (властного) ресурса и соответствующих фильтрах ротации элит, чем в конкуренции по критериям деловитости и креативности» (Эксперт, 2019, стр. 19-29). Не удивительно, что сложившаяся социально-экономическая модель регионального развития, которая предполагает стабильность без развития, без конвертации экономического роста в улучшение качества жизни в региональном социуме и достижения реального равенства регионов как субъектов социального развития, не удовлетворяет ни население, ни региональные элиты. Люди испытывают трудности социальной не обустроенности, практически ежедневно сталкиваясь с проблемами социальной инфраструктуры, локального рынка труда, общественной безопасности (Туаева & Усова, 2009, стр. 247).

Территориальная горизонтальная мобильность остается низкой, что связано с недоступностью жилья и рисками адаптации, противоречия накапливаются, что в конечном итоге приводит к нагрузке на региональные властные структуры, необходимости концентрировать

внимание на текущих тактических задачах, и не позволяет элитам выработать стратегическую модель развития.

Дифференцированность взаимодействия с регионами заключается в наличии инерционной модели: инвестиционные привлекательные регионы (Московская, Ленинградская области, Краснодарский край) становятся лидерами в освоении финансовых субсидий центра, получают организационную, политическую, информационную поддержку в продвижении региональных проектов. Для регионов, находящихся в состоянии социально-экономической депрессии, взаимодействие ограничивается в сохранении пределов социальной стабильности, в выделении ресурсов на краткосрочные нужды, что усугубляет различия по уровню развития регионов, так как распределительные отношения не способствуют продвижению привлекательных инвестиционных проектов. Точечное воздействие определяется анклавностью промышленных и туристических кластеров по отношению к кризисной социальной среде.

Данные обстоятельства могут создать впечатление предопределенности отставания регионов в силу фактора удаленности, неразвитости деловой культуры, уменьшения профессионального потенциала. Траектория развития российских регионов характеризуется функционированием уже сложившихся управленческих механизмов. Региональные элиты, являясь главным субъектом государственного управления демонстрируют способность к контролю социально-политической и социально-экономической ситуации: будучи заинтересованными в региональной стабильности как решающем сохранении монополии на властные и экономические ресурсы, представители правящих групп (Горшков, 2011, стр. 335), несмотря на различия в стиле руководства, освоили стратегию сдерживания и нейтрализации социально-политической напряженности, накопили опыт антикризисного управления в условиях дефицита финансовых ресурсов. Однако в данном случае мы имеем дело с модальностью: существуют проблемные регионы, которым свойственны внутриэлитная конфликтность, критический уровень престижа региональной власти, но подобные проблемы фиксируются центром, где принимаются усилия по обновлению управленческих кадров, как это и происходит в последнее время.

Сформировавшаяся модель ротации региональных элит внутренне противоречива, поскольку включает как назначенцев из центра, так и тех, кто

добился высокого социального статуса в региональном социуме. Если для первой группы важен принцип лояльности к центру, что по-

зитивно влияет на поддержание интегрированности регионального социума в общероссийское пространство, но неоднозначно для определения условий и пределов самостоятельности регионального развития, то вторая группа может демонстрировать коллективный эгоизм в расстановке приоритетов. Эта ситуация может привести к снижению инвестиционной привлекательности региона, что часто требует вмешательства центра.

Существующие в регионах структуры гражданского общества часто характеризуются позицией «критического ожидания» по отношению к деятельности региональных элит, но не всегда позиция критики основывается на профессионализме, наличии управленческого опыта. Вопреки мнению, что креативный класс России сосредоточен в мегаполисах, имеются определенные возможности реализации и осуществления управленческих практик в пространстве региона. Работники сферы образования, здравоохранения, занятые в новых технологических направлениях на уровне личностной самореализации, заинтересованы в развитии, включающем различные формы социального участия и социальной инициативы.

Несомненно, что уровень доверия населения к региональным элитам до сих пор определяется степенью решаемости вопросов повседневной жизни в органах социальной сферы. Трудно преодолимым является отрицательное и достаточно осторожное отношение к масштабным и радикальным изменениям в жизни российского общества. В сложившейся системе управленческих координат на региональную элиту порой возлагается ответственность за независимые от нее решения. Предполагая, что региональная элита действует рационально в соответствии с логикой сохранения позиций, нельзя упускать из виду, что цели самовоспроизводства и контроля по отношению к региональному пространству не обязательно и не всегда совпадают с целями регионального развития. Часто конфликты по поводу ротации региональных элит возникают в том случае, когда вновь назначенный руководитель региона приводит с собой управленцев со стороны, резонно полагая, что кадровые согласования или включение представителей местных элит создают тройной эффект: политика компромисса воспринимается как проявление слабости и уступчивости, затягивается период «взятия власти» в собственные руки (Волков, 2013, стр. 219), ресурс ожидания дает возможность на какое-то время отложить решение сложных по последствиям социальных проблем.

Специфика регионального развития последних лет состоит в углублении внутри региональных и межрегиональных диспропорций. Практически реализуемая концепция догоняющего развития приводит

к ситуации «бега на месте», когда региональные лидеры, пытаясь равняться на столичные проекты, часто не обращают внимания на объективно сложившиеся социально-экономические и социально-культурные различия. Отказ от схемы догоняющего развития регионов предполагает концентрацию ресурсов на тех направлениях, где имеются оптимальные возможности. На первый план выходит проблема качества региональных элит. Существующая система критериев показывает разрыв между формально-статусными признаками и реальными управленческими практиками. Властная ориентированность в деятельности региональных элит, также как и включенность в систему вертикального социального контракта, влияет на выбор целей регионального управления. Если в регионе очевидны сдвиги в решении волнующих население проблем, если эффективно налажена социальная инфраструктура и если это происходит в русле нахождения нестандартных решений с мобилизацией внутренних ресурсов, значит, открываются возможности для институционализации инновационных управленческих практик. Реальным моментом является достижение положения, связанного с налаживанием форм обратной связи между центром и регионами и формирование позитивного отношения к реальному участию федеральных структур в содействии и обеспечении проектов регионального развития.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Территориальное пространство Северного Кавказа, как и полиэтничность и поликонфессиональность региона, являются одновременно решающими условиями, факторами, вызовами и рисками для формирования и функционирования административно-политических элит. Новейшая история Северного Кавказа включает многие общественно-политические и политико-управленческие тенденции, которые были подготовлены предыдущим историческим развитием региона. Управленческий тренд в СКФО обусловлен объективными социально-экономическими и общественно-политическими процессами. При анализе региональных политических элит в Северо-Кавказском федеральном округе необходимо учитывать степень их политической автономии или наоборот, зависимости от центра (Кислицын, 2013). Стремление элит Северного Кавказа закрепить свое особое положение было характерно в период 1990–х гг., когда республики принимали декларации о государственном суверенитете, который позже закреп-

лялся в новых конституциях. С некоторыми из них были заключены договоры о разграничении полномочий, которые наделяли эти республики дополнительными привилегиями. Практика договорных отношений между центром и регионами была полностью пересмотрена в 2000-е гг.

На современном этапе парламентское представительство республик СКФО весьма незначительно с точки зрения его влияния на принятие политических решений в регионах. В условиях финансовой зависимости от московского центра, элиты регионов нередко соглашались поддержать продвижение на должности сенаторов людей, никак не связанных с регионами. Такие фигуры впоследствии могут стать посредниками в отношениях между центром и региональными элитами. В то же время, в силу небольших размеров республик, их представительство не может быть большим. На практике оно обеспечивается за счет привлечения максимально большого числа голосов в поддержку «Единой России».

Для республик СКФО характерна высокая степень зависимости законодательной власти от исполнительной. Уровень развития демократических институтов невысок вследствие действий административного ресурса по массовой мобилизации зависимых категорий населения: бюджетников, чиновников. Немалую роль оказывает функционирование специфического этнополитического механизма вовлечения избирателей и получение высоких процентов при голосовании за партию власти. Фактически регулярная сменяемость законодательной власти в регионах не является свидетельством того, что выборы проходят в условиях свободной конкурентной борьбы.

Политические процессы на Северном Кавказе являются отражением таких же процессов, протекающих в центральных регионах России. С другой стороны, при общих тенденциях формирования и функционирования российской элиты, ее стратегия и тактика во многом определяется региональными реалиями.

Несомненно, что приоритет в изучении элит, процессов их формирования, трансформации, определения векторов развития принадлежит политологии. Однако следует отметить, что и для политической социологии элиты представляют собой результат развития общественных процессов, который активно влияет на все слои общества, участвует в социальных взаимодействиях.

В проведенном НИИ Стратегических исследований ПГУ в августе-сентябре 2020 г. комплексном социологическом исследовании «Вопросы эффективности органов власти и управления в регионах Северного Кавказ» отдельный блок был посвящен проблеме регио-

нальных элит. В данной статье мы рассмотрим данные, полученные в результате опроса по онлайн-панели. Выборка составила около 800 человек, жителей республики Северная Осетия-Алания. Квотирование по полу и возрасту (500 человек – жители городов республики и 300 человек – жители сельских населенных пунктов).

В данном исследовании, в частности, было важно определить, кого представители республики могут с определенностью отнести к политической элите. В результате, при анализе полученного распределения мнений, были выявлены следующие основания принадлежности к элите:

- представители различных видов деятельности (науки, культуры, спорта), имеющие разного рода заслуги перед государством и обществом – 44% респондентов;
- руководители государственных и частных компаний – 40% респондентов;
- лица, занимающие высокопоставленные должности государственной и муниципальной службы – 38 % опрошенных;
- представители политических партий и общественно-политических движений – 29 % респондентов;
- люди, обладающие в современных условиях определенным статусом, престижем, богатством – 25 % респондентов;
- люди, обладающие чувством высокой социальной ответственности и определенными моральными качествами – 14 % опрошенных.

Представленное в ранжированном порядке распределение мнений свидетельствует о том, что среди участников исследования преобладают традиционные представления о критериях, согласно которым представители различных социальных групп могут быть отнесены к элите.

По представленным в Таблице 1 данным следует, что почти половина участников опроса считает уровень доверия и уважения населения к региональным элитам низким.

Степень доверия населения	Результат (%)
высокая	7
средняя	37
низкая	49
затрудняюсь ответить	6,7

Таблица 1. Оценка степени доверия и уважения населения к региональным элитам

Следует особо отметить, что пандемия коронавируса стала главным политическим событием нашего времени и определенным образом сказалась на мнении жителей страны в целом и региона, в частности. Существенное значение имеет фактор субъективного восприятия у населения. Также можно сказать, что «судят по делам», которые иногда вызывают большое сомнение у населения с точки зрения соответствия Конституции, законности и общественной морали, особенно если это касается отношений власти и общества. Получение определенных выгод, привилегий, преференций местной элитой часто не согласуется с решением насущных проблем населения. На местном уровне в большей степени заметно совмещение в сознании населения понятий элита и власть.

При оценке участниками исследования характера и результатов взаимодействия региональной власти и населения, высказанные мнения выражали в большей степени неопределенность с негативным уклоном. Большая часть участников опроса (53 %) придерживается с большей или меньшей степенью определенности отрицательного мнения о характере и результатах взаимодействия власти и общества. Большое количество затруднившихся с ответом (более 20 %) можно объяснить не только недостаточной информированностью, но и отсутствием общественно признанных критериев такой оценки, субъективными сомнениями. Это еще раз доказывает, насколько сложна и актуальна для исследования проблема современных российских административно-политических элит и их влияния на жизнь региона и местных сообществ.

Элитные группы для устойчивого функционирования в обществе должны активно продвигать интересы региона, позиционировать свое поведение, культуру в сугубо положительном ключе. Поэтому закономерен вопрос, какие сегменты элитных сообществ наиболее эффективно позиционируют себя:

- государственные (федеральные, региональные) органы власти и местного самоуправления – 48 % опрошенных;
- силовые ведомства – 40% респондентов;
- представители культуры спорта, СМИ – 27 %;
- политические партии и общественно-политические движения – 17 %;
- бизнес элита – 10 %
- религиозные организации – 6 %.

Снижение социальной ответственности региональных элит перед населением участники опроса видят в следующем:

- ориентированность элит только на личные интересы – 60 % опрошенных;
- низкая правовая культура представителей элиты, пренебрежение к законам – 40 %;
- отсутствие социального контроля со стороны населения. общественных и других организаций – 32 %;
- отсутствие контроля со стороны правоохранительных органов – 30 %;
- отсутствие должного контроля со стороны федеральных структур – 23 %;
- качественные характеристики представителей элиты – 21 %.

Представленное распределение мнений участников исследования показывает, что крайне негативно оцениваются населением эгоистические личные интересы представителей элитных кругов, не учитывающие интересы региона. По мнению участников опроса, качественные характеристики и духовно-нравственная культура представителей власти отличается правовым нигилизмом, вседозволенностью, чувством собственной значимости и исключительности, отстраненности и дистанцированности от регионального социума. Показательно, что мнение опрошенных указывает на недостаточный контроль именно со стороны тех структур, которые имеют наибольшие возможности для этого.

Важное значение имеет мнение опрошенных о том, несет ли население региона ответственность за формирование элитных групп. Результаты которое представлено в Таблице 2.

Степень ответственности	Результат (%)
полностью несет ответственность	15
несет в какой то мере	45
не несет ответственности	30
затрудняюсь ответить	10

Таблица 2. Степень ответственности регионального социума за результат формирования элит

Большинство участников исследования склонны считать, что население в той или иной степени должно нести ответственность за формирование региональных элит.

Интересен ответ на вопрос, каким, по мнению жителей региона, может быть механизм воспроизводства местных элит. Результаты

опроса представлены в Таблице 3. Полученные данные результатов исследования свидетельствуют о преобладании гильдийского способа рекрутирования элит. Но в действительности можно отметить, что не существует в чистом виде ни антрепренерской ни гильдийской системы, так как в настоящее время практически не существует абсолютно открытых и абсолютно закрытых обществ.

Механизм воспроизводства	Результат (%)
ротация кадров	32
использование кадрового резерва	25
подготовка элиты в специальных вузах	21
вовлечение в управление представителей науки, культуры, СМИ	15
затрудняюсь ответить	7

Таблица 3. Механизмы воспроизводства элит

Оценка динамики изменений современной региональной административно-политической элиты представлена в Таблице 4.

Динамика изменений	Результат (%)
позиции усиливаются	35
позиции ослабевают	20
происходит процесс деградации элит	35
затрудняюсь ответить	10

Таблица 4. Динамика изменений региональных политико-административных элит

Полученные результаты показывают, что эффективность действий региональной власти слабеет. Для повышения эффективности деятельности, согласно мнению опрошенных, необходимо:

- улучшить отбор профессиональных кадров, сделать упор на профессиональную компетентность (26 % опрошенных),

- ввести обязательную личную ответственность представителей всех органов власти и управления за невыполнение поставленных задач (67 %).

Оценка респондентами динамики изменений региональной элиты свидетельствует о том, что, несмотря на необходимость улучшения качественных характеристик, снижается качество элит. Прослеживается определенный инфантилизм населения в оценке факторов, определяющих прочность пребывания в региональных структурах власти.

В современных условиях принципы кадровой политики должны быть полностью ориентированы на профессионализм и ответственность представителей власти, а сама кадровая политика должна стимулировать механизмы мотивации и социальной ответственности.

Показательны оценки опрошенных в отношении позитивных сторон деятельности административно-политической элиты региона (Таблица 5)

Направления изменений	Результат (в %)
поддержка региональных бизнес-структур	47
координация действий различных групп населения в кризисной ситуации	31
стабилизация общественно-политической ситуации	29
развитие образования, культуры, спорта	22
меры по улучшению здравоохранения	20
внимание к проблемам и интересам людей	13

Таблица 5. Позитивные направления в деятельности региональных элит

Результаты опроса показывают, что приоритетное значение в оценках респондентов отводится патронированию и развитию бизнеса, а так же координации действий различных групп населения в кризисных ситуациях. Забота об удовлетворении материальных и духовных потребностей, в основе которых должны лежать меры социальной поддержки населения, развитие здравоохранения, образования, культуры не относятся к числу приоритетных.

Таким образом, представляется очевидным, что с процессом взаимодействия власти и населения регионов связана вся социальная палитра развития современного российского общества в совокупности с

ее экономическими, политическими, духовными аспектами, что актуализирует проблему глубокого научного осмысления функционирования административно-политической элиты как важнейшего субъекта социально-политических отношений.

Список литературы

- Волков, Ю. Г. (2013). Региональные элиты: перспективы перехода к креативному состоянию В *Элитология России: современное состояние и перспективы развития: материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7-8 октября 2013 г. Ростов-на-Дону*, (Т. 1), (стр. 218-221). Ростов на Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС.
- Горшков, М. К. (2011). *Российское общество как оно есть*. Москва: «Наука».
- Кислицын, С. А., & Кислицына, И. Г. (2013). *История Ростовской области*. Ростов на Дону: ЮФУ.
- Косов, Г. В. (2019). Гражданское общество как ресурс элитогенеза, циркуляции и ротации элит на Северном Кавказе. *Вестник Пятигорского государственного университета*, (1), 240-241.
- Туаева, Б. В., & Усова, Ю. В. (2009). Кризис и инверсии полиэтничного городского социума. В Б. Г. Койбаев (Ред.), *Проблемы всеобщей истории и политологии. Сборник научных трудов*, (стр. 245-251). Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова.
- Усова, Ю. В. (2012). Политические процессы в России: современные реалии и перспективы. *Научно-аналитический журнал Обозреватель (Observer)*, (6), 5-14.
- Эксперт*, (43). (2019). Получено из <https://expert.ru/expert/2019/43/>

References

- Expert*. (43). (2019). Retrieved from: <https://expert.ru/expert/2019/43/> (In Russian).
- Gorshkov, M. K. (2011). *Russian society as it is*. Moscow: "Science". (In Russian).
- Kislitsyn, S. A., & Kislitsyna, I. G. (2013). *History of the Rostov region*. Rostov-on-Don: SFedU, (In Russian).
- Kosov, G. V. (2019). Civil society as a resource of elite genesis, circulation and rotation of elites in the North Caucasus. *Bulletin of the Pyatigorsk State University*, (1), 240-241. (In Russian).
- Tuaeva, B. V., & Usova, Yu. V. (2009). Crisis and inversions of a multiethnic urban society. In B. G. Koibaeva (Ed.), *Problems of general history and political science. Collection of scientific papers*, (pp. 245-251). Vladikavkaz: K. L. Khetagurov North Ossetian State University. K.L. Khetagurov. (In Russian).

- Usova, Yu. V. (2012). Political Processes in Russia: Modern Realities and Prospects. *Scientific-analytical journal Observer*, (6), 5-14 (In Russian).
- Volkov, Yu. G. (2013). Regional Elites: Prospects for the Transition to a Creative State. In *Elitology of Russia: Current State and Development Prospects: Materials of the First All-Russian Elite Congress with International Participation, October 7-8, 2013, Rostov-on-Don*, (Vol. 1), (pp. 218-221). Rostov-on-Don: Publishing house of the JURIF RAS-KhiGS. (In Russian).

CARNIVAL POLITICAL CULTURE: POLITICAL ELITES IN SEARCH OF A LOST IDENTITY

Paul L. Karabushenko (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

The crisis we are currently experiencing is dialectical in nature and lies in the fact that there is a fundamental discrepancy between form and content. This discrepancy is found in the professional actions of political elites, where their high status does not agree with their extremely low professional competence. The diagnosis of our time is that the greatness of the state is limited by the impotence of the elites and the insignificance of their national leaders. In essence, this is a crisis of world leadership (widespread degradation of the elite quality in those who are called upon to exercise general leadership of their nations).

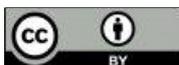
The sphere of objective political reality is actively invaded and replaced by its carnival elements. Political carnival acts as a latent anti-reality, replacing objectivity with its subjectivity, which is a manifestation of the selfishness of free will of acting politicians who have gone beyond their professional competence and masking the obvious deficit of their professional education.

The modern political elite has abandoned the solution of serious objective problems and plunged headlong into the parallel reality it created, which more and more reminds us of a carnival. She is more interested in fake stories than real life stories. Since these elites cannot cope with the latter, they prefer to deal with the stories that they themselves write and control. Only in the latter case are they able to secure victory for themselves. A collision with objective reality is like death for them. This was shown by the story of the Covid-19 pandemic in 2020 and the introduction of widespread quarantine.

Key words

---

elite; the crisis; chaos; threats; conflicts; political carnival; insulation; quarantine; falsification; electoral games; ecology of elites; coronavirus (Covid-19)

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail: Pavel_karabushenko[at]mail.ru ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Переживаемый в настоящее время кризис, носит диалектический характер и заключается в том, что существует фундаментальное несоответствие формы и содержания. И прежде всего, это несоответствие обнаруживается в профессиональных действиях политических элит, где их высокий статус не согласует их крайне низкой профессиональной компетентности. Диагноз нашего времени заключается в том, что величие государства ограничивается бессилием элит и ничтожеством их национальных лидеров. В сущности – это кризис мирового лидерства (повсеместная деградация элитного качества в тех, кто призван осуществлять общее руководство своими нациями).

В сферу объективной политической реальности активно вторгаются и подменяют ее карнавные элементы. Политический карнавал выступает в роли скрытой антиреальности, подменяя объективность своей субъективностью, которая является проявлением эгоизма свободы воли действующих политиков, вышедших за рамки своей профессиональной компетенции и маскирующие явный дефицит своего профессионального образования.

Современная политическая элита отказалась от решения серьезных объективных проблем и с головой ушла в созданную ею параллельную реальность, которая все больше напоминает нам карнавал. Фейковые истории её занимают больше, чем истории реальной жизни. Поскольку с последними эти элиты справиться не могут, они предпочитают иметь дело с теми историями, которые сами же сочиняют и контролируют. Только в последнем случае они способны обеспечить себе победу. Столкновение же с объективной реальностью для них смерти подобно. Это показала история с пандемией Covid-19 в 2020 г. и введением повсеместного карантина.

Ключевые слова

элита; кризис; хаос; угрозы; конфликты; политический карнавал; изоляция; карантин; фальсификация; электоральные игры; экология элит; коронавирус (Covid-19)

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемая в настоящее время во многих странах карнавализация политической действительности, свидетельствует о серьезности переживаемого политическими элитами кризиса своей идентичности. Публицисты и научное сообщество уже открыто говорят о том, что мир большой политики все больше напоминает собой «нечто», что очень схоже по своим параметрам с цирком, балаганом или карнавалом. О том, что все политики носят личины, писали многие еще со времен Платона и Сенеки. Но рост карнавального элемента в политической культуре в настоящее время, вселяет определенного рода тревогу за качество оказываемых элитами обществу политических услуг, которые в условиях роста системного кризиса грозят обернуться крупномасштабным и таким же системным военно-экономическим конфликтом.

Что собою представляет наблюдаемая нами карнавализация политической культуры? Прежде всего, карнавализация означает снижение профессиональной компетентности действующих политиков и превращение серьезной и уважаемой политики в цирковую политическую клоунату, в балаган, в театр абсурда. СМИ, да и сами политики уже в открытую обсуждают карнавализацию политики, чаще всего осуждая, чем одобряя происходящие с ней изменения. Политический карнавал все больше захватывает правящие политические круги, с нарастающей силой проявляясь именно в действиях и в образе мышления политических элит и их лидеров. Карнавализация характеризуется с кризисом профессиональной идентичности элит, с потерей ими аксиологического качества. Именно аксиология элит и страдает в первую очередь от карнавализации политического процесса, нарушая экологию внутриэлитных отношений.

МЕТОДОЛОГИЯ

Кризис идентичности рассматривается автором как коллективная потеря субъектами конкретной элитной группы своего «эго» (как уникального набора признаков), связанная со снижением или с полным исчезновением тождественности с исповедуемыми ценностями и подрывом веры в свои возможности выполнения отведенной им социально-политической роли. Но самое главное – политические элиты перестали соответствовать своему собственному бренду (*Brand Identity*) – «самые лучшие». Именно кризис идентичности вызвал целый вал сопутствующих искажений и деформаций в системе качества элит и их лидеров. Кризис идентичности в элитах стал следствием кризиса кор-

поративной (*Corporate Identity*) и национальной (*National Identity*) идентичностей.

В настоящем исследовании использованы приемы анализа идентичности, существующие в современной науке. В настоящей работе по аналогии используются, уже применяемые в стратегическом менеджменте и маркетинге *алгоритмы* поиска и определения идентичности (См., например: Литвинов, 2010). Изучение социокультурной и политико-экономической идентичности элит связано с выделением их уникальных преимуществ, которыми они должны обладать и использовать, для управления и продвижения своих национальных и корпоративных интересов и ценностей.

Напомним, что еще Г. Алмонд отмечал, что «каждая политическая система основывается на совокупности смыслов и целей. Мы говорим об «установках по отношению к политике», «политических ценностях», «идеологиях», «национальном характере», «культурном этосе». Трудности с этими терминами связаны с их размытостью и неопределенностью. Понятия ориентации в отношении деятельности и эталонные переменные удобны, т. к. они, по крайней мере, стремятся к логической четкости и полноте» (Almond, 1956, p. 396).

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Девиз элит всех времен «*nostantumpostulooptimus*» («нам нужно только лучшее») оказывается неприменим к ним самим. Обществу необходимо, чтобы элиты действительно были самыми лучшими. Но на практике слова расходятся с реальностью, и общество в итоге получает то, что «элитой» становится по формальным её основаниям. Расхождение формы с содержанием обычное для элит дело. Содержание элиты оказывается чуждым ее форме. Элиты вступают в пору кризиса своей идентичности, утрате своих элитных качеств.¹ Поиск утраченной идентичности приводит политические элиты в театр политического абсурда, заставляет их применять карнавальную политическую культуру. *И утрата идентичности означает ее новый поиск.*

Переживаемый ныне мировым сообществом глобальный политико-экономический кризис все чаще воспринимается как кризис леги-

---

¹ Германский философ В. Хёсле (*Vittorio Hösle*) кризис идентичности определял как специфическое взаимоотношение между «я» и самостью: «Его сущность состоит в отвержении самости со стороны “я”... Кризис идентичности происходит болезненно. Я бы сказал, пожалуй, что он является самым болезненным жизненным переживанием... сущностью [кризиса коллективной идентичности является] уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали... успешно преодоленный кризис идентичности является важным моментом развитой идентичности» (Хёсле, 1994, стр. 117, 121).

тимности.² Он оказался серьезным ударом по политическим ценностям западного мира, поколебав до основания его широко разрекламированные доктрины мультикультурализма, толерантности и глобалистического либерализма.³ Выхолащивание ценностей – один из главных признаков карнавализации политической культуры. Современный политический карнавал возникает как следствие того, что существующий мировой порядок выдохся и нуждается в обновлении и перезагрузке. Осознание того, что нынешний мировой порядок деградировал, приводит истеблишмент к попыткам его восстановления и стремления занять в нем прежние лидирующие позиции.⁴ Карнавальная политическая культура лишь провоцирует беспорядок, усиливая деградацию политической системы. И как показывает политическая история, именно политические элиты первыми на себе ощущают эту деградацию и первыми впадают в состояние карнавальная политической культуры (Ашин, 2010).

Ещё С. Хантингтон указывал на то, что идентичность представляет собой «самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность присуща даже новорожденному, у которого она определяется такими признаками, как пол, имя, родители, гражданство... Идентичность важна потому, что определяет поведение человека. Если я считаю себя ученым, я буду вести себя соответственно этому представлению» (Хантингтон, 2004, стр. 50). Но субъекты элит ведут себя не так, как он них ожидает идеалистически смотрящая на них публика. Некоторые (из-за демократической стеснительности) даже не относят себя к элите. И то поведение, которое нам демонстрируют

---

² Так, британский журналист Тони Барбер отмечал, что «сегодняшняя реальность состоит в том, что экономический кризис, независимо от своего происхождения, смешивается с потенциально далеко идущим кризисом легитимности европейской политической системы... Чем больше долговой кризис подрывает послевоенный социальный контракт современной Европы, тем меньше остается доверия избирателей к политической системе, которая рассматривается как нарушитель сделки» (Цит. по: Арбатова, 2013, стр. 23).

³ Даже бывший британский премьер-министр Дэвид Кэмерон был вынужден признать, что «толерантность, основанная на невмешательстве в дела тех, кто отвергает западные ценности, себя не оправдала. Необходимо перейти к «мускулистому либерализму», при котором национальная идентичность формируется за счет демократии, равных прав, главенства закона и свободы слова». - Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурности. Русская служба BBCnews. 02.02.2011. - URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed

⁴ В марте 2018 г. президент одного из старейших в США «мозговых центров», Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations) американский дипломат Ричард Хаас (RichardNathanHaass), высказался по поводу того, что либеральный мировой порядок деградировал настолько, что его уже нельзя называть ни мировым, ни порядком как таковым. Но «прежде чем наступит конец миропорядка, ему будет предшествовать период его длительной деградации, и этот процесс никак не может быть внезапным и скоропостижным» (Хаас, 2019).

представители формальных элит, указывает на их культурные коды и мотивацию. Конструкция идентичности элит может меняться как под воздействием исторических реалий конкретной эпохи, так и новейших достижений науки. Очевидным конструктором ценностей элит является элитология. Но на практике можно слышать, что данные теоретической элитологии в отношении элит недостоверны, что достоверны только данные эмпирической элитологии, занимающейся замерами конкретных элитных сообществ. Но такая элитология не в состоянии ответить на вопрос, *действительно она исследует элиту, или то, что себя выдает за неё?* Ответ на этот вопрос является самым принципиальным для науки.

Рассматривая современные правящие элиты сквозь призму карнавальской политической культуры, мы видим, что они утратили свою прежнюю идентичность и потеряли привычный смысл существования и заняты поиском нового. Причем поиск этот не всегда оказывается для них позитивным и успешным. Элиты пытаются заново сконструировать свою идентичность, отобрав для этого новый набор ценностей и норм.⁵ Но то, что творится у них с их коллективным сознанием и как они конструируют свою новую субъективную реальность, вызывает удивление и осуждение. Напомним, что феноменологическая социология (П. Бергер и Т. Лукман) считает идентичность «ключевым элементом субъективной реальности» (Berger, & Lukman, 1995, p. 279). Полный и окончательный уход в глубины субъективной реальности может грозить полной потерей идентичности, которая растворяется в частностях и оказывается неспособной собраться в нечто единое целое.

Вместо «конца истории», описанного Ф. Фукуямой в качестве окончательного торжества либерализма и открытых рыночных отношений (Fukuyama, 1989), в настоящее время мы наблюдаем кризис ядра «мейстримной» политики, связанного с наступлением «Великой Рецессии» (Stiglitz, 2010). В политических элитах рецессия их элитности уже давно переросла в кризис их профессиональной идентичности. В последнее время вообще участились случаи обвинения западных политиков в некомпетентности, халатности и близорукости проводимой ими политики (Литвак, 2018, стр. 168). Внутри самих элит

---

⁵ Все тот же С. Хантингтон отмечал, что: «Идентичности в общем и целом представляют собой конструкции. Люди конструируют собственные идентичности, занимаясь этим, кто по желанию, кто по необходимости или по принуждению», а также, что «...индивиды склонны менять идентичности» (Хантингтон, 2004, стр. 51, 50). Если субъект элиты разделяет уже существующую систему ценностей, по которым определяется элита, то это значит, что он принимает данные проверенные опытом и наукой; если нет, и начинает ломать прежнюю систему, значит ему свойственен революционный порыв, который может его привести не туда, куда он сам себе планирует.

нарастает разочарование и усталость от проводимой ими политики. И некоторые политики, уже не стесняясь, об этом говорят.⁶

Политики, не стесняясь, обвиняют друг друга не просто в плохом понимании текущих политических событий, но и в откровенно умственном маразме, нравственной деградации и профессиональном вырождении. Дегенеративность элит становится предметом открытого обсуждения и на страницах научной и мемуарной литературы, фактически являясь результатом отрицательной селекции элит. Политический карнавал и проявляет себя как мир выродившихся элит – элиты деградировали и не способны рожать позитивные смыслы. Субъект таких элит может характеризовать себя как вполне успешный руководитель, талантливый менеджер и профессиональный деятель, отождествляя себя с самыми лучшими эталонами своей культуры и цивилизации. Но эти характеристики будут являться характеристиками мифологии его жизни и мифа о нем. Он всегда будет стремиться к предельно широкому пониманию (в котором теряются конкретные смыслы его бытия) самого себя, понимая, что в узком (специальном) понимании он как субъект элиты проигрывает по всем параметрам.

В идентификации важная роль отводится дифференциации на «мы» и «они». И весьма часто именно юмор и политическая сатира являются красной чертой разводящих «нас» и «их» по разные стороны. Карнавальные политические элиты ведут себя так, что вызывают осуждение и осмеяние своей деятельности. Карнавальность означает великую подмену действительного на мнимое, иллюзорное. То, что раньше казалось смешным, становится суровой реальностью; поруганное обретает святость, а прежняя святость оказывается никчемной заурядностью. То, над чем в прошлом не допускалось смеяться, оказывается в эпицентре гомерических издевательств. Переросший в хохот смех, сам себя убивает, поскольку теряет свою идентичность. Так и достоинства элит нивелируют в сторону утраты совершенства качества, гонясь за мнимыми достоинствами.⁷

---

⁶ Так, например, бывший посол Франции в Югославии Ж.-М. Шеню вспоминал, что его служба в этой стране стала самым настоящим разочарованием, после того как ему пришло осознание отрыва политики Парижа от реальных событий и противоречия с французскими и европейскими этическими принципами и целями (Chenu 2002, p. 129).

⁷ Карнавальность разрушает идентичность элит, делая их неузнаваемыми, прежде всего для них самих. И подобное их состояние указывает на трагикомичность их бытия. Трагедия элит (потеря ими элитности) делает их объектом для осмеяния. Ещё академик А.В. Дмитриев в качестве одной из функций политического юмора как раз и называет «функцию идентификации, дифференциации и сплоченности» - именно различные направления юмора подчеркивают дистанцию между «мы» и «они» (Дмитриев, 1998, стр. 174-177, 271).

Современное человечество застряло между поздним индустриальным обществом и ранним постиндустриальным миром. Ценности первого стремительно обрушаются, ценности последнего мучительно рождаются, неся многочисленные ошибки и просто незапланированные материальные издержки⁸.

Диагноз современной эпохи указывает на то, что элитам надлежит готовиться не к культуре потребления, а к технологиям выживания. Но выжить в условиях завышенных потребностей к потреблению они уже практически не могут. Все перечислено нами выше свидетельствует о том, что данный исторический вид элит себя полностью уже исчерпал...

КРИЗИС ЭЛИТНОСТИ В ЭЛИТАХ

Еще Платон утверждал, что для здоровья государства необходимо избавить (изгнать) его поэтов и тех деятелей культуры и политики, которые своими пустыми баснями вводят народ в заблуждения, увлекая его иллюзиями, в которые тот по своей доверчивости и наивности охотно верит (*Государство*, 377b; 392b)⁹ (Платон, 1994). За это Платона много раз обвиняли в симпатии к тоталитаризму и в попытке установить тиранический вид власти (Поппер, 1994, Т.1. стр. 123 и далее). Так, насколько Платон был не прав? Или в его словах есть рациональное зерно?

Ведь еще отец диалектики Гераклит обратил внимание на то, что «многознание уму не научает», иначе бы самыми мудрыми считались болтуны, такие как Гомер и Гесиод, придумавшие о богах всякий неправдоподобный вздор. Иными словами Гераклит и Платон считали, что Гомер и Гесиод являются не просто баснописцами, но и представителями карнавальная политической культуры, которые своими баснями вводят общественное сознание в заблуждение. Именно против

---

⁸ Известный британский социолог польского происхождения профессор Лидского университета Зигмунт Бауман (*Zygmunt Bauman*) (1924-2017) оценивал современный мировой порядок как «период *interregnum*», характеризующийся состоянием неуверенности и непредсказуемости. *Interregnum* - это состояние, когда «старое уже не работает, а новое еще не народилось. Или народилось, но мы его еще не замечаем, потому что этот новорожденный скулит так тихо, что мы его не слышим» (Бауман, 2008).

⁹ Изгоняя лживых поэтов из своего идеального государства, Платон делает исключение только для правителей-философов, которые имеют монополию на мифотворчество: «Уж кому-кому, а правителям государства надлежит применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан для пользы своего государства, но всем остальным к ней нельзя прибегать... Если правитель уличит во лжи какого-нибудь гражданина, он подвергнет его наказанию за то, что тот вводит губительный обычай, переворачивающий государство, как корабль» (*Государство*, 389c-d) (Платон, 1994). Таким образом, поэтов следует изгнать не за то, что они «лжецы», а за то, что их «ложь» расходится с государственной.

этого заблуждения и выступали они. Платона следует считать первым критиком пороков карнавальной политической культуры, а не обвинять его в симпатиях к тоталитаризму.

В отличие от классов, элиты призваны выполнять определенную роль.¹⁰ Роль управления сложными политическими и социокультурными системами. И именно по этой их деятельности их и оценивают, и судят. Главный тезис *элитаризма* о том, что *история развития элит идет от лучшего к лучшему*, не подтверждается на практике самими же современными элитами. Практика не просто не подтверждает, а фактически опровергает этот тезис. На самом деле мы видим повсеместное ухудшение качества политических элит и их лидеров, открытую деградацию в них их профессиональной компетентности и ответственности.

Современные политические элиты исторически боятся своего образа будущего, потому что теряются в своем сегодняшнем определении и не видят себя в будущем. Именно поэтому они и не желают ничего в себе менять. Они осознанно прерывают свое естественное развитие, как самостоятельный путь осознанных изменений. Западные элиты не собираются менять своих ценностей, поскольку считают их универсальными и вечными. Но мы видим, как эти «вечные универсалы» выхолащиваются и превращаются в пустые политические формулы. Аксиологический кризис элит – самое страшное, что с ними вообще может случиться во всемирной истории. И это происходит сегодня на наших глазах.

В карнавале мы сталкиваемся с феноменом замаскированного авторства, когда непонятно кому что принадлежит. Все становится всеобщим. Перед нами оказывается карнавальный коммунизм, где каждый вправе себе присваивать не только тексты, но и образы самих героев (начав жить не своей жизнью, а жизнью выбранных им героев) (Бахтин, 1979, стр. 28). Участники политического карнавала утрачивают свободу восприятия, и вместе с этим они утрачивают себя самих, приобретая в себе чужого.¹¹ Разрушение идентификации это и есть проникновение в вас чужого. Политические элиты в этом смысле перестают быть элитами, поскольку в них возобладают чуждые для элит свойства и качества.

Кризис элитности в элитах наглядно проявляется в деградации их профессионального политического языка – речь бедна и безлика.

---

¹⁰ Как отмечал А. Этциони, термин «класс» является понятием социальной стратификации, а понятие «элиты» относится к понятию социальной роли (Etzioni, 1968, p. 113)

¹¹ Еще М. М. Бахтин указывал на то, что точная идентификация состоит в преодолении «чуждости чужого без превращения его в чисто свое» (Бахтин, 1979, стр. 371):

Язык стал катастрофой для элит. Образное мышление крайне примитивно и заменяется мишурой лозунгов и клиповым сознанием. Политический эфир забит «былым шумом». Элиты перестали реализовывать крупные и эффективные программы с выходом на конкретную реальность. Они все больше уходят в удобный для них ими же самими выдуманный мир иллюзий и сюрреализма. *Современные политические элиты говорят что угодно, а делают, что умеют.*

Несерьезное отношение самих политиков к политическим проблемам было уже давно замечено общественностью. Публика поняла, что власть ведет себя неадекватно вызову современности. Слова политиков потеряли вес, утратив доверие со стороны общества. От политической «прислуги» мы все чаще слышим такие комментарии, что политика, дескать, не правильно поняли, что он хотел на самом деле сказать совсем другое («*произошла путаница и президента неправильно поняли*») (Титур, 2018, р. 1). Происходит эрозия элитного качества в правящих элитных сообществах. Объяснение этому может быть только одно – возобладала отрицательная селекция элит (когда к власти пришли университетские «троечники», которыми управляет «академический двоечник»). В настоящее время мы наблюдаем элитарность (статусные привилегии) без элитности (личного достоинства). *Элитарность без элитности приводит к деградации элиты как социокультурного руководящего начала.*

Диагноз, который чаще всего выносится современным политическим элитам и их лидерам, характеризует их как сообщество весьма сомнительных субъектов власти, ведущих карнавальный образ жизни. Карнавал стал образом их повседневного существования, особым стилем мышления и рутинного профессионального поведения. Карнавал их состоит из бесконечного числа дипломатических и государственных приемов, заседаний, переговоров, совещаний, брифингов, банкетов и т.д., и т.п. Калейдоскоп этих событий и есть суть бытия политических элит и их лидеров. Возникает вопрос: что определяет что – переживаемый в настоящее время элитами кризис идентичности и профессионализма или господствующая в них карнавальная политическая культура? Карнавальность была выбрана ими осознанно, поскольку не хватало профессиональной компетентности и была необходимость завуалировать эту свою элитную несостоятельность. Такие элиты могли функционировать только в подобной скорректированной ими среде обитания. Объективная реальность была для них слишком жесткой и враждебной, чтобы они могли в ней выжить. Таким образом, карнавальность стала маскировкой некомпетентности, и сама затем многократно порождала ее, тиражируя определенный стиль бытия.

Карнавальная политическая культура противостоит политическим культурам объективной реальности, уход из которой стал общим диагнозом ныне правящих элитных политических сообществ. В карнавальном мире подменяется даже само понятие «элита». Роль элиты играет субъектами весьма далекими от реальных характеристик элиты. Они имитируют то, что являются элитой лишь по простой причине того, что занимают высшие формальные позиции (должности).

Выражение «британский политик» уже стало таким же мемом, как и выражение «британский ученый». И в скором времени для того, чтобы вообще разумно разговаривать с такими политиками, необходимо будет требовать от них справку об их психиатрическом освидетельствовании. Выдвигаемые британскими политиками обвинения в адрес России, действительно носят клинический характер и свидетельствуют о полной потере ими связи с реальностью. Причиной такого аномального поведения является патологическая обида, вызванная результатом чудовищного столкновения комплекса бывшего имперского величия и нынешнего комплекса политической неполноценности (профессиональной несостоятельности).

Деграция профессиональных качеств политических элит неизбежно приводит их к карнавалу, которая есть имитация всего того, чего она касается. Карнавал есть выход за зеркальцем на авансцену политической жизни. Описанный еще в середине XIX в. Льюисом Кэрроллом (Lewis Carroll) в «Страны чудес», самым удивительным образом передает характер и содержание политического карнавала (Carroll, 2015). Политический карнавал превращает сюр в некое подобие реальности. И мы видим, как политические элиты с низким коэффициентом профессиональной организации погружаются в пучину карнавала «Страны чудес».

Политический карнавал порождает целый класс бездарных, серых политиков, неспособных решать серьезные исторические проблемы. Они боятся оставаться наедине с этими проблемами. Боятся и потому всячески их избегают. Карнавал как раз и есть такое убежище. Наблюдая за политическими элитами, мы повсюду видим торжество отрицательной селекции элит - с порицанием осмеиваются способные лица, а поощряются только те, кто не является конкурентоспособным.

В политическом мире слишком часто желаемое становится действительным, но со знаком «минус» - стремились к одному, получили

нечто совершенно другое.¹² Из-за этого и возникает когнитивный диссонанс, способный разрушить мышление не только отдельно взятого индивида, но и целой группы, даже если это элитная группа единомышленников.

В планах таких политиков могут находиться ровным счетом ничего не значащие, но «грандиозные» (по их мнению) проекты. В действительности их тактика заключается в том, чтобы пустить все на самотек и делать вид, что ничего не происходит. Подобного рода практики, как правило, приводят к катастрофическим последствиям – войнам, государственным переворотам, социальным кризисам и подобного рода «неприятностям», на фоне которых все забывают об их коррупционных махинациях, фальсификации и уничтожении реальных демократических прав и свобод. Сами они прекрасно понимают, к чему все идет, и приближают страшные итоги своих действий.

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

На примере современных политических элит мы видим, как карнавальность вытесняет из них их реальные качества, заменяя их фейковыми достоинствами и такими же сомнительными достижениями. В качестве ценностей карнавальная политическая культура создает мифы и фейковое политическое пространство, которые и становятся их главной политической ценностью. Политический карнавал – это потеря смысла реального и погружение в дремучее мифологизированное состояние, в котором оказывается востребованной любая несусветная дичь.

Превращение реальной политики в карнавальную форму проходит через несколько этапов своей трансформации. На первом этапе политики осознают наличие дефицита элитности в них самих как элите и понимают невозможность ликвидировать этот недостаток законными средствами. На втором этапе они совершают подмену действительности на удобную для них историю, в которой они выглядят как

---

¹² Американский политолог У. Энгдаль в своей книге *«Предначертание судьбы. Демократия как когнитивный диссонанс»* прямо указывал на этот разрыв всех политических шаблонов: «За пределами небольшого круга старших должностных лиц ЦРУ, Госдепартамента и Пентагона США, а также их союзников в избранных вашингтонских аналитических центрах, таких как Американский институт предпринимательства или нью-йоркский Совет по международным отношениям, мало кто понимал, что Вашингтон собирается развязать интенсивные согласованные усилия по смене режимов в бывших коммунистических странах Восточной Европы, на Украине и в недавно образованной Российской Федерации. Их лозунгом были «демократия по образцу США, свобода, права человека, неолиберальный свободный рынок». В реальности это стало новыми тираниями, а в некоторых случаях, таких как Украина, это стало гораздо хуже, чем то, что было при Советском режиме» (Engdahl, 2018).

настоящая элита. И, наконец, третий акт этой политической комедии/трагедии – вовлечение в эту историю политического актива (той части общества, которая интересуется политикой и является их электоратом). В результате возникает искаженная политическая реальность карнавального типа.

Карнавальная политика представляет собой практику правящих элит и их лидеров, направленную на замалчивание важных проблем и акцентирование внимания на второстепенных сложностях, решения которых не требует от них высокой профессиональной компетенции. В результате во власти оказываются лица с весьма ограниченными интеллектуальными, волевыми и моральными данными и весьма сомнительными достоинствами. Основой их политической деятельности становятся фейки, между которыми и возникает конкурентная борьба. В сущности своей карнавальная политика и есть парад фальсификаций и манипуляций с политической действительностью.

Утрата элитами своей идентичности приводит их к самозванству – они начинают выдавать себя за то, чем в действительности не являются. Самозванство уже предусматривает наличие не просто обмана, а системного действия (сговора), порождающего интригу, характерную для театральных пьес авантюрного характера. Именно трикстеры склоняют карнавальных дураков наразличного рода авантюры («*aventure*»), перенося на них возникающие риски своих сомнительных проектов. Трикстер – авантюрист («*aventurier*») и у таких политиков беспринципность в крови. В поисках своего счастья такие проходимцы готовы поставить на кон не только свою собственную жизнь, но и жизнь других. Один раз, переступив через мораль, они всегда будут стремиться находиться в таком состоянии – в состоянии иллюзорной абсолютной свободы. При этом участники карнавала оказываются неспособными просчитать риски, которые им несут эти их авантюры. Достижение легкого успеха, они воспринимают за одержанную ими победу. Но плоды от этих побед совершенно пустые. Сама по себе авантюра порождает азарт и эмоциональное возбуждение. Она становится главной целью жизни подобных «деятелей».

Популярными становятся позорные темы и скабрзные истории, в которых политики сами себя делают фриками. Выясняется, что в современном мире от популярности до откровенного троллинга один шаг. И политики постоянно переходят эту красную черту, даже не замечая этого. Политический карнавал превращает политиков в нелепых фейков, с фанатичным блеском глаз и лишенных всякого критического мышления, в воспаленном мозгу которых рождаются несусветные глупости.

Субъекты политического карнавала всегда выдают себя за более крупные величины, чем они есть на самом деле. И в этой подмене вся их суть. Затевая карнавальную возню, они надеются сравняться с реально крупными действующими политическими субъектами, хотя бы чисто зрительно встать рядом с ними. Даже простое упоминание их с такими величинами в СМИ, придаёт им авторитет в глазах их сторонников (поклонников).

КАРНАВАЛ КАК АНОМАЛЬНАЯ ЗОНА ПОЛИТИКИ

Когда большинство слов политиков повисают в воздухе, а сами они выглядят неубедительными на фоне серьезных политически событий, то таких деятелей подготовленная публика склонна расценивать как демагогов, устроивших очередной политической спектакль. Громкие политические заявления экспертным сообществом расцениваются как откровенную глупость, поскольку они звучат без должного объяснительного и доказательного сопровождения. Экстрим карнавальная политическая культура заключается в ее непредсказуемости и необъяснимости, склонности к хаосу, затрудняющему рациональное постижение этой сюрреальности.

Сущность карнавальности заключается в необъяснимости происходящего - то, что непонятно публике и что раздражает ее, чаще всего оказывается плохо необъяснимо теми, кто за всем этим стоит. В одном и том же выступлении такой политик может утверждать (сам того не замечая) взаимоисключающие вещи (Фёдоров, 2019, стр. 58). Карнавальная политическая культура характеризуется «качелями настроений»: отношения к тем или иным политикам могут столь стремительно меняться с позитивного на негативное, что за этими переменами политическая наука не всегда успевает. На конкретных примерах новейшей политической истории мы знаем как первоначальная «иррациональная эйфория» переходит в свою противоположность, и становится «иррациональной критикой».¹³ Но дать всему этому рациональное объяснение бывает не в состоянии даже политическая герменевтика.

Участники политического карнавала постоянно выдают желаемое за действительное. Самое главное громче всех прокричать, что они самые лучшие, потому что они герои и ведут за собой все челове-

---

¹³ «Emmanuel Macron est très courageux», estime Frédéric Mitterrand sur RTL. - URL: <https://www.rtl.fr/actu/politique/frederic-mitterrand-emmanuel-macron-est-tres-courageux-7795672031> (15.01.2018)

ство.¹⁴ Имиджи политиков постоянно балансируют на грани адекватности и законности, и в экстремальных условиях приводят к ухудшению их персонального имиджа и конкурентного рейтинга. При этом реальные профессиональные качества отходят далеко на задний план и не принимают участие в этих «рейтингах».

Политический карнавал становится аномальной зоной политики, в которой всё подвергается своему искажению. Это место, где ложь активно рождает новую реальность, оторванную от объективности, но всеми охотно воспринимаемую за таковую. Аномальная зона политического карнавала занимается тем, что разрушает одни нормы и пытается создать из этих обломков нечто иное, откровенно напоминающую собой химеру. Каноны карнавала – повтор уже известного, но только в перевернутом состоянии и совершенно искаженным смыслом. Политический карнавал меняет шаблоны действительности: он искажает смыслы слов, обрушивает основы восприятия культуры, расшатывает психику индивида, общества и власти. В результате происходит разрыв шаблонов между тем, что есть и тем, что желает общественное большинство и политическое меньшинство.

Политический карнавал искажает все базовые ценности, меняя их смыслы. Так лозунг Великой французской революции «Liberté, Égalité, Fraternité», на практике был подменен гильотиной, воинствующим атеизмом и французским империализмом. На фоне этих искажений лозунг «Свобода, Равенство. Братство» выглядел весьма комично и нелепо. Все это понимали, но делали вид, что этого не замечают. Почему? Потому что всем было так удобно. Многие аристократы и после смещения Наполеона продолжали играть в эту игру, и даже сделали символы французской революции национальным гербом, флагом и гимном республиканской Франции.

Именно усиление игры и игровых форм во властных структурах являются первым указателем на то, что политическое пространство

---

¹⁴ В декабре 2020 г. власти Британии первыми на Западе одобрили вакцину от коронавируса и решили заодно привить населению национальную гордость. Вышло весьма комично. «Наша страна намного лучше, и в ней живут самые лучшие люди»,— объяснил министр образования, почему британцам повезло больше, чем жителям США и Евросоюза, где вакцина еще не одобрена. «Всё благодаря брекситу»,— растолковал министр здравоохранения. Министр бизнеса взял выше и в твите написал: «Долгие годы мы будем вспоминать этот момент как день, когда Британия повела человечество в атаку против вируса» (в духе гимна «Правь, Британия!»). Патриотический порыв членов кабинета Бориса Джонсона вдохновил боготворящую его прессу и сторонников. Но озадачил и возмутил политических противников, экспертов, чиновников, дипломатов и медиков— как дома, так и за границей. Они напомнили триумфаторам, что одобренную ими вакцину Pfizer/BioNTech придумали и сделали в Германии и США, а производят в Бельгии. - «Исправь, Британия!» Как триумф по случаю одобрения вакцины обернулся конфузом. 04.12.2020. - URL: <https://news.mail.ru/society/44423618/?frommail=1>

начинает засеиваться семенами карнавальной политической культуры.¹⁵ Игровые практики весьма хорошо изучены современной отечественной политической наукой (См., например: Ветренко, 2003, 2009). Поэтому мы будем исходить из уже имеющегося анализа этого явления. Отметим лишь, что заигравшиеся карнавальные политики, выигрывая по мелочам, обычно проигрывают в конечном счете. Доигравшиеся до плачевного финала субъекты элит оказываются списанными и переходят в число зрителей политического карнавала.

Карнавальность начинает постепенно проступать в тех случаях, когда политик или те, кто выдает себя за политиков, начинают играть в политику, для которых политика перестает быть суровой необходимостью, и становится занятой случайностью. Описываемый нами случай наглядно виден на примере экс-политиков, для которых политика действительно оказалась делом случая. После завершения своей политической карьеры и написания апологетических мемуаров, такие политики больше себя ничем не проявляют, демонстрируя преступную для истории пассивность. Они фактически становятся аполитичными. Можно конечно предположить, что новые власти попросту не допускают их к активной политике, охраняя их как носителей государственных тайн. Но подобное предположение лишь отчасти объясняет нам природу этой ситуации.

КАРНАВАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ

Исследователи этого феномена отмечают о возросшей в последнее время частоте использования юмора в политике. И причиной тому являются сами политики – их низкий уровень компетентности. Их выдает собственный язык: они часто начинают фразу с одного тезиса, а заканчивают противоположным; любое понятие они немедленно выворачивают наизнанку, подвергая карнавальной травести (карнавал, по М.М. Бахтину, как раз и есть травестия – пародийное иносказание социальных и политических норм и правил) (Дмитриев & Сычев, 2005, стр. 549-550).

В современной карнавальности мы легко улавливаем значительное присутствие характерных черт *декадентства* – такой же отход от общественности и отвращение к повседневной жизни (*taedium vitae*), отрыв от реальности, существование политики для политики, как искусства для искусства и т.д., и т.п. Декадентские элиты замыкаются на

---

¹⁵ Согласно Платону, вся жизнь человека есть игра. Поэтому игра для всех нас является естественным поведением, поскольку все мы по природе являемся бессмысленными куклами (*thauma*) «великих богов» (*Законы VII, 803b-804b*) (Платон, 1994б).

своих интересах, живут исключительно сегодняшним днем и отрываются от масс, утрачивая понимание их нужд и стремлений. Элита оккупирована для элиты.

Карнавальная элита занимается тем, что ей выгодно сейчас, но что вряд ли может ей понадобиться в будущем (особенно ее будущим поколениям политиков). Они погружаются в иллюзию праздника жизни, свято веря, что он и есть та самая объективная реальность, в которой они существуют как главные и самые значимые субъекты.

В дискурсе политических элит мы явственно наблюдаем стремительное упрощение профессионального языка, в котором появились и утвердились элементы фамильярно-площадной речи, граничащие с вульгарной формой и откровенной бранью (Бахтин, 1990, стр. 8-9, 16). Политики перестали стесняться в выражениях. Они утратили этические барьеры, ранее не позволявшие им использовать ненормативную лексику. Жаргонные выражения стали нормой их политической речи. Их мало заботят приличия и мнение «высшего света». Сам их «высший свет» стал таким же, как и они – вульгарным и беспринципным («*mauvaiston*»).

Смех над элитами стал составной частью политической культуры. У этого смеха двойная природа: смех, порожденный самими субъектами элит, вследствие их нелепых действиями и высмеивание элит (сатира) со стороны публики (общественности), когда поруганию подвергаются их пороки и мнимые достоинства и достижения. В первую очередь политические элиты смешат публику своей неуклюжестью. Смеясь над представителями власти, общество освобождает себя от гнета власти. В этом смысле смех есть великая освободительная сила (Аверинцев, 1992, стр. 8). Осмеянная народом власть, уже не является для него сакральной и утрачивает значительную часть своей легитимности.

Карнавальные постановки всегда путают порядок действия. Поэтому никогда не ясно, является происходящее первым актом или это уже его финальная часть и скоро будет уже занавес. Короткая память формируется вследствие стирания истории, когда всё предыдущее превращается в некий комикс, в котором герой и злодей могут обмениваться позициями в зависимости от реализуемой здесь и сейчас политической цели.

Карнавал становится публичной сценой для «политических хомячков», уверовавших в то, что придуманный ими мир и есть та самая объективная реальность, в которой все должны жить и восхищаться ими как главными действующими лицами истории. Они существуют в мире своих фантазий и уподобляются детям, обсуждающим в песоч-

нице насущные проблемы, опираясь на прошлогодние сновидения и услышанные от бабушек сказки.

Западные политические элиты живут в культурных кодах общества, описанного еще Льюисом Кэрроллом (Carroll, 2015) и Джорджем Оруэллом (Orwell, 1949), как общество и политическая система карнавальной культуры. Это удивительный симбиоз и того, и другого; это утопия «кроличьей норы», где совершаются самые невероятные чудеса и глупости ханжества и парадоксальности, первыми жертвами которых становятся логика и совесть – два главных родовых признака человечества. Современная политика все больше напоминает такую кроличью нору.

Карнавальные политические элиты пытаются импровизировать, но своими действиями лишь умножают хаос. При этом уровень авторитета (доверия к такой власти) становится весьма сомнительным. В условиях политического карнавала авторитетом становится любая звенящая пошлость. Погружаясь в карнавальную политическую культуру, субъекты элит, сами того не замечая, начинают имитировать и даже пародировать самих себя. Якобы классические формы политики искажаются ими до неузнаваемости. Они активно занимаются конструированием иной сферы бытия, которая лишь кажется, но не является реальностью (Бахтин, 1990, стр. 11).

Карнавальная политическая культура дает возможность поливать всех политиков грязью, которая маскирует собой реальность. Создание ложных альтернатив, шараханье и паника, клоунада непостоянства, перманентные психозы и фобии - все это порождает и содействует развитию цепной реакции лжи. Создание ложных смыслов и ценностей (например, объявление налоговых каникул для бизнес структур, которые уже «скончались») является тоже карнавальностью, поскольку искажает объективную реальность. При этом параноидные настроения мешают объективно оценивать реальность. Подозрения в коварстве не дают им спокойно жить и править.

Одним их психологических элементов карнавальности политической культуры является часто повторяющаяся модель поведения субъекта власти – закрывать глаза на одни события и подменять реальную угрозу фейковыми страшилками. Ходить далеко за конкретными примерами, иллюстрирующими этот тезис, не приходится. Достаточно вспомнить русофобскую истерию, которую коллективный Запад развязал против России в 2010-е гг.

Презрение к интересам своего народа лидеры Европейского Союза показали во время Brexit, который они откровенно сделали как можно более сложным. Эта история показала, насколько политиче-

ское руководство ЕС презирает демократию. Марин Ле Пен утверждает, что лидеры ЕС никогда не подвергают сомнению себя. По мнению президента Франции Эммануэля Макрона, Европейскому Союзу нечего винить себя в том, что «британцы ушли, потому что они стали жертвами [собственной] лжи, манипуляций и т.д. Политики отказываются смотреть правде в глаза. Это проблематично для каждого лидера» (Garach, 2020).

Утрата нравственных ориентиров открывает перед субъектами элиты нищезанские перспективы – для них «бог умер» и им теперь можно все. Ощущение неограниченных возможностей играет с ними злую шутку. А именно – злая шутка начинает лепить из них неузнаваемые образы, искажая саму их человеческую сущность.

ЭЛИТЫ И АМОРАЛИЗМ

Злонамеренное искажение политической реальности происходит при условии исчезновения из этой сферы морали – моральной оценки и выхолащивание норм профессиональной и общечеловеческой этики. Сторонники политического реализма вообще стараются не рассматривать моральные критерии в качестве базовых оценок качества политических элит. Они исследуют их возможность использования статусных позиций, но мораль и личностные качества субъекта элит оставляют без должного на то внимания. Торжество макиавеллизма и означает достижение цинизмом своего наивысшего предела развития. Именно отсутствие совести становится главным мерилем элит.

В политической карнавальной культуре элиты занимаются морализмом лишь для того, чтобы уличить в аморализме своих конкурентов в борьбе за власть. И все это является следствием окончательной потери политиками совести. Торжество макиавеллизма выхолащивает душу политическим деятелям. Потеря совести у таких политиков приводит их к политической близорукости – они не видят того, что творится у них под ногами, зато громко кричат о том, что происходит на другом континенте (они не замечают творимого у себя насилия, но зато видят его самое минимальное проявление у других).

Исторической науке хорошо известно, как можно превратить политического деятеля в комическую фигуру, приписав ему совершение неких аморальных поступков. Достаточно бывает просто переодеть его в женское платье (как это случилось, например, с А.Ф. Керенским в октябре 1917 г.), чтобы навсегда испортить ему его и без того сложную репутацию. Злонамеренное превращение своего оппонента в

трикстера, приводит к десакрализации его власти и авторитета.¹⁶ Как фрагмент политической истории политический карнавал может на время перехватывать инициативу и становится главным событием. Но это торжество карнавальной политической культуры носит, как правило, кратковременный характер, если вслед за одним актом политического карнавала не следует другой, а затем и третий... Политический карнавал состоит и часто распадается на отдельные действия в виде театра абсурда, балагана, цирка или психиатрической клиники. Тотальный балаган – не только «хлеб и зрелище», но и банальное воровство кошельков у ротозеев во время самого яркого действия.

Нынешние политические элиты перестали производить ценности и перешли на исключительное потребление того, что было создано их предшественниками.¹⁷ За последние 20-30-40 лет не было сформулировано ни одного нового смысла и ни одной ценной системы идей. Многие из политических систем вступили в период «морального износа», когда уже перестали нести ответственность за свои страны и народы: «моральный износ власти является очень серьезной угрозой с точки зрения стабильности современных политических режимов. Подспудный общественный протест, вызревший внутри вследствие целого ряда факторов, может привести к резкому всплеску политической конфликтности и даже крушению внешне вполне устойчивых режимов» (Шатилов, 2020, стр. 17).

Опыт переоценки всех ценностей приводит экспериментаторов к отрицанию всех моральных норм, к антиморали. «Антимораль — это не просто особенности ценностных ориентаций и поведения какой-либо социальной группы, а открыто враждебная традиционной морали, воинствующая идеология перемены местами "белого" и "чёрного", добра и зла, правды и лжи. На протяжении человеческой истории антимораль в основном развивалась в рамках двойной доктрины синкретических, эзотерических учений гностического толка (катары, вальденсы, розенкрейцеры, масоны), которые, эксплуатируя понятия сво-

---

¹⁶ По этому поводу исследователи отмечают, что «трикстер аморален, с точки зрения существующей этической системы культурного героя. Он стоит на грани мира человеческого общества и первобытного мира Дикой Природы, поэтому с точки зрения социального человека смешон, нерассудителен или бессознателен. Обладает зачастую ярко выраженными чертами соблазнителя – гиперсексуала и обжоры. Склонен к переодеванию женщиной и/или перемене пола» (Гаврилов, 2006).

¹⁷ Еще Р. Мертон писал по этому поводу (имея в виду общую тенденцию развития): «Если в прошлом носители биографий... представляли собой “идолов производства”, вышедших из недр промышленности... то нынешние герои являются “идолами потребления”, почти поголовно пришедшими из индустрии развлечений и мира спорта» (Merton, 1946, p. 145).

боды, знания, гуманизма, постепенно подводили человечество к мысли о необходимости и неизбежности земной "жизни во Зле", а значит, и поклонения хозяину этой проявленной материальной жизни — "князю Зла-Демиургу"» (Тяпин, 2015). Особенно сильно эти тенденции проявляются во время абсолютного расцвета и особенно на закате могущества империи.

Карнавальная политическая культура имеет страсть к помпезным парадом, шумным демонстрациям и факельным шествиям с использованием яркой политической символики. В политическом карнавале все показушно – и глупость, и жестокость, и героизм, и т.д., и т.п. Главное для него – реклама и самопиар. Политический карнавал призван легализовать и легитимировать некоторые табу и сам факт перешагивания через порог запрета, преподносится в качестве главного его достижения. Разрушая запреты и провозглашая лозунг тотальной свободы, карнавал тем самым впадает из одной крайности в другую – он совершает переход от строгого порядка (где господствует диктат запрета) к анархии хаоса (безответственному проявлению эго). Получившие подобную свободу лица, ощущают себя избранными, видят себя в качестве вершителей исторических судеб. Именно таким и нужен эффект «конца истории», когда все, что было до них, объявляется несущественным и ненужным. «Конец истории» есть крах конкретных систем ценностей, есть «убийство аксиологической целостности».

«КОНЕЦ ИСТОРИИ»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ «2020»

На наших глазах заканчивается эпоха идеи либеральной демократии, господствовавшая в США в качестве базовой идейной доминанты. Исчерпали себя смыслы либеральной идеологии. Общество и власть заняты поиском новых смыслов, которые все еще не могут сформулировать в качестве полноценных идеологических концепций. Элиты, приверженцы этих идеологических догм, растеряны и не знают, что им делать. Обещанного выгодного для них «конца истории» не случилось. Конец истории обратился теперь против них, внося в их ряды разлад и смятения.¹⁸

---

¹⁸ Для англосаксов действительно наступил конец истории их мирового могущества. Он совпал с еще одним концом истории – мучительным завершением позднего индустриализма и мучительным рождением века постиндустриализма. Добавить к этому еще идеологический кризис западного либерализма и картина в целом будет завершена. Очередная вспышка на Западе эпидемии вируса русофобии, как раз свидетельствует о том, что этим элитам нечего предложить своим народам и они вынуждены карнавализовать свой политический процесс, чтобы удержаться у шатающейся у них под ногами власти.

Концом истории элит неизбежно является политический карнавал. И мы неоднократно видим, как на протяжении всей политической истории человечества подобные истории случались с пугающей регулярностью, неизменно подводя итог бытия конкретных элитных сообществ. Политика погружается в карнавальность тогда, когда политики перестают исполнять свои прямые профессиональные обязанности и начинают активно имитировать свою бурную деятельность.

Усиление культуры политического карнавала указывает на конец истории традиционных политических культур. В этом смысле политический карнавал есть реализация концепции «конца истории» - политики по отмене всего исторического прошлого, как отжившего и ненужного, как отрицания позитива в наследии предков. Продолжением развития этого тезиса являются постоянные ожидания «конца света» в результате какого-то экстраординарного события – новой мировой войны, глобального финансово-экономического кризиса, катастрофического природного события и т.д. В 2020 г. таковой вселенской историей стала пандемия коронавируса.

В 2020 г. в связи с Covid-19 политические элиты ушли на временный карантин. Они не только самоизолировались друг от друга, но и выставили некоторые заградительные (охранительные) барьеры и в отношении своих обществ (речь идет о запрете на массовые политические акции) и политических партнеров. Для современных политических элит Covid-19 стал своего рода катализатором их ненормативных практик, усилив их психоз, расшатав и без того их хрупкую устойчивость к подобного рода стрессам.

Именно карантин 2020 г. выявил внутренние противоречия, существующие в элитах и тщательно ими маскировавшиеся. О политическом карантине заговорили в ЕС, когда был приостановлен шенгенский процесс и страны самоизолировались друг от друга. Но более серьезная самоизоляция связана не с пандемией коронавируса, а с попытками нивелировать начавшийся новый мировой кризис. В данном смысле политический карантин означает разрыв прежних политических контактов между национальными лидерами и экономических связей соответствующих структур (фирм и деловых партнеров).

Современные элиты являются жертвами процесса демократизации и омассовления политических и общественных систем, которые происходили в течение всего XX столетия. Либеральная демократия построена на играх избирательных циклов, носящих для их общества развлекательный характер. Легитимность такой демократической игры становится процедура передачи власти от одной бутафорской элиты к другой. Влияние же на выбор самого общества оказывается фор-

мальной. Процедура выбора всего лишь замаскированный способ выпуска социального пара.

Политические элиты ушли на карантин связанный с пандемией Covid-19, забыв поставить «на паузу» политику. В результате этого с ними стали происходить всякого рода странности, которые ранее были скрыты от взора эмпирической элитологии существующим политическим закулисем. Раскрытие истинной природы политического закулисы, спасает многих от «пагубного идеализма» в оценках власти. Раскрытие подобных тайн чревато для тех, кто это делает потерей «безупречной» репутации, ибо в этом обществе не принято писать откровения о тех, кто еще находится у власти (Гейтс, 2014).

ВЫВОДЫ

Карнавальная политическая культура представляет собой клоунаду политического цирка, который ворвался на подмостки политического театра и вытащил закулисы на авансцену. Он выворачивает наизнанку всю подноготную большой политики, которую ранее она стыдливо скрывала от публики. В этом смысле *политический карнавал есть саморазоблачение элит*. Политический карнавал означает окончательную потерю политическими элитами стыда. Совесть перестает для них быть ценностью их бытия. Благодаря Н. Макиавелли, мы знаем, что политик, исключивший этику из своей повседневной профессиональной деятельности, неминуемо превращается в зверя, объявляя при этом себя сверхчеловеком. На самом деле, утрачивая человеческое обличье, такие политики превращаются в бесят. Вслед за потерянной этикой, они также теряют логику рационального мышления и чувство меры. Именно эти потери мы и обнаруживаем в базовых характеристиках современных политических элит.

Потеря элитами своей идентичности указывает на кризис элитного качества в элитах – самое страшное событие в их жизни, поскольку содержит в себе обвинение в их профессиональной некомпетентности. Утрата идентичности современных элит связана не только с их профессиональной деятельностью, но и с кризисом их общей культуры (деградацией моральных основ). Политическая карнавальность и есть попытка удержаться в политике, находясь за рамками морали. По ту сторону морали элиты могут мнить себя сверхчеловеком. Мнить, но не быть. Именно мораль оказывается главным препятствием на пути к безграничному господству эгоизма субъекта карнавальных элит. Отказаться от морали, значит для них обретение окончательной свободы. Свободу, не предусматривающую никакой ответственности.

В современных политических элитах мы обнаруживаем утрату реальности и яростное (просто отчаянное) замещение ее символическими единицами. Бороться с этим недугом можно лишь серьезно изменив систему координат, т.е. только изменив алгоритм их мышления. Обычные моральные увещания тут не помогут. Необходимо не возвращать им утраченную в ходе эволюции мораль, а вернуть само чувство реального на главных уровнях — политическом и культурном.

Список литературы

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Berger, P. L., & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Doubleday.
- Carroll, L. (2015). *Alice's Adventures in Wonderland*. «Macmillan Publishers».
- Chenu, G.-M. (2002). Balkans (1991-1995): Uneamère experience. In S. P. Cohen (Ed.), *Les diplomates. Négociers dans un monde chaotique* (pp. 128–139). Autrement. (In French).
- Dusseaulx, A.-C. (2018). Trump, Macron et l'armée européenne: Une passe d'armes en quatre actes. *Journal de Dimanche*. Retrieved from <https://www.lejdd.fr/International/trump-macron-et-larmee-europeenne-une-passe-darmes-en-quatre-actes-3797597>
- Engdahl, W. (2018). *Manifest Destiny: Democracy As Cognitive Dissonance*. Wiesbaden: mine.books.
- Etzioni, A. (1968). *The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes*. New York: The Free Press.
- Fukuyama, F. (1989). The End of History? *The National Interest*, (16), 3–18.
- Garach, C. (2020, February 4). Entretien avec Marine Le Pen: “L'Union européenne fonce dans le mur.” Retrieved from Euronews website: <https://fr.euronews.com/2020/02/04/entretien-avec-marine-le-pen-l-union-europeenne-fonce-dans-le-mur>
- Merton, R. (1946). *Mass persuasion*. New York: Harper & Brothers.
- Orwell, G. (1949). *Nineteen Eighty-four*. London: Secker & Warburg.
- Stiglitz, J. E. (2010). Interpreting the Causes of the Great Recession of 2008. *Financial System and Macroeconomic Resilience: Revisited. Bank for International Settlements*, (53), 4–19.
- Аверинцев, С. С. (1992). Бахтин, смех, христианская культура. В М. М. Бахтин как философ (с. 7–19). Москва: Наука.
- Арбатова, Н. К. (Ред.). (2013). *Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты)*. Москва: ИМЭМО РАН.

- Ашин, Г. К. (2010). *Элитология: История, теория, современность: Монография*. Москва: МГИМО.
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Питер.
- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва: «Искусство».
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: «Художественная литература».
- Ветренко, И. А. (2003). *Социально-исторический статус игры: Монография*. Омск: Издательство «Прогресс».
- Ветренко, И. А. (2009). *Игровые практики в политическом процессе: Монография*. Омск: Издательство ОмГУ.
- Гаврилов, Д. А. (2006). К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности. В *Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: Проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [Материалы]* (с. 359–368). Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж).
- Гейтс, Р. (2014). *Долг. Мемуары министра войны*. Москва: АСТ.
- Дмитриев, А. В. (1998). *Социология политического юмора*. Москва: РОССПЭН.
- Дмитриев, А. В., & Сычев, А. А. (2005). *Смех: Социофилософский анализ*. Москва: Альфа-М.
- Литвак, Н. (2018). Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт. *Полис. Политические исследования*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12
- Литвинов, Н. Н. (2010). Бренд-стратегия территорий. Алгоритм поиска региональной идентичности (часть 1). *Бренд-Менеджмент*, (4), 244–255.
- Платон. (1994a). Государство. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 3, сс. 79–420). Москва: «Мысль».
- Платон. (1994b). Законы. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 4, сс. 71–437). Москва: «Мысль».
- Тяпин, И. Н. (2015, июнь 9). Национальные идеи стран англосаксонского мира в «плёну» антиморали: Итоги эволюции. *Россия навсегда*. Извлечено от <http://rossiyanavsegda.ru/read/3000/>
- Фёдоров, С. М. (2019). Европейский проект Макрона и вопросы суверенитета. В В. Я. Швейцер (Ред.), *Свет и тени «эры Макрона»* (с. 55–59). Москва: Институт Европы РАН.
- Хаас, Р. (2019). *Мировой беспорядок*. Москва: «AST Publishers».
- Хантингтон, С. (2004). *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва: АСТ: «Транзиткнига».
- Хёсле, В. (1994). Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. *Вопросы философии*, (10), 112–123.

Шатилов, А. Б. (2020). «Моральный износ» власти как фактор дестабилизации политических режимов. *Власть*, (4), 9–17.

References

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Arbatova, N. K. (Ed.). (2013). *The EU Crisis and Prospects for European Integration (Political Aspects)*. Moscow: IMEMO RAS.. (In Russian).
- Ashin, G. K. (2010). *Elitology: History, Theory, and Modernity: A Monograph*. Moscow: MGIMO. (In Russian).
- Averintsev, S. S. (1992). Bakhtin, Laughter, Christian Culture. In *M. M. Bakhtin as a philosopher* (pp. 7–19). Moscow: Nauka. (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1979). *The Aesthetics of Word Creation*. Moscow: Art. (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1990). *The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).
- Bauman, Z. (2008). *Ongoing Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
- Berger, P. L., & Luckmann, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Doubleday.
- Carroll, L. (2015). *Alice's Adventures in Wonderland*. «Macmillan Publishers».
- Chenu, G.-M. (2002). Balkans (1991-1995): Uneamère experience. In S. P. Cohen (Ed.), *Les diplomates. Négociers dans un monde chaotique* (pp. 128–139). Autrement. (In French).
- Dmitriev, A. V. (1998). *The Sociology of Political Humor*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Dmitriev, A. V., & Sychev, A. A. (2005). *Laughter: A Sociophilosophical Analysis*. Moscow: Alfa-M.. (In Russian).
- Dusseaulx, A.-C. (2018). Trump, Macron et l'armée européenne: Une passe d'armes en quatre actes. *Journal de Dimanche*. Retrieved from <https://www.lejdd.fr/International/trump-macron-et-larmee-europeenne-une-passe-darmes-en- quatre-actes-3797597>
- Engdahl, W. (2018). *Manifest Destiny: Democracy As Cognitive Dissonance*. Wiesbaden: mine.books.
- Etzioni, A. (1968). *The Active Society. A Theory of Societal and Political Processes*. New York: The Free Press.
- Fedorov, S. M. (2019). Macron's European project and sovereignty issues. In V. Y. Schweitzer (Ed.), *Light and Shadows of the Macron Era* (pp. 55–59). Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Fukuyama, F. (1989). The End of History? *The National Interest*, (16), 3–18.
- Garach, C. (2020, February 4). Entretien avec Marine Le Pen: “L'Union européenne fonce dans le mur.” Retrieved from Euronews website:

<https://fr.euronews.com/2020/02/04/entretien-avec-marine-le-pen-l-union-europeenne-fonce-dans-le-mur>

- Gates, R. (2014). *Duty. Memoirs of a Minister of War*. Moscow: ACT.. (In Russian).
- Gavrilov, D. A. (2006). Toward Defining the Trickster and Its Significance in Socio-Cultural Reality. In *First All-Russian Scientific Conference "Philosophy and Social Dynamics of the XXI Century: Problems and Prospects", May 15, 2006. [Proceedings]*. (pp. 359–368). Omsk: SIBIT, IPEC, SRSB (college). (In Russian).
- Haas, R. (2019). *The World's Disorder*. Moscow: «AST Publishers». (In Russian).
- Hoesle, W. (1994). The Crisis of Individual and Collective Identity. *Questions of Philosophy*, (10), 112–123. (In Russian).
- Huntington, S. (2004). *Who We Are: Challenges to America's National Identity*. Moscow: ACT.: Transitektkniga. (In Russian).
- Litvak, N. (2018). The Modern Diplomatic Service as a Reflexive Institution. *Polis. Policy Studies*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12 (In Russian).
- Litvinov, N. N. (2010). Brand-strategy of territories. Algorithm of the search for a regional identity (part 1). *Brand Management*, (4), 244–255. (In Russian).
- Merton, R. (1946). *Mass persuasion*. New York: Harper & Brothers.
- Orwell, G. (1949). *Nineteen Eighty-four*. London: Secker & Warburg.
- Plato. (1994a). State. In A. F. Losev (Ред.), *Plato. Collected Works in 4 vols.* (Vol. 3, pp. 79–420). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Plato. (1994b). Laws. In A. F. Losev (Ред.), *Plato. Collected Works in 4 vols.* (Vol. 4, pp. 71–437). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Shatilov, A. B. (2020). The "moral wear and tear" of power as a factor in the destabilization of political regimes. *Power*, (4), 9–17. (In Russian).
- Stiglitz, J. E. (2010). Interpreting the Causes of the Great Recession of 2008. *Financial System and Macroeconomic Resilience: Revisited. Bank for International Settlements*, (53), 4–19.
- Tyapin, I. N. (2015, June 9). National Ideas of the Anglo-Saxon World in the Captivity of Antimorality: Evolutionary Findings. *Russia forever*. Retrieved from <http://rossiyanavsegda.ru/read/3000/> (In Russian).
- Vetrenko, I. A. (2003). *The Social and Historical Status of the Game: A Monograph*. Omsk: Progress Publishing House. (In Russian).
- Vetrenko, I. A. (2009). *Playful Practices in the Political Process: A Monograph*. Omsk: Omsk State University Press. (In Russian).

Критика и рецензии

Criticism and Reviews

MODERN IRANIAN POLITICAL ELITE - REVIEW OF ASEF BOYAT'S BOOK: «IRAN: A GREEN WAVE FOR FREEDOM AND LIFE» (TEHRAN, 2009)

Dmitrii A. Shashkin (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: dmitriskat147[at]mail.ru.

Abstract

The events following the Iranian elections of summer of 2009 demonstrated the rapidly increasing schism of the Iranian political elite. Its foundations were laid in previous years, primarily after the start of the so-called reformist movement in the second half of the 1990s. The purpose of this study is to examine the development of the main groups of the Iranian political elite. Within the framework of this purpose, the following task was determined: to study the conditions for the formation of the main trends in the Iranian political elite. The data given in the book of the modern Iranian researcher Asef Boyat allow us to compose a portrait of the modern Iranian political elite, to establish the general patterns of development of the political class that forms the foreign and domestic policy of the Islamic Republic of Iran.

Key words

Second Islamic Revolution; Participation Front of Islamic Iran; Organization of the Mujahideen of the Islamic Revolution of Iran; People's Party "Tudeh"; Organization of People's Fedayeen; Organization of People's Mujahideen; Democratic Party of Kurdistan; Organization "Komala"; reformist movement; right and left.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ИРАНА - РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АСЕФА БОЯТА: «ИРАН : ЗЕЛЕНАЯ ВОЛНА ДЛЯ СВОБОДЫ И ЖИЗНИ»(ТЕГЕРАН, 2009)

Шашкин Дмитрий Александрович (а)

(а) Астраханский государственный университет. Россия, Астрахань.
E-mail: dmitriskat147[at]mail.ru

Аннотация

События, последовавшие за выборами в Иране летом 2009 г., продемонстрировали стремительно увеличивавшийся раскол иранской политической элиты. Его основы были заложены в предыдущие годы, прежде всего, после начала так называемого реформистского движения во второй половине 1990-х гг. Приведенные в книге современного иранского исследователя Асефа Боята данные, позволяют нам составить портрет современной иранской политической элиты, установить общие закономерности развития политического класса, формирующего внешнюю и внутреннюю политику Исламской Республики Иран.

Ключевые слова

Вторая исламская революция; Фронт участия исламского Ирана; Организация моджахедов Исламской революции Ирана; Народная партия «Туде»; Организации народных фидаинов; Организации народных моджахедов; Демократическая партия Курдистана; организация «Комала»; реформистское движение; правые и левые.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В силу значительной персонализированности иранской политики есть основания при описании соответствующих организаций указывать, прежде всего, видных политических и общественных деятелей, которых простые граждане ассоциируют с той или иной политической организацией или группировкой. В этом отношении современные иранские партии скорее напоминают американские (более или менее жестко организованные лишь на высшем уровне), а не европейские политические партии, жестко структурированные на всех уровнях. Ярким примером «американского» типа является Фронт участия исламского Ирана. Остальные иранские партии вообще представляют собой немногочисленные объединения представителей истеблишмента, как, например, Организация моджахедов Исламской революции Ирана. В своих мемуарах Асеф Боят, говоря о принадлежности того или иного деятеля к определенной организации, также учитывал его ангажированность в государственные структуры. Безусловно, отбор видных политических деятелей сам по себе является непростой задачей, для решения которой были использованы публикации самих партий, информация в СМИ, а также наблюдения автора, сделанные в ходе полевых исследований в 2002–2009 гг.

В результате победы Исламской революции 1978–1979 гг. произошла резкая, но закономерная трансформация всего политического поля, которую довершили меры нового режима в отношении оппозиционных партий в начале 1980-х гг. В результате падения шаха под ударом оказался правый фланг: монархисты, консерваторы и правые националисты. Те из них, кто занимал при шахе видные посты, были частично расстреляны, а остальные большей частью эмигрировали из страны. В результате создания новой политической системы исламской республики для прежних правых не оставалось места даже теоретически, ибо их идейные установки («великий Иран», Иран национальный, монархия) в корне расходились с курсом нового режима на создание республики. Правые не смогли оказать значимого сопротивления новому режиму и как организованная сила быстро исчезли с поля внутрииранской политики (хотя и сохранили весьма значительную аморфную массу своих сторонников).

Вместе с тем политическое развитие нового режима привело к дальнейшей поляризации политических сил. Выделилось ядро будущей системы Хомейни, и начала приобретать всё более зримые очертания предлагаемая им модель исламской республики. Неизбежным итогом был разгром к 1983 г. левого фланга иранской политики –

прежде всего Народной партии «Туде»¹ (Bayat, 2009, p.28-31), Организации народных фидаинов² (Bayat, 2009, p.28-31), и Организации народных моджахедов³ (Bayat, 2009, p.28-31), которые не всегда были препятствием для утверждения нового режима, но потенциально представляли угрозу в силу неполной лояльности. Наряду с делегализацией левых партий исчезла возможность для открытой деятельности двух важных левых организаций национальных меньшинств: Демократической партии Курдистана (Иранского)⁴ (Bayat, 2009, p.35) и организации «Комала»⁵ (Bayat, 2009, p.41). Левые развернули широко-масштабную кампанию сопротивления, особенную активность в которой проявляли «народные моджахеды» и «народные фидаины», но к концу 1980-х гг. они потерпели полное поражение и оказались в эмиграции, а «народные моджахеды» дискредитировали себя, встав на сторону Саддама Хусейна в ирано-иракской войне. Лишь Демократическая партия Курдистана, несмотря на военные поражения и репрессии, по сей день сохраняется как значимая политическая сила в курдских районах Ирана.

Итогом этих событий стало буквально физическое уничтожение двух крайних флангов иранской политики. Силовые методы, применявшиеся всеми сторонами и приведшие фактически к внутривнутриполитическому состоянию, близкому к гражданской войне, способствовали полному устранению не только этих двух флангов, но и возникновению специфической раскладки сил внутри новой политической элиты.

ВРЕМЕННЫЕ РАМКИ ВТОРОЙ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вторая республика в Иране отсчитывается рядом исследователей с момента окончания войны с Ираком и смерти аятоллы Хомейни, что привело не только к смене президента и Верховного лидера, но и проведению в 1989 г. референдума о внесении поправок в конституцию, а также к осуществлению ряда других изменений в политической системе. В то же время множество черт, казавшихся очевидными в сере-

---

¹ Партия «Туде» – коммунистическая партия Ирана, придерживавшаяся устойчиво просоветской ориентации.

² Организация народных фидаинов – марксистская организация, широко использовавшая партизанские методы в своей деятельности.

³ Организация народных моджахедов (Моджахеддин-э хальк) – организация, опиравшаяся на синтез исламистской и марксистской идеологий. Широко использовала партизанские методы в своей деятельности.

⁴ Курдская левая партия, имеющая свои вооруженные формирования.

⁵ Курдская марксистская националистическая организация, широко использовавшая партизанские методы в своей деятельности.

дине 1990-х гг., когда концепция Второй исламской республики как раз и выдвигалась политологами, с точки зрения нынешнего дня кажутся преувеличенными⁶, особенно если учесть, что в середине 1990-х гг. сравнению подвергался фактически военный и послевоенный период в истории Ирана. Учитывая условия военного положения 1980-х гг., такое сравнение представляется нам не вполне корректным. Поэтому мы относим окончательное формирование Второй исламской республики ко второй половине 1990-х гг.

По нашему мнению, ключевым событием, изменившим политическое поле Ирана, стала неожиданная победа на президентских выборах 1997 г. Мохаммада Хатами, получившего почти 70 % голосов при 80-процентном участии избирателей (в предыдущих президентских выборах без реформистского кандидата явка достигала около 50 %). Вскоре после победы Хатами обострилось противостояние между двумя лагерями (консерваторов и реформистов), хотя и внутри этих лагерей также шла междоусобная борьба. Основными приемами в этом противостоянии со стороны консервативного лагеря стали отклонение реформистских кандидатов от участия в выборах, прежде всего в парламент и местные советы, аресты и преследование известных политиков. Причем репрессии затрагивали, главным образом, важные фигуры, но не лидеров – Карбасчи, Нури, но не Хатами, Кяррubi или Рафсанджани. Реформисты отвечали, укрепляя плюрализм в СМИ, обеспечивая большую открытость политической системы при отсутствии значительных изменений в нормативно-законодательной базе (Bayat, 2009, p.53).

Мы считаем, что отличия в тактике были связаны с контролем двух лагерей над различными органами власти. Опорой консерваторов были, прежде всего, органы безопасности и судебная власть, а также аппарат Верховного лидера. Реформисты опирались на аппарат президента, законодательную власть и структуры гражданского общества.

Пространство политического маневра для реформистов с самого начала оказалось предельно суженным. Поскольку практически все самые видные представители реформистов занимали в недавнем прошлом высокие посты и разделяли основные принципы политического устройства исламской республики, это обуславливало их намерение проводить реформы исключительно в рамках существующих норм и механизмов. Как отмечает Асеф Боят, анализируя ситуацию 1998–

---

⁶ Эти изменения даже называли «перестройкой», при этом «Горбачевым» считали Рафсанджани.

2001 г., реформисты рассматривались в качестве инсайдеров, пока не пересекали определенную черту, после чего превращались в аутсайдеров и от них отрекались даже другие реформисты, оставшиеся лояльными системе. Примером является оставление на произвол судьбы диссидентов, попавших в трудную ситуацию: Абдоллы Нури, Акбара Гянджи, участников студенческих протестов. По мнению Асефа Боята это вполне соответствовало распространенной среди сторонников исламской республики установке, согласно которой *власть в исламской политической системе принадлежит Богу, а потому людям предлагается служить исламскому государству, не противодействуя ему и не вступая с ним в борьбу, но служа его интересам* (Bayat, 2009, p. 40-41).

При этом реформисты остерегались поднимать вопрос коррупции (весьма острый для иранской политики на протяжении рассматриваемого периода). Так, например, в одной из самых противоречивых ключевых фигур иранской политики 1980–1990-х гг. бывшем президенте Рафсанджани они видели своего союзника, а во второй половине 2000-х гг. реформисты открыто пошли на сотрудничество с ним и партией «Управляющие созиданием». Между тем именно тема коррупции, в том числе режима Рафсанджани и самого Рафсанджани, стала с середины 2000-х гг. важной частью политической кампании Ахмадинежада, направленной против традиционной политической элиты. Впрочем, и альянс части реформистов с Рафсанджани, сплоченных вокруг Хатами, был достаточно непрочным, а поддержка со стороны Рафсанджани была далеко не безусловной. Как отмечает Асеф Боят *«хотя поддержка Рафсанджани была решающим фактором в обеспечении победы Хатами на выборах в 1997 году, он использовал свое положение как председателя Совета по определению целесообразности, чтобы сдерживать реформистские инициативы Хатами, и даже создал параллельные комитеты по культуре, юстиции, экономике и торговле, чтобы противодействовать некоторым шагам самого Хатами в этих сферах»* (Bayat, 2009, p.45).

Асеф Боят полагает, что громким началом противостояния стало смещение с должности и арест ключевого союзника президента Хатами – мэра Тегерана Карбасчи – менее чем через год после победы Хатами, в апреле 1998 г., и последующее его осуждение в ходе громкого судебного процесса. В качестве дальнейших наиболее важных шагов в этом противостоянии следует отметить закрытие знаковой для реформистского движения газеты «Салам» в 1999 г. и разгром студенческого движения в том же году (Bayat, 2009, p.53).

УПАДОК РЕФОРМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Эти события привели к пересмотру тактики и стратегии реформистского блока, представители которого стали действовать более сдержанно. В этом смысле мало что изменили и парламентские выборы 2000 г., на которых реформисты получили большинство голосов избирателей – 69,25 % и 195 из 290 депутатских мест. Реформистское движение переживало застой, и уже в 2003 г. один из самых видных его представителей, Саид Хаджарьян, провозгласил: «Реформы мертвы» (Bayat, 2009, p. 50). Действительно, на выборах в парламент VII созыва в январе 2004 г. реформисты потерпели поражение. Следующим этапом в сворачивании реформистского движения стали президентские выборы в июне 2005 г., на которых кандидатами Движения второго хордода были Мостафа Моин и Мехди Кярруби, занявшие в первом туре соответственно пятое и третье места. Во второй тур, который состоялся 24 июня 2005 г., вышли Ахмадинежад и Хашеми Рафсанджани (уже открыто поддержанный реформистами), и победил первый (Bayat, 2009, p.57).

После объявления результатов выборов 2005 г. Кярруби заявил, что сеть мечетей, Корпус стражей Исламской революции и формирования басиджей были незаконно использованы для мобилизации поддержки Ахмадинежада. Он также открыто обвинил сына Верховного лидера Хаменеи, Моджтабу, в участии в этом заговоре (Bayat, 2009, p. 61). Верховный лидер Хаменеи отклонил эти обвинения, и в ответ Кярруби ушел с поста советника Верховного лидера и отказался от членства в Совете по определению целесообразности, одном из высших государственных органов Ирана. Хашеми Рафсанджани также заявил о незаконном вмешательстве в избирательный процесс, вероятной манипуляции голосами и поддержал заявления Кярруби.

По мнению автора, в 2000-е годы выросла роль военной элиты, прежде всего представителей Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). В годы правления М. Ахмадинежада, когда КСИР была предоставлена (2006-2013) возможность участия в большом числе проектов (около 11 тыс.) в строительной, нефтегазовой, аэрокосмической и других сферах, принадлежавшая Корпусу компания «Хатам аль-Анбия» стала одной из крупнейших в стране (Bayat, 2009, p.63).

По мнению Асеф Боята, эти события стали началом кризиса легитимности избирательной системы страны, который достиг апогея летом 2009 г., после очередных президентских выборов. Он также добавляет, что произошедшие после этого беспорядки предоставили возможность Ахмадинежаду довершить разгром прежней констелля-

ции политических сил, парализовав оппонентов путем ареста основных деятелей реформистских организаций, закрытия ряда газет, проведения открытых судебных процессов. Это стало фактическим разгромом реформистского течения политической элиты Ирана, обвиненного в сговоре с иностранными государствами и попытках осуществить «бархатную революцию»⁷ (Bayat, 2009, p.65).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что Асеф Боят в своей работе «Иран: зеленая волна для свободы и жизни» исследует феномен Иранской политической элиты Второй исламской республики, которая (элита) сформировалась после свержения шаха, в условиях внутривластной конфронтации (приведшей к устранению ряда политических группировок правого и левого толка) и затяжной войны с Ираком. Раскол по признаку отношения к демократии произошел в середине 1990-х гг. Так, по его мнению, данный раскол был связан с подъемом так называемого «реформистского» движения, значительное место в идеологии которого заняли идеи укрепления демократических принципов в политической системе исламской республики. Реформистское движение стало оппозицией руководству Ирана, но не смогло занять достаточно сильные позиции в политической системе страны, отчасти в силу своих ограниченных возможностей для политического маневра.

Стоит отметить, что это довольно занимательная и необычная работа, так как до Асефа Боята ни один человек так подробно не описывал и не раскрывал феномен политической элиты Исламской Республики Иран, которая, несомненно, имеет довольно много интересных моментов и «подводных камней». И хотя в Иране уже в течение более чем 35 лет осуществляется исламское правление, проблемы формирования политической и экономической элиты и взаимоотношений между различными ее фракциями оказывают заметное влияние на развитие страны, на выработку направлений внутренней и внешней политики. Разногласия между отдельными кланами и группами политической элиты то обостряются, то ослабляются, приводя к смене прави-

---

⁷ Под «бархатной революцией» в Иране понимают скорее то, что в большинстве стран мира называют «цветной» революцией. Интересно, что апологеты неоконсервативного режима Ахмадинежада – Хаменеи пренебрегают тем, что, сравнивая волнения 2009 г. с Бархатной революцией 1989 г. (энгелаб-э махмали), они невольно сравнивают себя с коммунистическими диктатурами Восточной Европы 1980-х гг.

тельств, изменениям в экономической политике и в отношениях с внешним миром.

Список литературы

Bayat, A. (2009). *Iran: a green wave for life and liberty*. Tehran.

References

Bayat, A. (2009). *Iran: a green wave for life and liberty*. Tehran.

THE IMAGE OF RUSSIANS POLITICAL LEADERS IN THE EYES OF BARACK OBAMA: REVIEW ON THE BOOK «A PROMISED LAND» (2020)

Oleg F. Vedrov (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: olegvedrov327[at]mail.ru

Abstract

The review examines the relationship between the former American president and Russian political leaders. Particular attention is paid to how the author describes modern Russia, its political institutions and the current president. In addition, Barack Obama does not just present the events of the past on his own behalf, he subjects everything to critical analysis and tries to find the true motives of certain political actions, including those of Russian leaders. The book is relevant among other memoirs of political figures, because in it the author gives answers to many questions.

Key words

Barack Obama; USA; political leadership; international relations; Russia; V.V. Putin ; D.A. Medvedev.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ В ГЛАЗАХ БАРАКА ОБАМЫ - РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Б. ОБАМЫ «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ» (2020)

Ведров Олег Сергеевич (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
E-mail: olegvedrov327[at]mail.ru

Аннотация

В данной рецензии рассматриваются взаимоотношения между бывшим американским президентом и российскими политическими лидерами. Особое внимание уделяется тому, как автор описывает современную Россию, её политические институты и действующего президента. Помимо этого, Барак Обама не просто излагает события прошлого от собственного лица, он подвергает всё критическому анализу и старается отыскать истинные мотивы тех или иных политических действий, в том числе и российских лидеров. Данная книга имеет актуальное значение среди остальных мемуаров политических деятелей, потому как в ней автор даёт ответы на многие вопросы.

Ключевые слова

Барак Обама; США; политическое лидерство; международные отношения; Россия; В.В. Путин; Д. А. Медведев.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В ноябре 2020 года вышла в свет «Земля обетованная» (A promised land) – первая часть мемуаров 44-го президента США Барака Обамы. В первую неделю книга разошлась рекордным тиражом более 1.7 млн экземпляров, это сравнимо с совокупным объёмом продаж двух его предшественников – Джорджа Буша-младшего и Билла Клинтона. Ожидается, что откровения первого президента-афроамериканца станут самыми продаваемыми в истории из всех президентских мемуаров.

Барак Обама, по собственному признанию, планировал написать книгу за год и страниц на 500. Но вышло иначе: на «Землю обетованную» у него ушло два с половиной года, вместо 500 получилось 768 страниц. Это первый из двух томов книги, его Обама написал после своего пребывания на посту президента США с 2009 по 2017 год. Первый том завершается убийством Усамы бен Ладена в 2011 году.

О чем же Барак Обама писал в своих мемуарах? Сам Б. Обама ранее заявлял, что в мемуарах он стремился честно рассказать о своем президентстве. Обама рассказывает о своем жизненном пути: о том, что он прошел, чтобы стать первым афроамериканцем-президентом США, о своей предвыборной кампании, о встречах с мировыми лидерами, о принятии реформы здравоохранения и защиты пациентов в США (получила известность как *Obamacare*, считается одним из главных достижений президентства Обамы, это первая попытка реформировать медицинскую систему США с 1960-х годов), о борьбе с мировым финансовым кризисом и многим другим. В своей книге Барак Обама раскрыл и некоторые детали личной жизни.

Отдельного внимания заслуживает то, как бывший американский президент характеризует лидеров нашей страны, с которыми ему неоднократно приходилось встречаться. Так, например, Обама описывает Дмитрия Медведева, который был действующим президентом России на момент их первой встречи: «ребенок с плаката Новой России, молодой, подтянутый, в сидящих по фигуре европейских костюмах» (Obama, 2020, p.181). Маленький человечек с темными волосами, приветливый, более напоминающий менеджера международной корпорации, чем президента страны. Произвел на Обаму впечатление "современного политика", заинтересованного в установлении хороших отношений с США. Однако сразу же он отмечает: «Но только настоящую власть в России он не представляет — эта роль занята его боссом, Владимиром Путиным, бывшим офицером КГБ, двукратным президентом и в данный момент премьер-министром и лидером правительства, которое, как всякое традиционное правительство, напоминает криминальный синдикат, охвативший своими щупальцами практи-

чески каждый аспект экономики страны» (Обама, 2020, р. 181). Очень интересный факт, что первому упоминанию Владимира Путина в книге сопутствует слово «patron».

Впервые в качестве президента Б. Обама побывал в России летом 2009 года. Встреча с В.В. Путиным состоялась на даче в Ново-Огарёво. Как вспоминает бывший глава Белого дома, российский лидер в самом начале разговора предпочел подробно изложить все свои претензии к США. «Я едва успел закончить свой вопрос, как Путин пустился в, казалось, нескончаемый монолог, - утверждает Б. Обама в своих мемуарах. - Он подробно перечислил все случаи воображаемой несправедливости и неуважения к русским со стороны американцев» (Обама, 2020, р.243). Как вспоминает Обама, Путин особо подчеркнул, что Буш не "прислушался к его предупреждениям" и своим вторжением в Ирак "дестабилизировал Ближний Восток". В своем монологе Путин также упомянул о расширении НАТО и "цветных революциях", которые были организованы США в "российской сфере влияния", и попытках Вашингтона "доминировать во всем мире". К тому же, по мнению Путина, Соединенные Штаты не видят в России в "равноправного партнера", так что в этих условиях сложно надеяться на улучшение двусторонних отношений. Обама утверждает, что оживленный монолог Путина продолжался ровно 45 минут. После этого американский лидер попытался было подробно ответить на все высказанные претензии, но у него сложилось впечатление, что премьер-министру России эти объяснения были не интересны. По крайней мере, Путин слушал своего гостя не слишком внимательно.

Путин показался Обаме партийным боссом из Чикаго гангстерских времен, только с ядерным оружием и правом вето в ООН. «Путин напомнил мне мужчин того типа, которые когда-то заправляли чикагской политикой - воспитанные улицей, жесткие, лишённые сантиментов типы; узколобые, которые никогда не выходили за рамки своего ограниченного опыта и которые расценивали крышу, взятки, шантаж, обман и периодически возникавшее насилие как законные методы своей деятельности» (Обама, 2020, р.243).

Рассуждая о роли и положении дел в современной России, автор отмечает, что с каждым годом, что Путин остаётся у власти, «новая Россия всё больше напоминает старую, стало ясно, что рыночная экономика и регулярные выборы могут идти рука об руку с «soft authoritarianism» (мягкий авторитаризм), который по мнению автора концентрируют власть в руках В.В. Путина. «Олигархи, которые сотрудничали с Путиным, стали самыми богатыми людьми в мире. Его приспешникам был передан контроль над государственными СМИ, а

независимые журналисты и политические лидеры оказались под наблюдением и контролем ФСБ». И сразу же он отмечает, что власть Путина не опиралась на принудительные методы, уровень доверия российского президента всегда был крайне высоким. Объясняется это тем, что Путину удалось стабилизировать экономику в начале нулевых, а также не обошлось без обращения к «старомодному национализму» (вера в то, что Россия является мировой державой и с ней нужно считаться) (Obama, 2020, p. 245).

На следующих страницах Б. Обама делает весьма специфичное сравнение: «с привередливостью инстаграм-подростка Путин выкладывает фотографии и создаёт сатирический образ мужской силы, при этом проявляя непринужденный шовинизм и гомофобию» (Obama, 2020, p. 245). Здесь речь идёт об известных снимках на лошади без рубашки, игры в хоккей и т.д. Однако в чём здесь проявляется шовинизм остаётся загадкой.

Один из самых интересных моментов из мемуаров Барака Обамы является следующий: «Все, что делал Путин, было направлено на формирование стереотипа, что под его твердым, отеческим руководством Россия вновь обрела мощь и привлекательность. Была только одна проблема — Россия больше не была сверхдержавой. У нее, несмотря на ядерный арсенал, не было масштабной сети союзников и баз» (Obama, 2020, p.245). В данном случае господину Б. Обаме сложно возразить, потому как: 1) у России действительно нет надежных союзников. Из бывших советских республик к союзникам можно отнести разве что Беларусь и Казахстан (с натяжкой); 2) Россия попросту не имеет военных баз. Разве что только миротворческие временные миссии; 3) отсутствие идеи, которая бы привлекала другие государства. У американцев есть свой проект – демократия во всём мире, следуйте за нами – и всего достигнете. А вот Россия предложить ничего не может.

Подводя итоги, хочется отметить, что Россия в изложенных мемуарах предстаёт всё в том же привычном для западных политиков образе. Автор пишет, что «Владимир Путин стал лидером того, что одновременно напоминало и преступную группировку, и традиционное правительство, щупальца которого опутали все сферы российской экономики» (Obama, 2020, p.247). Помимо этого, Барак Обама отмечает высокий уровень коррупции в стране и социальное неравенство.

Следует отметить, что отношения между Обамой и Путиным не сложились с их первой встречи, как отмечает бывший американский президент. Претензии, которые были направлены в сторону американцев в ходе первой встречи, пришлось не по душе автору мемуаров.

В своей книге Обама характеризует Путина как авторитарного лидера, который отмечается своей воинственной внешней политикой. А это в свою очередь встаёт на главной цели американского лидера - «Мира без войны». В то же время, не стоит забывать, что США были ввязаны как минимум в 4 конфликта во время президентства Барака Обамы (Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия).

Таким образом, основная проблема взаимоотношений между Россией и США, по мнению бывшего американского президента, выражена в действующей российской власти, цели и инструменты достижения которой отличаются от принятых в демократическом обществе.

Список литературы

Obama, B. (2020). *A Promised Land*. Penguin Random House

References

Obama, B. (2020). *A Promised Land*. Penguin Random House

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие
"Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:
elitologyjournal@gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal@gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415